

# ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/2011

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

экслюзивно  
для  
cutbacke2.org

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908—1912 гг. .... 3

### СТАТЬИ

А.С. Смыкалин — Идеологический контроль и Пятое управление КГБ СССР в 1967—1989 гг. .... 30

### ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

П.А. Искендеров — Исмаил Кемали ..... 41

### ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) ..... 64

### СООБЩЕНИЯ

А.И. Чвикалов — Городское самоуправление и общественные банки во второй половине XIX в. .... 86

Выходит  
с 1926 года

ООО  
РЕДАКЦИЯ  
ЖУРНАЛА  
«ВОПРОСЫ  
ИСТОРИИ»  
МОСКВА

<b>А.А. Синдеев</b> — Западноевропейский интеграционный процесс. 1947—1957 гг. ....	98
<b>О.И. Макарчук</b> — Международный фактор Синьхайской революции в Китае .....	110
<b>М.Ю. Половникова</b> — Европейские религиозно-политические организации в Палестине во второй половине XIX в. ....	122

## ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

<b>М.М. Гасаналиев</b> — Деятельность генерала И.В. Гудовича на Кавказе в начале XIX в. ....	129
--	-----

## ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

<b>Ю.М. Аблаев</b> — Образование советско-финляндской границы в 1918—1922 гг. ....	137
<b>М.В. Оськин</b> — Проблема резерва для генерального наступления русской армии в 1917 г. ....	144
<b>В.Е. Чухно</b> — Владимирский губернатор И.М. Судиенко	151
<b>Н.В. Пислегин</b> — Недовольство властью в «удмуртских» уездах Вятской губернии в начале XIX в. ....	156

## ИСТОРИОГРАФИЯ

<b>Х.-М.А. Сабанчиев</b> — Проблема депортации карачаевцев и балкарцев в зарубежной историографии ...	166
<b>М.Ц. Арзаканян</b> — Е. Щекотихин. «Нормандия» — полет в бессмертие .....	170
<b>Г.М. Садовая</b> — М.Е. Ерин. Генрих Брюнинг. Канцлер и политик: биография .....	173

## В преддверии полного раскола.

Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908—1912 гг.

### 95. Редакция «Правды» — ленинской «Организационной комиссии» \*85

[Конец июня 1911 года] \*86

Уважаемые товарищи!

На наш адрес получено за подписью «секретарь ОК Власов» [Рыков], без всякого организационного или обычного в социал-демократической переписке обращения, письмо, в котором мы, т.е., очевидно, редакция «Правды», приглашаем делегировать в состав «ОК» нашего представителя, причем нам рекомендуется торопиться, так как «ОК приступает к работе по созыву конференции немедленно».

Как усматривается из приложенного при этом письме печатного листка, озаглавленного «Извещение» и подписанного «Совещание членов ЦК РСДРП» \*87, под буквами «ОК» надлежит понимать «Организационную комиссию по созыву конференции». Таким образом, мы приглашаем к участию через нашего представителя в этом именно учреждении.

К сожалению, — и это мы вынуждены сказать с самого начала — крайняя двусмысленность — в формальном отношении и по существу, той позиции, какую заняло «Совещание» и за ним «ОК», делает для нас — по крайней мере впредь до совершенно удовлетворительных разъяснений с Вашей стороны — невозможным принятие Вашего предложения.

1. Из печатного листка выясняется, что «ОК» выбрана совещанием членов ЦК; следовательно, от этого именно совещания, и только от него, она несет свои полномочия. Но решения *совещания* части членов ЦК могут иметь по самому существу дела, очевидно, только *совещательный* характер. Это лишь предложения, которые должны еще в той или иной форме найти санкцию Партии для того, чтобы превратиться в организационные постановления. Само совещание несколько раз в своем «извещении» именно так ставит этот вопрос. Каким же образом вышедшая из такого рода совещания «Комиссия» может «немедленно» приступить к организационной работе по созыву конференции? Не опасаетесь ли Вы, что «ОК», вышедшая из частного совещания, может в свою очередь вместо общепартийной конференции созвать лишь частное же совещание?

2. Или же, быть может, «Совещание» шести членов ЦК, вопреки его наименованию, надлежит понимать все-таки как правомочное партийное учреждение? Но в таком случае как понимать Ваше решение о скорейшем созыве пленума<sup>\*88</sup>, т.е. полного, законного, правомочного собрания ЦК? Очевидно, в том именно смысле, что Ваше «Совещание», в отличие от правомочного пленума, само считает себя частным и неправомочным. Но в таком случае ясно, что и «ОК», созданная Вами в порядке частной инициативы, могла бы получить полномочия только от того учреждения, которое вправе такие полномочия давать, т.е., по Вашему же мнению, от пленума. А если так, то каким образом «ОК», упреждая созыв пленума, может «немедленно» приступить к ответственной работе по созыву конференции, притом в пределах срока, заранее установленного тем же неправомочным, частным совещанием<sup>\*89</sup>?

3. Не считаете ли Вы, что роль пленума в Вашей конструкции восстановления Партии вообще совершенно неясна? Если, не дожидаясь пленума, совершается немедленный приступ к созыву конференции, причем вся работа ведется «под общим контролем “ОК”», то к чему в таком случае вообще пленум? А если нужен новый пленум, то в каком смысле «ОК» может считаться авторитетной в деле верховного контроля над работой по созыву общепартийного представительства?

4. Надеемся, Вы согласитесь с нами, что все эти организационно-правовые соображения сохраняют всю свою силу совершенно независимо от того, войдет ли наш представитель в «ОК» или не войдет. Ибо ни «меньшевикам-партийцам», ни группе «Вперед», ни редакции «Правды», ни национальным организациям никакими статутами не предоставлено право легализировать своим вступлением Вашу «ОК», как частному совещанию нескольких членов ЦК не предоставлено право ее создавать.

Такова *формальная* сторона дела. Как она ни важна, но ею, разумеется, ни с какой стороны не исчерпывается вопрос. И само «Извещение» ссылается несколько раз на крайне трудное положение партии, на полную невозможность собрать в России ЦК и проч. как на условия, вынудившие совещание к «экстренным мерам», т.е. внеправовой, внеуставной инициативе. Другими словами, свои организационные шаги само Совещание считает революционными с точки зрения партийного права. Нельзя, разумеется, отрицать, что бывают положения, когда разрыв партийного права является единственным выходом из тупика. Но для того, чтобы и в таких исключительных условиях революционный шаг той или иной инициативной группы создал действительный выход из положения, а не вовлек, наоборот, партию в новые, еще большие затруднения, необходима наличность следующих условий:

1. Необходимо, чтобы революционный выход был действительно *единственным*, т.е. чтобы в наличности не было никаких законных учреждений, которые могли бы служить пунктом отправления дальнейшей организационной работы.

2. Необходимо, чтобы внеуставный, а тем более противоуставный шаг, предпринятый в интересах партии, опирался на общественное мнение этой последней; тогда он теряет свой революционный по отношению к партии характер и становится общепризнанным выражением партийной воли.

3. Беря на себя инициативу такого шага, нужно ясно и точно указать его содержание, смысл и цель, отнюдь не укрываясь за мнимо-уставные соображения и не придавая своей частной инициативе фальшивой видимости формально-обязательного решения, ибо такого рода лжеправовая аргументация порождает естественные сомнения в чистоте намерений инициаторов — по неизбежной аналогии с практикой государственных переворотов и «законодательств» по 87 статье<sup>\*90</sup>.

И мы должны сказать, что, по крайнему нашему убеждению, в *Вашей* *противоуставной инициативе отсутствуют все те коренные условия, которые могли бы оправдать ее в сознании партии и тем обеспечить ей успех.*

Выступая с «экстренными мерами», «Совещание» совершенно обходит существующее за границей общепартийное учреждение, не объявляя его упрямленным, но фактически пытаясь его упразднить. Оно апеллирует одновременно и к уставу, который, однако, целиком против него, и к внеуставной революционной инициативе, для которой *ввиду существования ЗБЦК нет достаточных оснований в положении дел.* Соединяя воедино эти взаимно исключаящие друг друга аргументации, «Совещание» дает право подозревать его в том, что оно, взывая к сочувствию партии, заранее знает, что этого сочувствия не встретит; и, заранее же отказываясь склониться перед общественным мнением партии, подготавливает для себя мнимо-правовую позицию путем двусмысленных манипуляций именем ЦК.

Одно из двух, товарищи: *либо* устав и формальная дисциплина — тогда не смейте обходить ЗБ, тогда не присваивайте себе прав и полномочий пленума, тогда не создавайте «ОК», тогда не предопределяйте заранее состава пленума, приглашая одних и самовольно вычеркивая других; *либо* внеуставная и революционная инициатива, «экстренные меры», как выражается «Извещение», — тогда имейте мужество заявить об этом без прикрытия и оговорки, тогда не прячьтесь от приговора той партии, во имя которой Вы ведёте двойную игру, проводя под маской-партийности свой корыстный фракционный интерес!

«Экстренные меры» лишь в том случае могли бы, как мы уже сказали, сыграть творческую, а не разлагающую роль, если бы за ними было сочувствие всей партии. Между тем этого-то и нет. И по самому существу мер не может быть. Более того — и здесь мы подходим к центральному вопросу — все сделанные Вами *до настоящего времени* шаги имеют такой характер, как если бы Вы сознательно ставили себе целью изолировать себя от партии.

Вы говорите в своем «Извещении» о необходимости «соглашения» различных течений и о «взаимном контроле» их представителей. Мы тоже думаем, что, поскольку заграничные фракционные группы вообще способны сейчас сделать что-нибудь для воссоздания партии, они могут это сделать лишь на пути соглашения и взаимного контроля. Между тем вступлением к «Совещанию» явилось выступление большевика тов. А. (с кассой) из ЗБЦК. Представитель той группы, которая хочет теперь открыть новую эпоху «соглашения и взаимного контроля», начинает с того, что единолично объявляет несуществующим общепартийное учреждение, где рядом с ним работали представители четырех других течений и национальных организаций и *где поэтому и следовало бы начать практику соглашения и взаимного контроля*, и в доказательство несуществования этого учреждения тов. А. уносит с собой партийную кассу. Не думаете ли Вы, что эта вступительная демонстрация «взаимного контроля» может создать довольно серьезные сомнения насчет общих намерений единомышленников тов. А.? Не кажется ли Вам, что эти сомнения будут небезосновательными, ибо попытка взорвать единственное коалиционное учреждение не может, на наш взгляд, считаться счастливым началом коалиционного сотрудничества? И не согласитесь ли вы с нами, что, организуя «ОК» на фундаменте кассы, перенесенной тов. А. из другого учреждения, «Совещание» тем самым взяло на себя полную моральную ответственность за поступок тов. А. и его группы \*91? Где после этого гарантии, что кассир «ОК», разойдясь с представителями остальных групп по тому или иному вопросу, не выйдет из этого учреждения (по возможности с кассой) и не объявит его несуществующим \*92? Субъективной гарантии, как

свидетельствуют все факты, ближайшие единомышленники тов. А. не представляют; объективную гарантию мог бы, очевидно, дать только *состав самой Организационной комиссии*. Между тем, именно в этом пункте Ваше Совецание оставляет место худшим предположениям. В печатном «Извещении» Вашем число членов «ОК» почему-то обозначено точками \*<sup>93</sup>. Указано только, что заграничные организации «меньшевиков-партийцев», группы «Вперед», Бунда, латышск[их] социал-демократов и редакция «Правды» приглашаются послать в «ОК» по одному представителю. Ничего не сказано, с одной стороны, о «Голосе социал-демократа», с другой — о Заграничной группе большевиков и ПСД. Между тем нам сообщают, что в «ОК» уже в настоящее время входят *три большевика и два польских социал-демократа, т.е. фактически все ответственные участники «Совещания»*, так как шестой член его, товарищ латыш, принимал в нем участие лишь провизорно<sup>1</sup>, не беря на себя ответственности от имени Латышск[ого] ЦК, его на совещание не делегировавшего. Если это верно — а у нас, к сожалению, нет возможности сомневаться в этом, — то ведь это означает ни более, ни менее как то, что частное совещание двух групп (три б[ольшевик]а и два поляка), взявшее на себя противоположную инициативу «соглашения» с другими течениями, обеспечивает за собой собственным своим решением, т.е. самоизбором, *большинство* в том именно учреждении, которое должно еще только стать органом «соглашения» и «взаимного контроля». Не значит ли это, что под такими импонирующими партии лозунгами нужно понимать в сущности право *соглашаться* с большинством «ОК» и пребывать *под его односторонним контролем*? Не свидетельствует ли в таком случае приглашение представителей остальных групп лишь о том, что учреждению, фракционный характер которого обеспечен заранее произвольным само назначением большинства, инициаторы его стремятся придать внешнюю видимость партийности? Не в тех ли самых целях умалчиваете Вы о составе Вашего «Совещания» по течениям? Ибо независимо от того, были ли действительно приглашены все члены ЦК, «находящиеся в данный момент за границей», или же и здесь произведена сортировка, остается во всей своей силе тот неотразимый факт, что одна национальная группа (из трех) и одно партийное течение (из пяти), решившись взвалить на свои плечи задачу спасения партии путем «экстренных мер», не имеют в то же самое время мужества открыть этой партии свое лицо. Не имеет ли партия право думать, что Вы боитесь ясно и громко сказать, кто Вы? Но если это так, то тем самым Вы беспощадно осудили Ваше начинание.

Не вправе ли заключить партия, что именно этим откровенно-фракционным характером Совещания объясняется то, что из него вышел представитель «меньшевиков-голосовцев» тов. И[горь — Горев] и бундист тов. Б[ер — Либер], который, по словам самого «Извещения», «является бесспорным выразителем взглядов ЦК Бунда»? И разве не фракционно-боевыми мотивами нужно объяснять невключение «Голоса социал-демократа» в число групп, которые приглашаются к участию в «ОК»? Не значит ли это, что та конференция, от участия в которой считается *возможным* устранить влиятельную часть партии, предполагается не как общепартийная конференция, а как конференция блока нескольких фракций под *«контролем»* двух, заранее обеспечивших себе большинство? Не этим ли объясняется то обстоятельство, что присутствовавший на совещании представитель латышских социал-демократов отказался брать на себя ответственность за решения «Совещания» перед латышским ЦК и отказался, по-видимому, совершенно основательно, насколько мы можем судить по настроению руководящих латышских товарищей? И уж разумеется, этим именно характером «Совещания» объясняется глубокое возмущение не только в среде «меньшевиков-голосовцев», впер-

довцев, нефракционных элементов, но и в среде «меньшевик-партийцев» последними парижскими «экстренными мерами». Не имеем ли мы, наконец, основания думать, что русские большевики, которые, подобно москвичам Герману и Аркадию <sup>\*94</sup>, обвиняют заграничный Большевицкий центр в том, что он «вставлял палки в колеса» объединительной работы (см. Правда, № 20), что те большевики, которые действительно честно и искренно хотят дружной партийной работы, первыми восстанут против раскольнической инициативы Парижа? Не окажется ли в таком случае, что эта инициатива обязана своим возникновением соглашению изолированного заграничного кружка большевиков с поддерживающими его заграничными представителями ПСД? Этот вывод вытекает с элементарной необходимостью, и — впрямь до Ваших разъяснений — мы вынуждены его сделать <sup>\*95</sup>.

Если бы тем не менее, вопреки всем знамениям, выяснилось, что мы ошибаемся; если бы оказалось, что товарищи большевики, пытавшиеся задушить «Правду» петлей финансового террора, и товарищи поляки, оказавшие им в этом самое сильное содействие в ЗБ; если эти же товарищи, травившие совместно на страницах ЦО «Правду», как выразительницу объединительных тенденций; вставлявшие палки в колеса всяким попыткам совместной работы разных течений и травившие все другие течения в таких формах, которые не имеют ничего общего с идейной борьбой и которые компрометируют само имя социал-демократии; если бы оказалось, что теперь, через полтора года после объединительного пленума, эти товарищи убедились в политической вредности и нравственной недопустимости такого рода методов «воссоздания партии» и хотят встать на путь добросовестного соглашения и взаимного контроля, взять назад свои последние раскольнические-переворотные шаги, — редакция «Правды» будет последней группой в партии, которая им откажет в содействии.

Но если им для продолжения их убийственно-раскольнической политики нужно прикрытие со стороны неskomпрометированной организации — редакция «Правды» будет последней группой в партии, которая на это пойдет!

С тов. приветом Редакция «Правды».

*Примечание:* Резолюция редакции «Правды» о способе созыва общепартийной конференции напечатана в № 21 «Правды».

**96. А.Н. Потресов — Ю.О. Мартову <sup>2</sup>**

*1 июля (18 июня) 1911 года*

Дорогой Ю.О.!

Мы здесь достаточно повозились с вопросами о том, как быть со статьей Розанова <sup>\*96</sup> — принимая особенно во внимание нападение большевиков на его корреспонд[енцию] в «Д[еле] ж[изни]», и в конце концов пришли к тому заключению, что сейчас — при самых первых литературных шагах в избират[ельной] кампании — лучше статью на один-два номера отложить. Иначе редакционный ответ пришлось бы дополнять, подымать его тон и при самом вступлении в дискуссию вышла бы чрезвычайно удобная для большевиков диверсия. В «Д[еле] ж[изни]» в ближайшей книжке предполагается вскользь упомянуть о корреспонд[енции] Розанова и оттенить редак[ционное] несогласие журнала с этой статьей. Важно во всяком случае не выпячивать этот инцидент... Розанов, конечно, будет очень недоволен, но иначе, по-видимому, невозможно поступить... Напишите, пожалуйста, Ваше мнение. Ужасно досадно, что приходится вместе с тем откладывать и Ваш редакционный ответ, который, очевидно, к тому времени, когда мы решимся выпустить Розанова, придется переделывать соответственно обстоятельствам и моменту.

Получили ли Вы обратно Вашу статью с корректурным оттиском статьи Чацкого? Вашу статью, кое в чем изменив, непременно присылайте <sup>\*97</sup>. В следующую субботу предстоит ответ «Звезды» <sup>\*98</sup>. Я Вам его тотчас пришло, чтоб Вы — буде нужно — могли еще на него реагировать. На сей раз очень позаботьтесь, пожалуйста, об иностран[ных] статьях, о которых я Вам писал в прошлый раз. Надеюсь, что в этом номере у нас, кроме статьи Юр. Чацкого об избир[ательной] кампании и строительстве (отчасти на мотивы, затронутые в статье Ф.И. [Дана]), идет статья о страховании; обещана — не знаю, однако, выполнит ли — К. Д[митрие]вым <sup>3</sup> серия статей по вопросам профес[сионального] движения. К июль-августовск[ой] надо заготовить статьи, комментирующие законопроекты о свободе стачек, союзов и собраний и т.д. — вероятно, за них возьмутся наши профессионалисты...

В принципе решил, что еду повидаться с Вами и другими друзьями, но только в конце июня окончательно — из-за личных дел — смогу выяснить, тронусь ли я к Вам в начале июля или позже. Пожалуйста, имейте это во всяком случае в виду. Хорошо бы нам свидеться где-нибудь на вольном воздухе, а не в Париже — просто, чтобы утилизировать немного это время и в смысле отдыха...

Ломаю себе голову над тем, как бы устроить для Вас и друзей заработок. Очень сейчас это трудно. Знаю, что вчера Берлин <sup>\*99</sup> взял Ваш адрес, чтобы предложить Вам корреспондировать из Франции. Обратите Ваше внимание на «Современник» <sup>\*100</sup>. В Петерб[урге] представителем его является Водовозов <sup>\*101</sup>. Говорят, что с одной стороны над «Современником» царит тень [В.М.] Чернова, а с другой — Кусковой и Прокоповича, которые вели какие-то разговоры с Амфитеатовым и комп[анией]. Сам Водов[озов] заявляет себя марксистом-ревизионистом, но журнал рассматривает как свободную трибуну... А всего важнее теперь найти денег для нашего журнала, чтобы мог платить гонорар, и для газеты. Об этом мы здесь серьезно толкуем. Может быть, избир[ательная] кампания поможет...

97. Г.В. Чичерин — И.С. Биску

[Париж,] 1 июля 1911 года

Лично

Уважаемый товарищ!

Цюрихская (очень содержательная и удачно составленная) резолюция получена Даном и передана нам для воспроизведения. *Теперь она переводится для отправки «держателям».* Голосовцы нашли желательным послать держателям перевод получающихся резолюций (Вен[ского] парт[ийного] клуба, Нанс[ийской] гр[уппы], Лоз[аннской] гр[уппы], Баз[ельской] гр[уппы], Жен[евской] гр[уппы], Париж[ского] общепарт[ийного] собр[ания] <sup>\*102</sup>. Держатели, очевидно, односторонне информированы и разрешили Ленину выдать деньги Т[ехнической] К[омиссии] для уплаты ред[акции] ЦО, наборщикам и т.д. <sup>\*103</sup>

Цюр[ихская] рез[олюция] будет возможно скорее отпечатана и разослана.

Наш сев[еро]-герм[анский] корреспондент <sup>\*104</sup> сообщил Шрагу <sup>\*105</sup> адрес заведующего экскурсиями в Швейцарии Ник. Ал-дровича Ульянова (Brienz, Hotel Rossel) <sup>\*106</sup>. *Ульянову он рекомендовал Шрага.* Это социалист-революционер, с ним можно быть более откровенным. Таким образом Шраг имеет в руках все данные, чтобы поставить дело помощи экскурсиям. Главное: *чтобы кто-нибудь поехал в горы* (около Brienz). В горах можно гулять водить, знакомиться и т.д.

Не можете ли использовать Ваше влияние, чтобы побудить кого-нибудь туда съездить?

С тов. приветом Орнатский.



Перевод

Дорогие товарищи,

ЗБК передало нам, как членам редакции ЦО, содержание вашего ответа на его доклад о сделанной ленинской группой попытке раскола партийных учреждений.

Ввиду того, что принятые вами решения фактически значительно укрепляют позиции той группы, которая формально нарушила заключенное на прошлогоднем пленуме ЦК объединительное соглашение, то мы, в качестве лиц, подписавших это соглашение, и как партийные работники, связанные постановлениями партии, хотим попытаться точно информировать вас о положении дел в партии вообще и об объективных последствиях ваших решений в частности. Мы также считаем своим долгом по отношению к партии, равно как и по отношению к вам, уважаемые товарищи, привести здесь все фактические данные, знакомства с которыми вам, возможно, не хватает, чтобы составить себе точное суждение о положении дел. А так как ваше последнее решение делает, к сожалению, организационный раскол в центральных учреждениях РСДРП совершившимся фактом, то нам ничего другого не остается, как снять с себя этим путем ответственность перед партией и Интернационалом за все дальнейшие последствия раскола. Итак, прежде всего о положении, созданном Вашим решением.

1. Мы вынуждены констатировать, что фактом вашего отказа выдать средства на ведение партийных дел Заграничному бюро, избранному ЦК в качестве его законного представителя, и вашим решением передать эти средства совершенно анонимной «Технической комиссии» \*109, созданной проживающей в Париже и никем на то не уполномоченной группой так называемых кандидатов ЦК, этой группе дана возможность сделать попытку занять место Заграничного бюро, которое по-прежнему продолжает признаваться подавляющим большинством партии законно существующим партийным центром.

2. Одного этого уже достаточно, чтобы углубить и расширить предпринятый ленинской группой партийный раскол. Так, в раскол теперь вовлечен ЦО, в редакции которого мы состоим. Издательская часть и экспедиция ЦО переданы были ЦК в ведение Заграничного бюро вместе с правом улаживания могущих возникнуть конфликтов внутри редакции. После того как парижское «совещание» опубликовало свою резолюцию о лишении Заграничного бюро его функций и санкционировало захват его кассы, мы предложили большинству редакции выступить открыто против подобных действий и заявить, что право издания ЦО по-прежнему принадлежит исключительно ЦК в лице его Заграничного бюро. Отказ большинства редакции последовать нашему предложению вынудил нас сделать заявление, текст которого при сем прилагается \*110, с тем чтобы снять с себя ответственность за дальнейшие действия редакции. Но вдобавок большинство редакции уведомило нас, что денежные суммы, которые вы предоставили в распоряжение «ТК» делают возможным дальнейший выпуск «ЦО». Это положение заставит нас публично заявить, что газета, которая издается на деньги, не проходящие через кассу ЗБК и расходование которых, следовательно, изъято из-под контроля ЦК и его правомочного органа, что такая газета не есть партийный орган, а лишь частный орган одной определенной группы, и что мы, члены редакции ЦО партии, не имеем ни моральной возможности, ни формального права принимать участие в подобном рода предприятии.

3. Вы уполномочили «ТК» выплачивать из хранящихся у вас сумм жалование партийных работников, равно как и производить необходимые партий-

ные расходы в пределах, установленных последним пленумом ЦК, и по смете, составленной Заграничным бюро. Но в этой смете предусмотрены также и расходы по содержанию и функционированию Заграничного бюро. Было бы странно предположить, что «ТК», которая создана людьми, объявившими Заграничное бюро «распушенным», предоставит ему нужные средства на продолжение его деятельности. Совершенно ясно, что при составлении своей сметы по бюджету ЦК она выключит из нее ЗБК. И тут мы должны особенно подчеркнуть тот факт, что и в вашем письме при перечислении партийных служащих, которым «ТК» надлежит выплачивать жалование, названы редактора, наборщики, транспортеры, но нет никакого упоминания о членах Заграничного бюро. Таким образом вы — в согласии с желаниями ленинской группы, хотя, быть может, и не отдавая себе в этом отчета, — вычеркнули определенных товарищей из списка сотрудников, составленного нашим ЦК.

Само собой понятно, что при таком положении вещей, когда установленный ЦК бюджет преобразован согласно требованиям *одной* группы, все те партийные служащие, которые не имеют желания солидаризироваться с ленинской группой (даже если оставить в стороне всякие другие соображения), должны категорически отказаться от жалования, выплачиваемого «Технической комиссией». Так, конечно, и мы поступим, и нам остается только выразить свое сожаление по поводу того, что те партийные служащие, которые находятся в менее независимом материальном положении, поставлены теперь перед тяжелой и унижительной необходимостью выбора между исполнением своего прямого партийного долга и перспективой голодного существования.

4. Мы должны, наконец, указать на то, что, согласно договору, заключенному между ЦК и ленинской группой, о спорных суммах, расходы из этих сумм, за исключением статей, строго установленных прошлогодним пленумом, могут производиться каждый раз только с общего согласия упомянутой большевистской группы и ЦК в лице его Заграничного бюро. Когда Заграничное бюро обратилось к вам с ходатайством о выдаче ему 1000 марок на текущую работу, то оно при этом исходило из известного вам согласия на то ленинской группы, а именно: производить расходы в пределах *части* месячного бюджета заимообразно до тех пор, пока не соберется пленум или не оконституируется Русская коллегия ЦК. Это соглашение, обеими сторонами подписанное и заключенное на известный срок, уже по самому существу своему не может быть нарушено по усмотрению *одной* стороны. Несмотря на это, вы отклонили ходатайство Заграничного бюро, опирающегося на это соглашение. И вместе с тем вы выдали денежные суммы «ТК» на основании одного только желания ленинской группы, без требуемого на то согласия другой стороны, Заграничного бюро. Мы, конечно, понимаем, что вы это формальное нарушение прошлогоднего соглашения считали необходимым в интересах партии и что, поступая так, вы исходили из определенного суждения о партийном расколе. Но именно поэтому мы обязаны указать вам на ошибочность этого суждения, следы которого мы находим в вашем ответном письме Заграничному бюро и причина которого, по-видимому, кроется в том, что вы ложно информированы о положении дел.

5. Так, например, вы напираете на тот факт, что за Лениным и его группой в их борьбе против Заграничного бюро «стоит по крайней мере половина партии». При теперешней дезорганизованности партии трудно, конечно, спорить о том, какие силы стоят за той или другой группой лидеров. И хотя мы ни на секунду не сомневаемся, что как раз за ленинской группой стоит лишь незначительная часть партии, мы и не станем навязывать вам это наше убеждение. Мы удовлетворимся лишь указанием на объективные фак-

ты, которые, быть может, все же покажут вам, что утверждение ваше несколько рискованное.

Как вы знаете, соглашение на прошлогоднем пленуме ЦК было заключено пятью главными партийными группами, которым было также обеспечено представительство в центральных партийных учреждениях в России и за границей, а именно: двумя «русскими» фракциями и тремя «национальными» организациями. Из этих пяти главных групп четыре (т.е. все, кроме большевиков) продолжают быть представленными в Заграничном бюро. И хотя представитель ПСД принимал одновременно участие в работах ленинского «совещания» и вступил в созданные этим последним учреждения, тем не менее он еще по сей день не решился ни оспаривать компетенцию Заграничного бюро, ни выступить из него. Решения «совещания» — это решения одних большевиков (3 человека) и ПСД (2 человека). Шестой участник — латышский товарищ — сам заявил, что не имеет полномочий от своей партии, а потому и не может представлять свою партию (хотя он был делегирован на прошлогодний пленум ЦК, но представительство латышского ЦК в Заграничном бюро было после этого доверено не ему, а другому товарищу). Теперь уже и ЦК Латышской социал-демократии (находящийся в России) заявил, вместе с протестом против образа действий «совещания», что он не берет на себя никакой ответственности за участие в нем упомянутого латышского товарища \*111 \*112. Заграничный комитет Латышской социал-демократии, со своей стороны, уже тоже заявил, что он продолжает по-прежнему признавать ЗБЦК. Таким образом, латышская социал-демократия решительно остается на почве партийного права. Из резолюции Заграничного комитета Бунда \*113 и из заявлений его членов, которые были приглашены на парижское «совещание», совершенно ясно видно отношение Бунда к событиям последнего времени. Позиция меньшевистской части партии вам известна.

Далее. Из групп, не примыкающих к обеим главным фракциям русской части партии (большевиков и меньшевиков), две уже заняли определенную позицию по отношению к партийному кризису: это группы «Вперед» \*114 и группа «Правды» \*115. Обе решительно отказались солидаризироваться с «парижским совещанием» и с созданными им учреждениями. Третья группа, группа бывших меньшевиков, во главе которой стоит теперь Плеханов, уже тоже заявила о своем отрицательном отношении к совершенному Лениным перевороту \*116. Добавим еще, что, кроме латышского ЦК, Заграничного комитета Бунда, групп «Правды» и «Вперед», свой решительный протест против образа действий «совещания» заявили также партийные собрания и почти все заграничные партийные организации в Париже, Вене, Женеве, Цюрихе, Нанси, Базеле, Карлсруэ, Миттвайде, латышская группа в Копенгагене и т.д. Такие же резолюции готовятся теперь и в Брюсселе, Дармштадте и др. городах \*117.

Уже по одним этим фактам вы можете судить, есть ли достаточно оснований полагать, что за Лениным стоит по крайней мере половина партии.

6. В заключение мы должны еще высказать свое мнение по поводу того совета, который вы даете Заграничному бюро относительно возможного разрешения теперешнего кризиса.

Вы предлагаете Заграничному бюро сговориться с «ТК» о созыве пленума. На это мы вынуждены заметить, что подобного рода «сговор» был с самого начала невозможен, теперь же он стал более невозможен, чем когда-либо; во всяком случае, он не встретил бы сочувствия в партии.

В извещении, опубликованном парижским «совещанием», совершенно открыто сказано, что, беря на себя по своему собственному усмотрению инициативу созыва пленума ЦК, «совещание» делает это прежде всего для того,

чтобы самовольно *отстранить* от участия в пленуме определенных товарищей — товарищей, которые никогда никакой партийной инстанцией не были осуждены в каком-либо вредном для партии поступке; товарищей, которые являются наиболее активными и компетентными лидерами социал-демократического движения в России последних лет и против которых Ленин и его группа выдвигает лишь обвинение в «ликвидаторстве», т.е. в следовании тому тактическому методу, которого придерживаемся и мы, заграничные меньшевики, равно как и весьма значительная часть еврейского Бунда и латышской социал-демократии. Этих товарищей и стоящую за ними значительную часть социал-демократического пролетариата в России (в настоящее время, быть может, наибольшую часть его) «совещание» пытается а priori поставить вне партии. Именно поэтому оно прибегает к таким необычайным мерам, как самовольное удаление им трех безупречных и заслуженных товарищей<sup>\*118</sup> из коллектива, в который они *были выбраны партийным съездом*. Эти неслыханные поступки делают абсолютным недопустимым и бесполезным с точки зрения формально-организационной и морально-политической всякий сговор с группой, которая совершенно открыто ставит себе целью осуществить всеми доступными ей средствами *раскол в среде действующих в России социал-демократических организаций*.

Приглашение, обращенное к законно действующему партийному учреждению, как Заграничное бюро, обязанностью которого является партийное единство, прийти к соглашению с подобной группой не имеет, по нашему мнению, ни малейшего шанса на успех, менее же всего теперь, когда у одного из участников предлагаемого соглашения была самым грубым образом захвачена его касса, что лишило его материальной возможности нормально функционировать, а другому участнику отдана в распоряжение часть партийного бюджета и тем самым фактически дана возможность подготовить организационным путем и через его издания *искусственный* подбор состава будущего пленума. Между тем первым непременным условием для какой-либо мыслимой попытки сговора должно было бы явиться именно предоставление законным партийным учреждениям материальной возможности продолжать свою деятельность и тем сделать их независимыми по отношению к группе, которая и без того располагает крупными денежными средствами.

Вот, уважаемые товарищи, некоторые соображения, которые мы считаем своим долгом откровенно вам изложить, дабы избежать упрека со стороны наших товарищей в России в том, что мы, обращаясь к вам, не приложили достаточно усилий, чтобы апеллировать *a parte male informato ad partem bene informandum*<sup>4</sup>. Когда мы перед теми же русскими товарищами настаивали на том, что вы одобрили заключенное нами в прошлом году компромиссное соглашение с ленинской группой, то мы особенно подчеркивали — в качестве верной гарантии выгоды этого соглашения для партии — тот факт, что вам предоставлена возможность произвести в случае нужды моральное давление в пользу соблюдения этого соглашения. За все то время, которое истекло после прошлогоднего пленума и которое было заполнено новыми фракционными распрями, мы, с нашей стороны, ни разу не сделали попытки втянуть вас в эти раздоры и даже воздержались от того, чтобы представить вам перипетии этих раздоров под углом зрения нашей группы. Но теперь, когда из содержания вашего письма и из принятых вами решений мы видим, что вы положились на данные, которые представила вам противная сторона, мы уже больше не имеем права избавить вас от, быть может, скучной необходимости выслушать и другую сторону.

Как ни печальны, с нашей точки зрения, осложнения, вызванные мерами, которые вы считали нужным принимать до сих пор, мы все же не теряем

твердой уверенности в том, что ваше дальнейшее участие в разрешении нашего партийного кризиса оправдает в глазах классово сознательных русских товарищей ту готовность, с какой мы и наши единомышленники дали в прошлом году наше согласие на — во многих отношениях чрезвычайно для нас обременительное — компромиссное соглашение после того, как противная сторона предложила нам в качестве гарантии жизнеспособности этого соглашения подкрепить его вашими высокопочитаемыми именами.

**99. Ф.И. Калинин — Г.А. Алексинскому**

[Начало июля 1911 года]

Дорогой Григорий Алексеевич!

...В субботу состоялось собрание второй группы, на котором Ленин читал доклад о современном партийном положении и в конце предложил свою резолюцию<sup>5</sup>. Доклад направлялся главным образом против ликвидаторов и отзовистов. Примиренцы спрашивали его, как он относится к впередовцам. Ленин сказал, что это защитники отзовизма. Примиренцы резко против него выступали. Власов [Рыков] сказал ему, что если бы Ленин со своей резолюцией сунулся в русские организации, то его прогнали бы по шею<sup>\*119</sup>.

Меньшевики подали заявление в ЦО, что они больше принимать участие в этом органе не будут, ибо считают его после уничтожения ЗБЦК частным органом, издающимся на частные средства<sup>\*120</sup>. Свои литературные силы отдают в распоряжение Центров.

Подали также заявление в школьную комиссию, что читать лекции в фракционном предприятии они не будут, ибо не устраивается в нем коллегиальных собраний и изолируют слушателей от лекторов. Свои лекторские силы отдают в распоряжение слушателей, для которых они могут прочесть лекции отдельно в Париже<sup>\*121</sup>.

Троцкий прислал свое отношение к создавшемуся положению, подверг все ленинские шаги остроумно-уничтожающей критике<sup>\*122</sup>...

Ваш *Аркадий*

**100. С. Вольский — Г.А. Алексинскому**

[Начало июля 1911 года]

Дорогой тов. Алексинский,

...О здешних делах Вы, вероятно, более или менее осведомлены. А. Вас. [Луначарский] и я занимаемся в школе<sup>\*123</sup>. Я веду практические занятия и на днях переселяюсь в то место, где живут школьники. В общем не скажу, чтобы это было особенно приятно в субъективном смысле. Большая половина из них настроены ко мне подозрительно, так что с ними приходится держаться на строго-[...] почве. Но есть два-три хороших хлопца. Один — вполне определенный впередовец<sup>\*124</sup>, по способностям и по серьезности, с какой он относится к делу, стоящий не ниже, а пожалуй и выше нашего Ивана (в посл[едней] школе)<sup>\*125</sup>. С ними буду заниматься сепаратно. Жаль только, что занятия мои продолжатся вряд ли больше месяца, так как в первых числах августа трогаюсь в Россию. За рубежом мое положение осложнилось: оказывается, что за это время меня привлекли по 102-й ст., сопричислив к делу каких-то «40». Что это за дело, в чем обвиняюсь, — не вем<sup>\*126</sup>. Придется ехать по фальшивке.

Как Вы смотрите на здешний *coup d'état* [переворот]? Как ни скверно я отношусь к «совещанию», но думаю, что, в конце концов, если только они приличию поведут себя по отношению к Ленину — в чем они клянутся всеми богами, — нам придется пойти в ОК, конечно, сопроводив свое вступление всяческими оговорками<sup>\*127</sup>. Остаться в стороне мы не можем, ибо тот, кто

себя практически не проявляет, всегда теряет, солидаризироваться с ЗБЦК более чем конфузно. Остаются «независимцы» (если только свою независимость они не утеряют).

Как обстоит дело с Вашими легкими? Сможете ли осенью приехать в П[ариж], или придется перезимовать в Вашем Монрепо?

Пишите мне на Митю [Мануильского]. Привет Вашей жене.

Жму руку. *Станислав...*

#### 101. Ф.И. Калинин — Г.А. Алексинскому

4 июля 1911 года

Дорогой Григорий Алексеевич!

...Вчера отправляли транспорт литературы. Из России благоприятные известия от нашего питерского Богданова \*128. От слушателей ни звука.

Получил письмо от нашего Бориса из Киева \*129, в который он благополучно прибыл.

Вышли меньшевистские «Наша заря» и «Дело жизни», которые я Вам потом вышлю. Высылаю вместе с письмом эсеровское «Знамя труда»... Прочитал любопытную статью в «Совр[еменном] мир[е]» — письмо из Владимира о росте мануфактурных предприятий \*130. Оживление идет повсюду вперед, стачечное движение растет.

Меньшевики-плекхановцы \*131 отказались поддерживать ленинскую позицию. В комиссию по организации конференции не идут. Ленинцы остаются изолированными от всех течений.

Я не знаю, следует ли Вам читать в ленинской школе. В ней меньшевики отказались читать, мы из Комиссии вышли, да и едва ли она просуществует до тех пор. Я все-таки Ваше предложение в четверг \*132 сообщу...

Ваш *Аркадий*

#### 102. Ф.И. Калинин — Г.А. Алексинскому

7 июля 1911 года

Дорогой Григорий Алексеевич!

...Теперь будем толковать о *делах группы*. 1) группа решила известную Вам корреспонденцию из «Нов[ое] время» перевести на итальянский язык для того, чтобы заставить итальянский муниципалитет опровергнуть ту часть корреспонденции, которая им известна, которую они хорошо знают, т.е. наем кв[артир] и плата за них, поведение слушателей \*133. Они напишут опровержение в итальянских газетах. А потом можно будет послать в «Киев[скую] мысль», которая уже напечатала выгодную нам часть корресп[онденции]. Так как в корреспонденции упомянуто Ваше имя, то вполне естественно, что Ваш голос имеет большое значение, поэтому группа просит Вас как можно скорее сообщить свое мнение, следует ли переводить на итальянский язык.

Я уже Вам сообщал, что Власов [Рыков] прислал в группу [Вперед] приглашение принять участие в комиссии по организации. После его приглашения явился Игорь [Горев], который заявлял группе, что меньшевики, правдисты и друг. согласны с планом *нашей* конференции и что на днях они выпустят листок от ЗБЦК, в котором упомянут, что по совету группы «Вперед» и «Правды» ЗБЦК находит возможным созвать конференцию по плану впередовцев, передав все организационные функции Русскому комитету, а здешняя комиссия ограничится техническими функциями \*134. На состоявшемся собрании выбрали для переговоров с ленинской комиссией меня и Луначарского. В воскресенье мы пойдем в нее. В первую очередь потребуем, чтобы они передали организационную инициативу ЗБЦК. Они, между прочим, наш план принимают тоже. Как видите, с группой «Вперед» тут стали

считаться и ухаживать все. У нас теперь в высшей степени выгодная позиция, и ее нужно благоразумно использовать в целях нашего влияния на рабочее движение...

Ваш *Аркадий*

103. А.Н. Потресов — Ю.О. Мартову<sup>7</sup>

9 июля (26 июня) 1911 года

Дорогой Юлий Осипович!

Смушает меня в Вашем письме, которое я только что получил, неупоминание о том, дадите ли Вы (а также Констанс [Сережников]) статьи в иностр[анный] отдел. Я обращался, между прочим, и к Розанову с предложением дать статейку о результатах выборов в Австрии, но он пишет, что сейчас дать статьи не может. Пожалуйста, позаботьтесь о статьях для иностр[анного] отдела (у меня сейчас для иностр[анного] отдела нет никакого запаса); позаботьтесь и сейчас же известите меня о положении дел.

Вчера должна была выйти «Звезда» (номер с обещанным ответом), но почему-то не вышла<sup>\*135</sup>. Если выйдет в ближайшие дни, вышлю немедленно, а то Вам придется выслать Вашу статью, не дождавшись номера... Вы уже знаете теперь, раз Вы в Цюрихе, что Мартынов и П.Б. [Аксельрод] забили тревогу не только по поводу ст[атьи] Розанова в «Д[еле] ж[изни]» (увь! и на самом деле ревизионистской), но и по поводу его последней статьи в «Н[ашей] заре», в которой, на мой взгляд, в худшем случае есть неприятная, поддающаяся толкованиям двусмысленность<sup>\*136</sup>... Не знаю, стоит ли в «Н[ашей] з[аре]» «исправлять» и «отмежевываться» по поводу этой розановск[ой] статьи... Кажется, трудно найти подходящую форму...

Статья Неведомского, действительно, жидка<sup>\*137</sup>. В июньской книжке дам (если только не помешают всякие обстоятельства) заметку по поводу «юбилея» Белинского, связав тему с теми вопросами, которые еще в прошлом году поставил Овсяннико-Куликов[ский] в антивеховск[ом] сборнике в статье, почему-то не обратившей на себя должного внимания<sup>\*138</sup>.

В течение недели, вероятно, выясню, когда я двинусь в путь (теперь или позже), и тотчас Вас извещу.

Ну, всего хорошего. Жму руку. *А. Потресов*

P.S. Говорят, среди некоторых кругов рабоч[их] собираются подписи протеста против полемики между «Звездой», «Д[елом] ж[изни]» и «Н[ашей] з[арей]» и протест будет послан во все эти органы. Если мы получим этот протест, то будем непременно отвечать на него и втолковывать, проявлением чего являются подобные протесты и боязнь всякой полемики<sup>\*139</sup>. Посылаю Вам номера «Смоленского вестника» и «Пермского края» с выдержками из статей П.Б. [Аксельрода] и Вашей. По-видимому, «П[ермский] к[рай]» закрыт, и ред[актор] посажен именно из-за этой перепечатки<sup>\*140</sup>.

104. Ян Страуян — Г.А. Алексинскому

13 июля 1911 года

Дорогой Григорий Алексеевич!

...Моя школьная «история» заключается в следующем<sup>\*141</sup>. Было у нас тут два учреждения: педагогическое совещание и так называемый «хозяйственный коллектив», в который входили основатели школы и несколько лиц, кооптированных последними. Мы, не входящие в коллектив, все время были того мнения, что в вопросах воспитания педагогическое совещание имеет решающий голос, а потом оказалось, что на основании неизвестного нам устава коллектив имеет право вето и в вопросах воспитания. Тут уж мы «взбунтовались» и — верные традициям революционного крыла социал-демокра-

тии и боевому прошлому парт[ии] с[оциалистов-революционе]ров — предъявили кадетско-ленинскому «Центру» (с Фидлером, Семашко и др. во главе) решительный ультиматум, требуя передачи всего дела (и воспитательного и хозяйственного) в ведение преподавательской коллегии с участием представителей от родителей. Сперва коллектив заартачился было, но потом, под давлением родителей (между прочим — Екат. Павл. [Пешковой-Толиверовой]), согласился. «История» этим еще не кончилась, но повествовать о дальнейших событиях было бы слишком длинно. Скажу только, что некоторые из «оппозиции» все-таки уходят. Я остаюсь, но если при выработке новой «конституции» возникнут новые трения, то не знаю еще, что сделаю. Пока могу только сказать, что все эти истории меня так извели, что хочу поскорее уехать, передохнуть хоть немножко. Пробуду здесь еще дней десять, потом уеду на месяц в Бретань, понаберусь у моря сил и вернусь в сентябре. Надеюсь и новые поэмы привезти с моря.

Пишите, к какому времени Вы предполагаете вернуться к нам.

Сердечные приветы Вам и Татьяне Ивановне.

Ваш Я. Мاستэр

P.S. По-латышски мои рассказы будут печататься в литературном приложении одной порядочной газеты. Кроме того предполагаем выпустить сборники.

#### 105. А.Н. Потресов — Ю.О. Мартову

15 (2) июля 1911 года

Дорогой Ю.О.!

Теперь окончательно выяснилось, что выеду я из Петербурга в Швейцарию между 15 и 20 июля [ст. ст.]. Сейчас изнываю над составлением июньской книжки «Н[ашей] з[ари]»: составляется она, очевидно, благодаря летнему времени — еще с большими трудностями, чем обычно. Если вы не заполните заграничного отдела и Алекс. Самойл. [Мартынов] не даст «Итогов дум[ской] сессии», никакой книжки просто не выйдет \*142. Просто измучился со всеми сотрудниками...

«Звезда» сегодня опять не вышла, ясно, что Вам ее выхода ждать уже не стоит... говорят, с осени она будет выходить в виде двухкопеечной газеты. Правда ли это, трудно проверить...

Только что узнал о решении судьбы Вл. Ос. [Левицкого]: высылается на два года под гласный надзор и изъятием целого ряда городов \*143. Судьба других еще неизвестна. По всей вероятности, на будущей неделе их выпустят...

Ждут от Вас статей теперь уже *безотлагательно*: необходимо, чтобы книжка вышла не позже 15 июля [ст. ст.].

Жму крепко Вашу руку.

Ваш А. Потресов]

#### 106. Заявление М.И. Либера — о «совещании ц[е]к[и]стов» \*144 Заявление представителя ЦК Бунда в ЗБЦК РСДРП

15 июля 1911 года

Товарищи!

К настоящему личному заявлению меня вынуждают как лживые утверждения о моих шагах членов пресловутого «совещания» и большевика А. [Семашко], так и, главным образом, запросы заграничных групп Бунда.

Таким образом, не вдаваясь в оценку всех недавних подвигов наших «раскольных дел мастеров», я ограничусь простым восстановлением фактов, касающихся моего участия в ЗБЦК и в «совещании».



1) В листке, выпущенном им в свою защиту, А. \*<sup>145</sup> утверждает, что при голосовании в ЗБЦК листка, извещающего партию о совершенном А. захвате в пользу большевиков партийной кассы и документов \*<sup>146</sup>, «даже бундист воздержался».

Это утверждение — заведомая ложь.

В ЗБЦК вопрос об издании такого листка голосовался дважды. Первый раз представитель ПСД Т[ышко], сам мягко охарактеризовав образ действия А. как «анархический», предлагал отложить решение вопроса об издании листка до того, как этот вопрос будет разобран «совещанием», так как тогда же сам листок окажется, может быть, излишним; в случае отклонения его предложения он будет голосовать против листка, даже *не входя в разбор его содержания*. Не желая дать возможность представителю ПСД уклониться от публичной оценки поступка А., я поддержал его предложение об отсрочке вопроса. Второй раз голосовался уже самый текст листка и принят был всеми (*в том числе и моим*) голосами против голоса Т. Таким образом и предложение предать А. суду, заключающееся в этом листке, *принято также всеми голосами* против голоса Т.

2) Перехожу к вопросу о моем участии в «совещании» и уходе с него.

Не имея для участия в этом совещании полномочий от ЦК Бунда, я, само собой, не мог заменить эти отсутствующие полномочия теми «правами», которые мне настойчиво предлагались группой узурпаторов, жаждавших «оформления» совершенного ими переворота. Я заявил им поэтому, что участвовать в собрании я могу лишь постольку, поскольку оно не выйдет из рамок частного совещания без каких бы то ни было обязательных решений.

Но покинуть это «совещание» мне пришлось еще до того, как оно успело принять первую из своих раскольнических резолюций. Я «удалился с совещания на следующий день, придравшись к внешнему поводу». Так повествуют авторы «извещения» о совещании. Почему же они стыдливо умалчивают о том, что послужило «внешним поводом» моего ухода? Потому что рассказ об этом бросил бы слишком яркий свет на физиономии главарей и участников «совещания».

А «повод» этот был таков.

Уже в самом начале «совещания» при обсуждении причин неудачи созыва Центрального комитета в России Ленин позволил себе сказать, что «голосовцы» и ЦК Бунда настаивали на созыве ЦК РСДРП в России, а не за границей, *сознательно рассчитывая на его провал*. Возмущенный такой наглостью, я заявил, что немедленно покину «совещание», если Ленин не будет призван к порядку... После бурной сцены председатель Т[ышко] попросил «не употреблять таких выражений, которые могут задеть кого-либо из участников совещания» и... этим ограничился. После этого Ленин и его соратники неоднократно в разных видах выдвигали то же гнусное обвинение. Наконец, во время дальнейших дебатов Ленин заявил, что я, Бер, помогаю «строить в России Столыпинскую рабочую партию» \*<sup>147</sup>... И это его заявление, явно рассчитанное на безнаказанность, также не встретило ни малейшего протеста ни со стороны председателя, ни со стороны отдельных участников «совещания»... На собрании, на котором могут бросаться подобные гнусные обвинения, не встречая никакого отпора, я, конечно, не мог дольше оставаться.

И после всего вышеизложенного у авторов «извещения» еще хватило... мужества спекулировать на том, что «товарищ бундист не счел нужным внести по поводу своего ухода никакого официального заявления»... Моим ответом им могло быть только глубокое презрение.

Л. Бер.

**107. Областной комитет закавказских организаций — о расколе в ЗБЦК \*148**  
[17 июля 1911 года]

Резолюция Кавказского областного комитета

Ознакомившись с происшедшим в последнее время расколом среди членов ЗБЦК, Областной комитет на своем заседании от 17 июля вынес следующую резолюцию:

Принимая во внимание,

во-первых, что кассир Заграничного бюро не имел ни морального, ни юридического права объявлять распущенным ЗБЦК, что он, как один из членов Бюро, должен был подчиниться постановлению его большинства;

во-вторых, что так называемое совещание членов ЦК, одоблив косвенным образом поведение кассира Заграничного бюро и избрав так называемую ТК для временного выполнения функций Бюро, этим самым санкционировало и солидаризировалось с дезорганизационными действиями Заграничного бюро;

в-третьих, что действия кассира Заграничного бюро и поступок так называемого совещания членов ЦК являются узурпацией чужих прав и совершенно дезорганизуют партийные силы;

в-четвертых, что это незаконное и никем не уполномоченное совещание берется созвать партийную конференцию помимо существующих законных организаций,

принимая все это во внимание и находя, что созыв конференции является неотложной необходимостью для урегулирования партийных дел, Областной комитет констатирует, что, ввиду фактического отсутствия ЦК, Заграничное бюро ЦК является единственно правомочной организацией в деле созыва всероссийской конференции и что создание самочинных организаций для осуществления этой цели является помехой на пути действительного восстановления партийных центров и служит лишь узкогрупповым интересам.

Областной комитет закавказских рабочих организаций РСДРП изъявляет свое согласие помочь Бюро в созыве конференции и призывает всех членов партии, искренне желающих восстановления партийной организации, сплотиться вокруг Бюро и дать отпор дезорганизаторским попыткам, откуда и с чьей бы стороны они ни исходили.

*Областной комитет Закавказской рабочей организации РСДРП*

**108. Г.В. Чичерин — Цюрихской группе \*149**

[Париж,] 20 июля 1911 года

Уважаемые товарищи!

Вы, наверное, получили воззвания ЗБЦК. По нашему взгляду, о недопустимости в какой бы то ни было организации таких самовольных действий, какие позволил себе большевик, бывший член ЗБЦК, двух мнений быть не может. Считаю нашим партийным долгом присоединиться к предложению ЗБЦК об оказании ему энергичной моральной и материальной поддержки.

Мы твердо надеемся, что ЗБЦК пойдет по пути объединения всех частей партии, всех партийных элементов для дружного решения стоящих на очереди трудных и неотложных задач.

С тов. приветом *Центральное бюро Заграничных групп РСДРП.*

Примечание: Принято единогласно.

**109. Иностранцы «держатели» — в ЗБЦК \*150**

*Berlin-Fridenau, 20 июля 1911 года*

Уважаемые товарищи!

Мы получили Ваши письма и протесты и приняли их к сведению. Вы, конечно, не требуете, чтобы мы на все эти письма ответили. На одно лишь

хотели бы мы указать. Мы своим решением не имели в виду вмешаться в организационный конфликт русских товарищей. В тот хаос, который, к сожалению, представляют теперь русские партийные отношения, мы желаем вмешаться как можно меньше. Наше решение было лишь временным и преследовало лишь одну цель: сделать возможным дальнейший выход партийных органов и дальнейшее функционирование партийных учреждений, которые подвергались опасности вследствие задержки денежных средств. Если бы оказалось, что это решение не достигло поставленной цели, мы готовы для принятия окончательного решения участвовать в совещании, в котором, кроме нас, приняли бы участие представители всех течений русской партии. По выслушании мнения этого совещания мы решили бы окончательно, в чьи руки должны быть переданы доверенные нам партийные средства.

С социал-демократическим приветом *Карл Каутский, Франц Меринг, Клара Цеткин.*

#### **110. Обращение Организационной комиссии большевиков \*151**

**Ко всем социал-демократическим партийным организациям, группам и кружкам**  
*[Конец июля 1911 года] \*152*

Товарищи!

Из извещения совещания членов ЦК РСДРП вы знаете уже об образовании нашей Организационной комиссии. Ныне мы приступаем уже к практической работе по созыву общепартийной конференции, которая, согласно постановлению совещания, должна состояться *в самом ближайшем будущем* и к работе над созывом которой надо приступить *немедленно*.

Вот уже два с половиной года, как наша партия не собирала конференций. Вот уже два с половиной года прошло с того момента, как пленарное (полное) собрание нашего ЦК постановило создать общепартийную конференцию. А конференция до сих пор не созвана.

Удастся ли *теперь* нам выполнить эту трудную задачу? Надеемся, что да, удастся!

Сколько бы ни говорили враги нашей социал-демократической рабочей партии, что партии нашей нет, что она уже уничтожена, партия наша все же существует и не раз еще даст о себе знать тем, кто не прочь ее захиво похоронить.

Самая тяжелая полоса контрреволюции — нет сомнения — миновала. Начинает легче дышаться, бодрее смотрит вперед русский рабочий. Конечно, тяжелая полоса прошла не бесследно. Ряды наши сильно поредели. Многие ушли от нас — кто вовсе устранился от борьбы, кто занялся построением новой, во что бы то ни стало легальной и, значит, по нынешним временам — не социал-демократической партии. Но наиболее устойчивые, наиболее преданные рабочему делу товарищи остались в рядах нашей старой и славной социал-демократической партии. И к ним присоединилось новое молодое поколение передовых рабочих — социал-демократов, полных отваги и жажды борьбы, знающих, что их партией является та самая РСДРП, которая во время революции повела за собой сотни и сотни тысяч рабочих, которая навсегда связала свою судьбу с судьбой российского пролетариата, которая была вместе с рабочим классом и на баррикадах, и в профессиональных союзах, и в Советах рабочих депутатов, и во времена светлого революционного праздника, и во времена серых будней. Вот эти-то социал-демократы — партийцы спасли наше знамя, они сберегли нашу рабочую партию, и они теперь помогут ей окончательно восстановить свои организации и приготовиться к новым грядущим битвам.

В области экономической борьбы мы за последний год замечаем некоторое оживление. Летние стачки 1910 года открыли эту новую полосу. За

ними последовали крупные студенческие волнения, уличные демонстрации в связи со смертью Л. Н. Толстого и т. п. Пролетарский праздник 1 мая в этом году, несомненно, тоже прошел под знаком оживления. Небольшие рабочие демонстрации в Петербурге и Риге; первомайская забастовка 20 тыс. рабочих в Варшаве; социал-демократический митинг рабочих на таком заводе, как Путиловский; заметное увеличение числа появляющихся нелегальных листов и прокламаций; восстановление и упрочение пока еще небольших нелегальных партийных организаций и кружков в рабочих районах Петербурга и Москвы, в Баку, Киеве, Ростове, Екатеринославе, Сормове, Саратове, Николаеве, отчасти в Сибири; конференции Бунда, ПСД и Области[ая] кавк- [азская] конференция; организованные выступления рабочих делегаций на открытых съездах; оформление нелегальных партийных социал-демократических групп в некоторых открытых беспартийных рабочих организациях; сравнительный успех рабочей социал-демократической печати; признаки оживления среди рабочих и среди социал-демократических рабочих кружков в самых отдаленных провинциальных углах — все это, вместе взятое, несомненно служит ручательством того, что теперь восстановление наших организаций будет протекать при более благоприятной атмосфере, что теперь легче будет созвать и партийную конференцию.

Начинающиеся свары в буржуазно-дворянском лагере, все эти «парламентские» и иные кризисы являются лишь оборотной стороной начинающегося оживления в стране: политическое оживление «внизу», среди народных масс, вызывает нервность «наверху» — среди правящих слоев. А предстоящие выборы в IV Государственную думу, несомненно, тоже внесут известное политическое оживление.

Все это должно побудить всех членов нашей партии напрячь все силы, чтобы поскорее собрать общепартийную конференцию, перед которой стоит так много вопросов, требующих безотлагательного решения. Одной из главных ближайших задач нашей партии является подготовка к дружному выступлению на предстоящих выборах в IV Государственную думу. Порядок дня конференции, намеченный пленумом, безусловно, должен быть пополнен особым пунктом: *выборы в IV Государственную думу и задачи нашей партии*. Этот пункт порядка дня, несомненно, займет одно из главных мест на будущей партийной конференции. Нашей партии необходимо провести систематически и планомерно *самостоятельную* социал-демократическую кампанию на выборах. Ей необходимо выставить всюду своих партийных кандидатов. И чтобы успеть с пользой для дела обсудить этот вопрос заблаговременно и организовать выборную кампанию, надо опять-таки созвать конференцию немедленно. Буржуазные партии уже готовятся к выборам. Тем более не должна опаздывать наша партия, так как ей придется [...]» отразить самые ярые нападения и со стороны либеральных, и со стороны черносотенных партий.

Иногда приходится слышать такие возражения против немедленного созыва конференции: сначала укрепим работу на местах, а потом уже созовем-де конференцию. Получается заколдованный круг: чтобы укрепить работу, нужна конференция, чтобы созвать конференцию, нужно укрепить местную работу. Мы думаем, что следует делать и то, и другое вместе и что откладывать далее созыв конференции было бы теперь прямо преступлением.

Что касается состава конференции, то мы считаем, что указаний, данных в резолюции и в письме пленума ЦК, вполне достаточно. На конференцию приглашаются прежде всего все, без различия фракций, местные нелегальные партийные организации, фабрично-заводские ячейки, рабочие кружки и т. д. Делегатами от них должны быть и будут выбраны, конечно, преимущественно рабочие, действующие непосредственно среди масс.

Пленум ЦК постановил далее, что на конференцию необходимо привлечь «дополнительное представительство от социал-демократических групп в легальном движении, готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами» (см. резолюцию ЦК), причем вопрос о совещательном или решающем голосе делегатов от этих групп должна решить сама конференция<sup>9</sup>. В своем письме пленум ЦК пояснил, что речь идет о привлечении на конференцию, «разумеется, *лишь* тех социал-демократических деятелей легального рабочего движения, которые «ничего общего не имеют с теми, кто проповедует отказ от революционных традиций, программы и тактики нашей партии и деморализует (развращает) рабочую среду проповедью легализации рабочего движения во что бы то ни стало». Судить о том, кто из деятелей легального рабочего движения является действительным партийцем, должны наши местные нелегальные организации. Привлечение дополнительного представительства тем более необходимо и тем более возможно, что за последних полтора года партия могла с радостью констатировать, что ряд деятелей открытого рабочего движения работал вполне в духе решений нашей партии и выступал в защиту нелегальной РСДРП. На нашу партийную конференцию должны быть и будут привлечены все партийцы без различия фракций, как работающие в нелегальных, так и работающие в легальных организациях. *Никакого ценза, кроме ценза партийности*, т.е. действительной принадлежности к нашей партии, готовности работать для нее, подчиняться ее решениям!

Таковы те начала, на которых мы созываем партийную конференцию. Как видите, товарищи, это те самые начала, которые выработал пленум ЦК в 1910 г. в своей резолюции и в своем письме (которые мы перепечатаем ниже).

Несколько слов еще об одном поручении, данном нам совещанием членов ЦК. Совещание для облегчения работы конференции постановило пригласить заграничные группы меньшевиков-партийцев, группу «Вперед», редакцию «Правды», Бунд и Латышскую социал-демократию послать по одному их представителю в ОК по созыву конференции.

Мы это поручение выполнили и приложили все усилия, чтобы привлечь все перечисленные группы к делу созыва конференции. В момент, когда мы выпускаем настоящее обращение, ни одна из названных групп не откликнулась еще согласием на наше предложение: одни, желая, быть может, повременить, другие прямо упрекают нас, что мы «захватили власть», произвели в партии «государственный переворот», третьи по не выяснившимся пока причинам.

Мы думаем, что под давлением местных российских организаций как те, так и другие, и третьи присоединятся к нашему делу в самом ходе работы. Но если бы даже некоторые из перечисленных групп окончательно отказались войти в нашу ОК, мы считаем, что их отказ не может, разумеется, служить причиной для отказа от созыва конференции или даже только для отсрочки ее.

Мы вполне уверены, что российские работники, *независимо* от принадлежности их к тому или иному течению в партии, не станут из узко-фракционных соображений тормозить такое важное *общепартийное* дело, как созыв конференции. Мы убеждены, наоборот, что все работники на местах, к какой бы фракции они ни принадлежали, отнесутся сочувственно к созыву конференции и возьмутся дружно за неотложное дело восстановления единства и укрепления наших социал-демократических рядов.

Отказ некоторых заграничных групп может, конечно, отозваться на успехах наших переговоров за границей, но, мы уверены, ни в коем случае не послужит к оттяжке созыва конференции. Раз не оказалось возможным — на протяжении полутора лет! — созвать ЦК нашей партии, то единственный выход в обращении к самым местным товарищам. **Никакого** другого выхода

для сплочения партии и для прочного восстановления ее центрального аппарата нет и быть не может!

А ведь значение конференции в том и заключается, что она явится самым авторитетным в настоящее время собранием непосредственно участвующих в социал-демократическом движении партийных товарищей. Пусть же никто не мешает местным работникам съехаться и самим решить стоящие перед партией очередные вопросы! Задача нашей ОК — помочь местным товарищам в этом деле. И эту задачу мы *выполним*, несмотря ни на какие препятствия со стороны заграничных кружков...

Вы знаете, товарищи, что совещание членов ЦК постановило для созыва конференции образовать коллегии в России из местных, действующих в России среди масс т[овари]щей. Эта российская коллегия выполнит, конечно, *главную* работу по созыву конференции. Помочь поскорее создать эту российскую коллегию — дело всех товарищей на местах. Со своей стороны мы приняли уже меры для ее скорейшего создания. Мы приглашаем местные организации выбрать и своих представителей в Русскую коллегию по созыву конференции. Время не ждет. Русская коллегия должна начать работать немедленно.

Приступайте же, товарищи, *немедленно* к обсуждению порядка дня конференции, к подготовке выборов на нее, к сбору средств на посылку делегатов, к созыву местных и, где можно, областных совещаний и конференций. Вступайте в сношения с ОК и ЦО, сообщайте ваши резолюции, проекты пополнения порядка дня и т.д. Все, без различия фракций и течений, беритесь дружно за дело и покажите, что есть еще кому спасти честь РСДРП!

*Организационная комиссия по созыву общепартийной конференции.*

P.S. Ниже перепечатаются резолюции и письмо ЦК о конференции <sup>10</sup>. Первая принята *единогласно* пленумом ЦК. Второе принято *единогласно* комиссией, специально уполномоченной пленумом ЦК и состоявшей из товарищей Инокентьева <sup>11</sup>, Л. Мартова и Зиновьева.

Если какие-либо партийные организации и группы опубликуют свои платформы в связи с предстоящей конференцией, ОК доставит их местным организациям. Для этого товарищи приглашаются сообщать свои адреса ОК. О всей подготовительной работе по созыву конференции просим систематически осведомлять ОК.

Адрес для сношений из-за границы:

Imprimerie "La Vie", Avenue d'Orleans, 110, Paris XIV (для ОК)

111. Ст. Вольский — Г.А. Алексинскому

*Paris, Mardi [вторник], [конец июля 1911 года]*

Дорогой тов. Алексинский,

...Теперь подхожу к осведомлению. Плехановцы с Лениным, по-видимому, разошлись, уходят от него и поляки. В докладе, прочитанном ученикам, Л[енин] проводил мысль, что в конце концов, вероятно, придется отказаться и от поляков, и от плехановцев, и созывает б[ольшевист]скую к[онференцию] <sup>\*153</sup> (эти положения среди части учеников встретили довольно сильную оппозицию). На уступки примиренцам Л[енин], по-видимому, не очень идет: по крайней мере, плехановцы говорят, что насчет ассигнования фондов дело идет весьма туго. Примиренцы поэтому очутились в сугубо скверном положении, и для них, как и для их конкурентов (ЗБЦК), «Вперед» является союзником, которого надо заполучить. О нашей позиции и вообще о переговорах Вы узнаете из листка <sup>\*154</sup>, который Вам вышлет Аркадий [Калинин].

Жму руку. *Станислав.*

85. Написанный от руки текст размножен на ротаторе, 9 страниц тонкой бумаги большого формата. Воспроизводится по экземпляру, сохранившемуся в архиве П.Б. Аксельрода (другой экземпляр, являющийся точной копией, сохранился в архиве Бунда). Копии, по существовавшей тогда практике, несомненно, были разосланы во все другие заграничные группы общепартийного значения (см. ниже док. № 99).
86. Дата устанавливается по содержанию и по упоминанию об этом письме в редакционной статье «Правды» № 21 от 8 июля, где о нем говорится как о документе, ответа на который по существу «Правда» не получила.
87. «Извещение и резолюция июньского [1911 г.] совещания членов ЦК» (Библиографич. указатель Валка, № 400) неоднократно перепечатаны в советской литературе, например, в кн. Ленин. Соч., т. XV, с. 584—588; ВКП(б) в резолюциях, т. 1, с. 171—174<sup>12</sup>.
88. «Совещание членов ЦК», решения которого, действительно, полны противоречий, тотчас же после своего конституирования приняло резолюцию о созыве «заседания ЦК, на основании устава 1910 г., за границей в самый ближайший срок», для чего и было постановлено создать особую комиссию (состав ее никогда не был опубликован, и она вообще едва ли была выбрана). В решении о созыве пленума была сделана особая оговорка о том, что «Михаил, Роман и Юрий» на пленум не приглашаются.
89. Резолюция «совещания» заявляла, что «партийная конференция должна быть созвана максимум через три месяца и приступить к практической работе над ее созывом необходимо немедленно».
90. 87-я ст. Основных законов 1906 г. разрешала правительству в период перерывов между сессиями Государственной думы проводить нужные ему законы без запроса представительных учреждений. Это дало правительству в 1906—1910 гг. возможность создать особое «законодательство в порядке 87-й ст.», а в 1911 г. П.А. Столыпин пытался даже установить практику роспуска Государственной думы и Государственного совета на несколько дней специально для того, чтобы провести нужный ему закон. Действия организаторов «совещания» Троцкий сравнивает с этой деятельностью Столыпина.
91. На «Совещании членов ЦК» Тышко сделал заявление, что он «решительно осуждает характер выступления тов. Александрова из ЗБЦК». В ответ на это Ленин подал письменное заявление о своей полной солидарности с тов. Александровым (см. Ленинский сб., т. XXV, с. 93)<sup>13</sup>. В результате «совещание» капитулировало перед Лениным, приняв следующую резолюцию: «Принимая во внимание выход представителя большевиков из ЗБЦК и категорический отказ последних входить с ЗБЦК в какие бы то ни было сношения и признать его партийным учреждением; подчиняясь, с другой стороны, неотложной необходимости непрерывного исполнения ряда технических функций в связи с партийным издательством, транспортом и т.д., — совещание постановляет: создать для выполнения указанных задач — впрямь до созыва ближайшего пленума — временную ТК из трех лиц, подчиненную в своей деятельности группе цекистов, принявших участие в данном совещании с решающим голосом».
92. Эти слова редакции «Правды» оказались в буквальном смысле пророческими: позднее, когда Ленин перестал нуждаться в помощи поляков и примиренцев, то его представитель М.Ф. Владимирский («Камский») ушел из «ТК», захватив, конечно, находившееся под его контролем партийное имущество. Об обстоятельствах этого ухода М.Ф. Владимирского в «Резолюции группы большевиков-партийцев» (Библиографич. указатель Валка, № 5746) говорится: «О захвате партийной типографии и экспедиции. Группа большевиков-партийцев с негодованием высказывается против новой выходки ленинского кружка. Практика разрешения спорных вопросов партийной жизни путем кулака и всяческих «присвоений» достигла таких безобразных размеров, что не может быть более терпима. Если тов. А. [Семашко] приводит в свое оправдание интересы партии, то Камский открыто забрал партийное имущество для своего фракционного кружка».
93. При перепечатке этого «Извещения» (Ленин. Соч., т. XV, с. 587) к соответствующему месту сделано редакционное примечание: «По конспиративным соображениям, цифра “5” в “Извещении” пропущена».
- Это пояснение совершенно необоснованно: никакие конспиративные соображения (если говорить о требованиях полицейской конспирации) этого пропуска не требовали, этот пропуск стал необходимым для организаторов «совещания» потому, что, назвав цифру «5» членов, избранных совещанием, «Извещение» открыто показало бы читателям, что «совещание» уже захватило большинство в этой ОК, и все остальные группы, если они пошлют туда своих представителей, все равно будут в меньшинстве.
94. См. раздел III, примеч. 123.

95. Ленинская «Организационная комиссия по созыву партийной конференции» ответ на это письмо редакции «Правды» дала в своем обращении «Ко всем социал-демократическим партийным организациям, группам и кружкам» от 1 августа 1911 г. (Ленин. Соч., т. XV, с. 588—597)<sup>14</sup>.
96. См. примеч. 49.
97. Это была статья Мартова «Несколько слов о нечистой совести» (Наша заря, 1911, № 6).
98. В ближайшем номере «Звезды» ответ не появился, а вслед за тем выход газеты был прерван до осени: это был рассчитанный маневр ленинцев, которые, перестав теперь нуждаться в прикрытии со стороны «плекановцев», проводили свой разрыв с ними и в деле издания газеты, аппарат которой уже находился в их руках.
99. П.А. Берлин тогда входил в редакцию ежемесячника «Новая жизнь» (1910—1913), издателем которого был некий Архипов. Журнал не имел определенного политического лица и печатал статьи авторов демократического лагеря в широком смысле слова. Мартов напечатал в нем несколько статей о Франции.
100. Ежемесячный журнал «Современник»<sup>15</sup> выходил в 1911—1915 гг.; велся в демократическом духе, не имея политически определенного лица; редакция менялась несколько раз. Летом 1911 г. в редакции руководящую роль играл А.В. Амфитеатов, но с осени руководящая роль перешла в руки Е.А. Ляцкого. Мартов сотрудником журнала стал в 1914 году.
101. Вас. Вас. Водозов (1864—1933) политически примыкал к трудовикам.
102. Резолюции различных социал-демократических групп за границей с откликами на «своешание членов ЦК» наиболее полно собраны в циркулярных «Письмах», которые тогда издавало ЦБЗГ (Чичерин), а именно в письмах № 38 (Библиографич. указатель Валка, № 1515) и № 39. «Письмо» № 38 имело особое гектографированное приложение, 4 страницы, целиком заполненное такими резолюциями. В «Библиографич. указателе Валка» это приложение не зарегистрировано. Имеется в собрании Б.И. Николаевского.
103. См. док. № 98.
104. О ком идет речь, установить не удалось.
105. И.И. Шраг (1884—1914), большевик, делегат Харьковского съезда от Московской организации, позднее перешедший к меньшевикам.
106. Н.А. Ульянов, видный социалист-революционер, теперь профессор университета в Лозанне. Заграничные экскурсии, о которых идет речь, это массовые дешевые поездки за границу, которые с 1909 г. организовывало московское Общество распространения технических знаний<sup>16</sup>. Экскурсии эти направлялись в Германию, Италию, Францию, Швейцарию и т.д. Ездили в них представители, главным образом, трудовой интеллигенции — особенно учителя и учительницы, причем число их быстро возрастало (в 1909 г. — 1101 человек, в 1910 — 1670). Участие в организации таких поездок давало возможность не только знакомить экскурсантов с политической жизнью заграничной, но и завязывать через них организационные связи с Россией (С. Сватиков. Заграничные экскурсии. — Современный мир, 1911, № 1, с. 281—290).
107. Воспроизводится по копии, сделанной на пишущей машинке через копировальную бумагу (сохранилась в архиве Бунда, ныне в Нью-Йорке). Подписи сделаны по-русски, от руки, почерк, по-видимому, Ф.И. Дана.
108. Датируется приблизительно, по содержанию: документы, которые в данном письме упоминаются, относятся к последним числам июня 1911 года. Заявление Мартова и Дана о редакции «Социал-демократа», которое было приложено к данному письму (см. док. № 91) датировано 28 июня. Тем же 28 июня датирован листок Заграничного комитета Бунда (см. док. № 92).
109. В денежном отчете ТК за июнь—июль 1911 г. (напечатан в «Информационном бюллетене Технической комиссии» № 1 от 11 августа 1911 г.) в статье прихода помечено: «получено от „держателей“ — 20 тыс. франков».
110. Это заявление Мартова и Дана публикуется выше, док. № 91.
111. Одновременно латышский ЦК выражает свое негодование по поводу захвата партийных сумм тов. А., равно как и по поводу лишения «Правды» субсидии, назначенной ей ЦК, и постановляет предоставить в распоряжение этой газеты 300 фр. из своих собственных средств. (Примеч. документа. — Ю.Ф., Г.Ч.)

Полный текст этой резолюции ЦК СДЛК (он напечатан в № 2 «Листка „Голоса социал-демократа“» от 20 июля 1911 г.) гласил:

«Резолюции ЦК СДЛК.

1. Выслушав сообщение Заграничного комитета СДЛК об уходе одного члена ЗБЦК РСДРП большевика тов. А. из этой коллегии и ознакомившись с мотивировкой ухода товарища большевика А. (по копии его заявления в ЗБЦК), ЦК СДЛК пришел к следующему заключению: 1) что ЗБЦК РСДРП, отвергая предложение о немедленном созыве пленума ЦК, не отказывалось от выполнения партийных решений и не ликвидировало само себя, как партийное учреждение; 2) что ЗБЦК при отсутствии Русской коллегии ЦК



есть единственное учреждение, которое объединяет РСДРП как фактически, так и формально; 3) что своим уходом из ЗБЦК товарищи большевики парализуют деятельность этого партийного учреждения и, отказываясь признать существующее ЗБЦК, стремятся и формально расколоть РСДРП; 4) что потому и поступок вышедшего товарища должен быть осужден и признан дезорганизаторским; 5) что уход упомянутого члена ЗБЦК считается его личным шагом и что состав ЗБЦК должен быть дополнен следующими за ним кандидатами; 6) что настоящее ЗБЦК и впредь, пока не образуется Русская коллегия ЦК, должно считаться единственным постоянно функционирующим общепартийным учреждением и 7) что конфискация кассы и кассовых книг со стороны большевика А. не имеет ни малейшего законного основания и должна рассматриваться как подлежащий осуждению и дезорганизаторский поступок отдельного члена партии, а кассовые книги вместе с кассой должны быть возвращены обратно Заграничному бюро ЦК.

II. Обсудив вопрос о состоявшемся совещании ц[е]к[и]стов, живущих за границей, составленном по инициативе некоторых ц[е]к[и]стов-большевиков и ПСД<sup>17</sup> с целью созыва пленума, ЦК СДЛК констатирует: 1) что при существовании ЗБЦК упомянутое совещание ц[е]к[и]стов не было уполномочено никакими соответственными партийными учреждениями и организациями и что, следовательно, оно может считаться лишь частным совещанием отдельных членов партии; 2) что частное совещание членов партии не имеет права уполномочить себя на выполнение функций, присущих существующим официальным партийным учреждениям, и что право созыва пленума принадлежит ЗБЦК РСДРП». Обе резолюции приняты единогласно.

112. В № 21 «Правды» от 8 июля 1911 г. была опубликована следующая резолюция ЦК СДЛК: «Принимая во внимание, что 1) вследствие произвольного образа действий некоторых товарищей-большевиков Заграничное бюро ЦК РСДРП не в состоянии выдавать «Правде» субсидию, назначенную «Правде» еще последним пленумом ЦК РСДРП; 2) что «Правда» стоит всего ближе к рабочим массам и всего более содействовала деятельности на местах и вместе с тем возобновлению партии; 3) что «Правда» всегда старалась стоять в стороне от фракционных раздоров, — ЦК СДЛК решает по мере возможности содействовать «Правде» и морально, и материально, в особенности еще потому, что ЦК СДЛК теперь не в состоянии издавать своего собственного органа на русском языке и «Правда» потому обслуживает нужды членов СДЛК. Вместе с этим ЦК СДЛК ассигнует «Правде», как единовременное пособие, 300 франков».
113. Авторы данного письма имеют в виду листок Заграничного комитета Бунда — см. док. № 92.
114. Отрицательное отношение группы «Вперед» к решениям «совещания членов ЦК» ко времени составления этого письма Мартова и Дана было выражено Луначарским на собрании 26 июня в Париже (см. док. № 93).
115. Резолюция редакции «Правды», принятая 25 июня 1911 г., была опубликована в № 21 «Правды» вместе с редакционной статьей «Заговор Заграничного кружка против РСДРП» (резолюция перепечатана в № 2 «Листка «Голоса социал-демократа»»). Так как позиция «Правды» ясна из других документов, печатаемых в «Материалах», то эту резолюцию и статью мы здесь не воспроизводим.
116. Группа «плехановцев» действительно отклонила предложение большевиков осылке представителя «плехановцев» в ОК, а «плехановцы» в Женеве и Цюрихе выступили против «Совещания членов ЦК», но Плеханов каждое свое выступление против «ленинцев» сопровождал одновременными нападками на меньшевиков (см. его статью «Всем сестрам по серьгам» — Дневник социал-демократа, № 15 от октября 1911 г.; резолюции женеvских «плехановцев» даны в приложении к № 15). Женевские и цюрихские резолюции плехановцев даны также в № 1 «Информационного бюллетеня» Заграничной ТК от 11 августа 1911 года.
117. Как уже указано, эти резолюции полнее всего собраны в циркулярных письмах ЦБЗГ №№ 38 и 39 (см. примеч. 102).
118. Речь идет о «Михаиле, Юрии и Романе» (см. док. 38 и 39 и примеч. к ним), которых «совещание членов ЦК» исключило из списков членов ЦК.
119. Это было собрание 1 июля 1911 г., на котором после доклада Ленина была принята составленная им обширная резолюция-воззвание, изданная отдельным листком с особым предисловием за подписью Ленина (Библиографич. указатель Валка, № 1836; перепечатана в кн.: Ленин. Соч., т. XV, с. 197—203). На этом собрании резолюция Ленина принята большинством 27 против 10, которые голосовали за резолюцию большевиков-«партийцев». Проект резолюции большевиков-«партийцев» вместе с ленинской резолюцией напечатан в № 1 «Информационного бюллетеня» Заграничной ТК от 11 августа 1911 года. Ее авторы, резко отмежевываясь от «ликвидаторов», высказывались решительно против фракционной борьбы и заявляли, что, одобряя уход большевиков из ЗБЦК, они ни в коем случае не могут одобрить обстоятельств, сопровождавших уход Семашко (захват кассы, отчетности и т.д.).

Спор между Лениным и большевиками-«партийцами» на собрании принял крайне острый характер, и Ленин назвал поведение своих противников «худшим повторением худших речей “экономистов”». Спор этот имел свое продолжение. 3 июля Ленин, Зиновьев, Каменев, Семашко и Владимирский послали Любимову и Владимирову коллективное письмо, в котором заявляли, что прения 1 июля им показали «с полной ясностью и окончательно, что *никакое политическое и моральное единство* в наших действиях невозможно. Так как мы до последнего времени совещались с Вами о всех важнейших шагах, то считаем долгом известить Вас об этом. Марку [Любимову] угодно было на последнем совещании заявлять: «мы, “примиренцы”, уйдем из ТК и ОК, если вы, б[ольше]в[и]ки, будете вести прежнюю “фракционную” политику». Мы заявляем, что мы *уйдем* из ТК и ОК, если вы будете продолжать Вашу политику, которую мы считаем глубоко вредной для партии. До среды, 5 июля [19]11, — 11 часов утра у Каменева — мы ждем Вашего ответа — если бы он понадобился, — а после этого срока подам свое заявление в ТК и ОК и выступам против вас перед партией» (Ленинский сб., т. XXV, с. 95—96).

Это столкновение было началом острой борьбы внутри ТК и ОК, борьбы, которая закончилась расколом, но лишь после того, как Ленин создал под прикрытием этих Технической и Организационной комиссий особую Российскую организационную комиссию [РОК], состоящую из людей, слепо преданных ему лично.

120. См. док. № 91.
121. Текст этого заявления неизвестен (см. подробнее ниже, раздел V, док. № ...<sup>18</sup> и прим. к нему).
122. См. док. № 95.
123. В школе в Лонжюмо в это время Луначарский читал лекции по истории литературы, а Станислав Вольский вел практические занятия «по газетной технике» (Н. Крупская. Воспоминания, с. 170).
124. Вольский имеет в виду петербургского рабочего-металлиста с Васильевского острова, который в школе был известен под именем Георгия и действительно выступал в качестве убежденного «впередовца». Настоящая его фамилия, насколько нам известно, осталась нераскрытой (см. С. Лившиц. Партийные университеты подполья. Москва. 1929, с. 108—111). По сведениям Бряндинского, Георгий, уезжая в сентябре 1911 г. в Россию, взял организационные поручения от группы «Вперед» (Большевики, с. 61). См. также док. № 141 и комментарии к нему.
125. Под именем «Ивана» во второй «впередовской» партийной школе (Болонья) был известен И.А. Острецов, рабочий-слесарь из Петербурга. В 1920-х годах был лектором в большевистской партийной школе в Ленинграде (см. Пролетарская революция, т. 50, с. 121).
126. «Дело 40» было известное дело арестованных в Москве в 1909—1910 гг. большевиков — «впередовцев» и «ленинцев» (типография «Рабочего знамени», паспортное бюро и др.), выданных главным образом Бряндинским. Дело закончилось ссылкой большинства в Сибирь на поселение. Стан: Вольский по этому делу не судился: арестованный лишь в годы войны, он судился в Судебной палате и был оправдан за недоказанностью обвинения.
127. «Впередовцы» в ОК не вошли.
128. «Наш Богданов» — это Н.П. Богданов, который тогда был во главе «впередовцев» в Петербурге (оказался провокатором).
129. В кругах «впередовцев» под именем «Борис» были известны двое: Хрушев, рабочий из Златоуста, участник экспроприации на станции Миас, и Трайнин, который был одно время секретарем «впередовской» группы в Париже. В Россию тогда ездил нелегально по «впередовским» делам Трайнин.
130. В «Современном мире» за 1911 г. такого письма напечатано не было.
131. См. прим. 116.
132. По четвергам были собрания «впередовцев» в Париже.
133. В «Новом времени» (Петербург) тогда появилась большая корреспонденция о школе в Болонье, в которой, между прочим, было дано совершенно неправильное освещение отношения местного населения к ученикам школы.
134. 17 июля 1911 г. ЗБКК приняло резолюцию (выпущенную отдельным листком) о созыве конференции (см. Библиографич. указатель Валка, № 1448; перепечатан в «Листке “Голоса социал-демократа”» № 2, с. 2). В этой резолюции в списке приглашаемых к участию стоит группа «Вперёд». Главным образом дано ограничительное толкование задач Заграничной комиссии по созыву общепартийной конференции, но нет прямого заявления о принятии плана группы «Вперед» (см. ниже, примеч. 162).
135. В № 25 «Звезды» от 11 июня ст.ст. 1911 г. была напечатана следующая заметка: «От редакции. Только перед самым выпуском настоящего номера мы имели возможность ознакомиться с редакционной статьей “Ответ “Звезде””, помещенной в № 5 “Дела жизни”, к этой статье, полной самых некрасивых выходов по нашему адресу, мы вернемся в следующем номере “Звезды”». Этот «следующий номер» вышел только 23 октября ст.ст., после

- перерыва в четыре с половиной месяца, причем за это время газета была захвачена большевиками и перестала быть органом думской социал-демократической фракции.
136. Речь идет о статье В.Н. Розанова «Выборы в Австрии» (Наша зоря, 1911, № 5, с. 60—65).
  137. М. Неведомский. К 100-летию годовщины Белинского (Наша зоря, 1911, № 5, с. 1—9).
  138. Статья на эту тему Потресов дал в №№ 9-10 и 12 «Нашей зари» за 1911 г.: «О кризисе русского идеологического творчества и о Д.Н. Овсянко-Куликовском». «Антивеховский сборник» — это сб. «Интеллигенция в России», выпущенный группой профессоров и общественных деятелей либерального лагеря во главе с Милокуловым, М.М. Ковалевским и др.
  139. Среди рабочих-меньшевиков в то время были очень широко распространены настроения против какой бы то ни было полемики с большевиками. Из их рядов постоянно шли требования во имя воспитания воли к единству рабочего движения отказываться от ответов даже на самые резкие нападки большевистской печати. Был ли в то время такой протест послан в газеты, нам неизвестно, в печати он, во всяком случае, не появлялся.
  140. «Смоленский вестник» и «Пермский край» в те годы принадлежали к числу наиболее выдержанных демократических газет в провинции, симпатизировали социал-демократам. Фактическим редактором «Пермского края» был Вл. Трапезников<sup>19</sup>, известный публицист и историк края, политически примыкавший к меньшевикам.
  141. Речь идет о русской школе, основанной И.И. Фидлером<sup>20</sup> (бывшим директором Фидлеровской гимназии в Москве, которая в октябре—декабре 1905 г. была центром социал-революционных организаций; после московского восстания Фидлер был вынужден эмигрировать) сначала в Женеве, а затем под Парижем, в Robinson-Sceaux. Школа существовала на различные пожертвования, учились в ней дети русских эмигрантов всех группировок. Н.А. Семашко был в ней школьным врачом. Е.П. Пешкова-Толиверова<sup>21</sup>, сын которой, Максим<sup>22</sup>, был среди учеников школы, входила в родительский комитет. Основной причиной конфликтов в школе была плохая постановка преподавательского дела.
  142. Для июньской книжки «Нашей зари» Мартов дал статью «Новый политический кризис во Франции» (с. 54—62), а А.С. Мартынов — «Итоги и уроки Четвертой думской сессии» (с. 63—68).
  143. В.О. Левицкий и часть других арестованных в мае 1911 г. меньшевиков (см. примеч. 6) получили выссылку из Петербурга с запрещением жить в ряде крупных центров. В.О. Левицкий и ряд других поселились в Пскове, где уже имелась небольшая «колония» высланных ранее меньшевиков (Исуп, Череванин, Хосин и др.).
  144. Печатная листовка, 1 стр., издано в жевневской типографии Бунда; перепечатана в № 2 «Листка “Голоса социал-демократа”», с. 7—8.
  145. Это был листок «Ко всем членам РСДРП», выпущенный Н.А. Семашко за подписью «член ЗБЦК А.» (Библиографич. указатель Валка, № 1237).
  146. Речь идет о листке ЗБЦК «Ко всем членам партии», в котором впервые была предана гласности история «переворота» Семашко (Библиографич. указатель Валка, № 1445) — см. примеч. 12.
  147. В ответ на этот выпад Ленина ЦК Бунда принял следующую резолюцию: «О поведении Ленина на “Совещании цекистов”. На известном “Совещании цекистов” в Париже член ЦК РСДРП Ленин позволил себе заявить, что “голосовцы” и ЦК Бунда настаивали на созыве ЦКП в России, а не за границей, сознательно рассчитывая на его провал. Относясь, со своей стороны, к этой позорной выходке со всем тем презрением, которого она заслуживает, ЦК Бунда не считает, однако, возможным, чтобы партия, в которой автор этой выходки занимает ответственный пост, могла оставлять подобного рода вещи безнаказанными, и постановляет потребовать от ЦКП предания указанного лица, как совершившего поступок явно позорный, партийному суду» (Листок Заграничного бюро Центрального комитета, № 1, 8 сентября 1911 г., с. 6). Кроме приведенного общего решения ЦК Бунда этот выпад вызвал со стороны лидеров Бунда также реакцию и личную в форме личного бойкота ими Ленина.
  148. Резолюция «Областного комитета закавказских организаций» (таково было официальное название) была напечатана ЗБЦК особым листком в форме отдельного отиска из № 2 «Листка ЗБЦК» (см. Библиографич. указатель Валка, № 117; сам № 2 «Листка ЗБЦК» издан не был). В состав Областного комитета тогда входили Н.Н. Жордания, С. Джибладзе, Н.В. Рамишвили, В. Цуладзе, Н. Хомерики<sup>23</sup> и Эрзикиан; около этого времени, но когда точно, установить не удается, в его состав был введен также Караджиян<sup>24</sup> (сообщение Г. Уратадзе<sup>25</sup>).
  149. Циркулярное письмо, написанное рукой Чичерина и размноженное (в «Библиографич. указателе Валка» не зарегистрировано, печатается с экземпляра, сохранившегося в переписке цюрихской группы содействия РСДРП).
  150. Это письмо было ответом на письма ЗБЦК и на письмо Мартова и Дана (см. док. № 98). ЗБЦК его опубликовало (в русском переводе) в № 1 «Листка ЗБЦК» (от 8 сентября 1911 г.), снабдив его следующим предисловием: «Новая ложь “Организационной комиссии”». Вышел-

- ший 1 августа листок так называемой “ОК” впервые вынес в печать имена товарищей “держателей”, которым последний пленум ЦК доверил хранение партийных денег и рассмотрение тяжбы между ЦК и Лениным. Воспользовавшись тем, что неправильно информированные и введенные в заблуждение товарищи Каутский, Меринг и Цеткин выдали часть денег самозваному и раскольническому учреждению, так называемой “ТК”, так называемая “ОК” говорит следующее: “Международная социал-демократия должна была вмешаться в наши дела для того, чтобы призвать к порядку учреждение, которое должно было служить партии и ее ЦК, а на самом деле служило врагам партии!” И далее: “Теперь, когда эти товарищи высказались против раскольнических планов голосовцев и выразили доверие нашей ОК, Троцкий кричит о «внутрипартийных экспроприациях»...” Итак, листок “ОК” объявляет печатно товарищей “держателей” сознательными соучастниками переворота, совершенного кучкой ленинцев и ПСД; вмешавшимися в наш организационный конфликт в пользу Ленина и К°. Лучшим опровержением этой лжи служит последнее письмо “держателей” в ЗБЦК. Письмо это является ответом на решительный протест ЗБЦК по поводу незаконной выдачи “держателями” денег “Технической Комиссии”».
151. См. Библиографич. указатель Валка, №№ 565—566 (два издания — на обычной и особо на тонкой бумаге, специально для отправки в Россию). Первое из воззваний, выпущенное ОК по созыву общепартийной конференции, созданной «Совещанием членов ЦК», оно является единственным из ее воззваний, которое ни разу не было перепечатано в советской исторической литературе. Это было, конечно, не случайностью: составленное в тот период, когда в Париже ещё был Рыков, который примыкал к «примиренцам», оно в отличие от других воззваний ОК написано в «примиренческих» тонах и не заострено против других социал-демократических фракций, в отличие от второго воззвания этой ОК от 1 августа (перепечатано в кн. Ленин. Соч., т. XV, с. 588—597). В приложении к воззванию были напечатаны резолюции пленума ЦК от января 1910 г.[...] <sup>26</sup>, эту резолюцию разъяснившее.
152. Дата по содержанию: это воззвание выпущено прежде, чем второе воззвание ОК, датированное 1 августа.
153. Об этом докладе Ленина в литературе нет никаких сведений <sup>27</sup>.
154. См. док. № 112.

### Примечания

Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского к документам №№ 95—111

1. Провизорно — условно.
2. В сб. «Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898—1913» не опубликовано.
3. Дмитриев К. — социал-демократ, публицист, сотрудник журнала «Наш путь», участник профсоюзного движения с 1905 года. Автор книги «Из практики профсоюзного движения в России» (Одесса. 1907).
4. *A raro male informato ad parum bene informandum (лат.)* — хорошо информировать [римского] папу, который информирован плохо. Иначе говоря, предоставить достоверную информацию, достаточную для принятия верного решения.
5. Речь идет о резолюции Второй парижской группы РСДРП о положении дел в партии, опубликованной отдельной листовкой в июле 1911 г. (написана не позднее 18 июля по нов.ст.). См. также: ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. т. 20, с. 285—293.
6. Одно слово не удалось прочитать. По смыслу — «официальной».
7. В сб. «Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898—1913», как и док. № 105, не опубликовано.
8. Четыре слова прочитать не удалось.
9. КПСС в резолюциях, т. 1, с. 292.
10. Эти документы Б.И. Николаевский в публикацию не включил.
11. Иннокентьев — один из псевдонимов И.Ф. Дубровинского.
12. КПСС в резолюциях, т. 1, с. 300—307.
13. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 20, с. 571. Это заявление содержится в примечании к предисловию брошюры Ю. (Л.Б.) Каменева «Две партии».
14. Николаевский ошибся. Ни во втором издании, которым он пользовался, ни в последнем издании сочинений Ленина, ни в сборнике Ленина «Неизвестные документы» это воззвание не опубликовано.
15. «Современник» — ежemesячный журнал литературы, политики, истории, искусства и общественной жизни. Выходил в Петербурге в 1911—1915 годах. Редакторы П.В. Быков и В.Е. Трутовский. Журнал издавался при ближайшем участии А.В. Амфитеатрова. В нем сотрудничали социал-демократы, публиковался М. Горький.

16. Московское общество распространения технических знаний — просветительная общественная организация, созданная в 1869 году. Основные задачи — организация воскресных и вечерних курсов и классов для рабочих, разработка учебных программ, изучение технического и ремесленного образования в России и за рубежом. Организация прекратила деятельность после октября 1917 года.
17. Член СДЛК был делегирован на упомянутое совещание лишь с целью информации. (*Примеч. документа. — Ю.Ф., Г.Ч.*)
18. Номер документа не указан.
19. Трапезников Владимир Николаевич — юрист, редактор «Пермского края» в начале XX века. Придерживался марксистских взглядов. Политически был близок к «легальным марксистам». Автор «Летописи города Перми». После Октябрьского переворота занимался журналистикой. Подвергался преследованиям. Погиб в концлагере.
20. Фидлер Александр Александрович — основатель образцовой частной гимназии в Москве в 1879 году. Гимназия использовалась рабочими-дружинниками в качестве базы во время восстания в декабре 1905 года. Здание было разрушено артиллерийским огнем. После революции 1905—1907 гг. Фидлер эмигрировал и за рубежом продолжал просветительную деятельность среди русской эмиграции. После 1917 г. в восстановленном здании гимназии Фидлера размещался научно-исследовательский институт теории и истории педагогики.
21. Николаевский допустил ошибку. Матерью М. Пешкова была не писательница А.Н. Пешкова-Толиверова, а Екатерина Павловна Пешкова-Волжина (1887—1965) — первая жена Горького. До 1917 г. она участвовала в работе Комитета помощи русским каторжанам. С 1918 г. являлась участником Московского комитета политического Красного Креста, а в 1922 г. была инициатором создания новой организации — Помощи политическим заключенным, просуществовавшей 15 лет (до 1938 г.). Сталин терпел существование этой организации в значительной мере с целью максимального «приручения» Горького, сохранившего добрые отношения с матерью своего сына, а также для того, чтобы продемонстрировать свою «добрую волю» сочувствовавшим большевистской власти иностранным визитерам.
22. Пешков Максим Алексеевич (1897—1934) — сын Горького и его первой жены Е.П. Пешковой-Волжиной. У него были разнообразные неглубокие интересы, далекие от политики, хотя в первые годы большевистской власти он служил в ВЧК. С 1922 г. жил у отца в Италии. Возвратился в СССР в 1931 году. Умер из-за простуды от воспаления легких, после того как секретарь Горького сотрудник ОГПУ П.П. Крючков оставил его пьяным на морозе, и он заснул. Существует предположение, что это косвенное убийство ставило своей целью подорвать здоровье писателя, существование которого начинало тяготить диктатора.
23. Хомерики Ной (? —1924) — социал-демократ, меньшевик. В период существования независимой Грузии в 1918—1921 гг. являлся министром земледелия и труда. Затем эмигрировал, но вскоре нелегально возвратился в Грузию для подготовки антибольшевистского восстания. Был арестован и расстрелян.
24. Караджян (псевдоним Аркомед С.Т., 1861—?) — один из первых армянских социал-демократов. С 1902 г. лидер Союза армянских социал-демократов. После революции 1905—1907 гг. эмигрант. Автор книги «Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе» (Женева. 1910).
25. Уратадзе Григол (Григорий Илларионович) (? —1959) — меньшевик. В независимой Грузии 1918—1921 гг. выполнял дипломатические поручения, в частности являлся полномочным представителем Грузинской республики в Москве в 1919—1921 годах. С 1921 г. в эмиграции. Автор «Воспоминаний грузинского социал-демократа», выпущенных Гуверовским Институтом войны, революции и мира в 1968 году.
26. Несколько слов прочитать не удалось.
27. Этот доклад не опубликован ни в «Полном собрании сочинений» Ленина, ни в сборнике его неизвестных документов.

## Идеологический контроль и Пятое управление КГБ СССР в 1967—1989 гг.

А.С. Смыкалин

Для существования тоталитарного государства жизненно важной являлась идеологическая функция. Она реализовалась в СССР через средства массовой информации, занимавшиеся воспитанием населения страны в определенном духе, но условием успеха этой деятельности являлось ограждение советских людей от «тлетворного влияния» Запада, противодействие проникновению пропаганды, рекламирующей «чуждый» человеку социалистическому обществу образ жизни. Орудием такого идеологического контроля в СССР являлось 5-е управление Комитета государственной безопасности.

Обстановка в 1950—1970-е годы в стране, с точки зрения устойчивости господства социалистической идеологии, была напряженной. Как отмечал генерал Ф.Д. Бобков, глава управления, в 1956—1960-х годах за антисоветскую агитацию и пропаганду (по статье 58-10 УК РСФСР 1926 г.) было осуждено 4676 человек, в 1961—1965 гг. по статье 70 УК РСФСР 1958 г. — 1072, в 1966—1970 гг. — 295, а в 1981—1985 гг. — 150 человек<sup>1</sup>. Всего же, по данным правозащитника С.А. Ковалева, по статьям 70 «Антисоветская агитация и пропаганда» и 190-1 «Распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй» Уголовного кодекса РСФСР, с 1966 по 1986 г. были осуждены 2468 человек. В то же время 18 декабря 1987 г. КГБ СССР обратился с предложением в ЦК КПСС освободить от уголовной ответственности 401 осужденного и 23 подследственных по этим же статьям<sup>2</sup>.

Нормативным основанием создания 5-го управления явился Приказ КГБ СССР № 0096 от 25 июля 1967 года. Так в системе КГБ была создана идеологическая контрразведка. Вопреки распространенному мнению пятый главк не только присматривал за диссидентами, но и решал многие другие задачи. В его состав входили 1-й отдел — контрразведывательная работа на каналах культурного обмена, разработка иностранцев, работа по линии творческих союзов, научно-исследовательских институтов, учреждений культуры и медицинских учреждений; 2-й отдел — планирование и осуществление контрразведывательных мероприятий совместно с ПГУ (Первым управлением)

---

*Смыкалин Александр Сергеевич* — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральской государственной юридической академии.

против центров идеологических диверсий империалистических государств, пресечение деятельности НТС, националистических и шовинистических элементов; 3-й отдел — контрразведывательная работа на канале студенческого обмена, пресечение враждебной деятельности студенческой молодежи и профессорско-преподавательского состава; 4-й отдел — контрразведывательная работа в среде религиозных, сионистских и сектантских элементов и против зарубежных религиозных центров; 5-й отдел — практическая помощь местным органам КГБ по предотвращению массовых антиобщественных проявлений; розыск авторов антисоветских анонимных документов, листовок; проверка сигналов по террору; 6-й отдел — обобщение и анализ данных о деятельности противника по осуществлению идеологических диверсий; разработка мероприятий по перспективному планированию и информационной работе. В августе 1969 г. был создан 7-й отдел. Официально его функции были обозначены как «выявление и проверка лиц, вынашивающих намерения применить взрывчатые вещества и взрывные устройства в антисоветских целях». Этому же отделу были переданы функции по розыску авторов антисоветских анонимных документов, проверка сигналов по «центральному террору», разработка лиц по этой линии и контроль за ведением таких разработок в местных органах КГБ. Под террором понимали любые устные и письменные угрозы в адрес руководителей страны. Угрозами в адрес местных руководителей («местный террор») занимались территориальные органы КГБ.

Речь шла о совсем не беспочвенных угрозах. Председатель КГБ В.А. Крючков в интервью газете «Известия» признал, что органами госбезопасности в 1970—1980-е годы было выявлено и «профилактировано» более 1500 лиц, вынашивавших террористические замыслы<sup>3</sup>.

На 8-й отдел, созданный в июле 1973 г., возлагалось «выявление и пресечение акций идеологических диверсий подрывных сионистских центров»; на 9-й отдел (создан в мае 1974 г.) — «ведение наиболее важных разработок на лиц, подозреваемых в организованной антисоветской деятельности (кроме националистов, церковников, сектантов)». Отдел занимался также пресечением враждебной деятельности лиц, изготавливающих и распространяющих антисоветские материалы, проводил агентурно-оперативные мероприятия по вскрытию на территории СССР антисоветской деятельности зарубежных ревизионистских центров.

Созданный тогда же 10-й отдел проводил контрразведывательные мероприятия (совместно с ПГУ) против центров идеологической диверсии империалистических государств и зарубежных антисоветских организаций (кроме враждебных организаций украинских и прибалтийских националистов).

11-й отдел был создан в июне 1977 г. для «осуществления оперативно-чеккистских мероприятий по срыву подрывных акций противника и враждебных элементов в период подготовки и проведения летних Олимпийских игр в Москве». Однако после проведения Игр отдел не был закрыт, на него возложили наблюдение за спортивными, медицинскими и научными организациями.

Для координации деятельности с органами безопасности социалистических стран была сформирована 12-я группа (на правах отдела).

Задача 13-го отдела (создан в феврале 1982 г.) была указана несколько невнятно: «выявление и пресечение проявлений, имеющих тенденцию к перерастанию в политически вредные группирования, способствующие проведению противником идеологических диверсий против СССР». По существу же имелись в виду неформальные молодежные движения — кришнаиты, панки, рокеры, мистики и пр., которые в начале 1980-х годов появлялись как грибы после дождя. Возникновение этого отдела было реакцией КГБ на вы-

ход молодежи из-под контроля комсомола<sup>4</sup>. Союзом журналистов СССР, сотрудниками средств массовой информации и общественно-политических организаций ведал 14-й отдел (создан в феврале 1982 г.). 15-й отдел (создан в ноябре 1983 г.) вел контрразведывательную работу во всех отделениях и на всех объектах общества «Динамо»<sup>5</sup>.

Первоначальный штат 5-го управления КГБ составлял 201 дополнительную единицу, а его куратором стал первый заместитель председателя КГБ С.К. Цвигун. К 1982 г. штат управления увеличился до 424 человек. Всего же по линии этого управления служило в СССР 2,5 тыс. сотрудников. Обширным был агентурный аппарат, в среднем на область приходилось 200 агентов<sup>6</sup>. Поскольку всего в СССР было 123 области, значит, агентурный аппарат (работающий только по линии 5-го управления) составлял в масштабе страны 25 тыс. человек<sup>7</sup>.

Структура 5-го управления существовала до середины 1989 года. В связи с происшедшими в стране изменениями, а также изменениями в уголовном законодательстве, в частности в диспозиции ст. 70 УК РСФСР, летом 1989 г. было принято решение об упразднении 5-го управления и образовании Управления КГБ СССР по защите советского конституционного строя (Управления «З»). На этой правовой основе 29 августа был издан приказ председателя КГБ № 00124 об упразднении 5-го управления и образовании управления «З».

25 сентября 1991 г. пробывшим в должности председателя КГБ 63 дня — с 23 августа по 22 октября — В.В. Бакатиным были уволены 31 руководящий работник и еще 13, было указано на проявленную ими «политическую незрелость и недальновидность в действиях по выполнению распоряжений вышестоящих начальников, способствовавших деятельности путчистов»<sup>8</sup>.

29 августа на базе трех управлений КГБ — правительственной связи, 8-го главного и 16-го был образован Комитет правительственной связи, впоследствии — ФАПСИ Российской Федерации. Постановлением Государственного совета СССР от 22 октября 1991 г. КГБ СССР был упразднен, а на его базе планировалось организовать Центральную службу разведки (ЦСР), Межреспубликанскую службу безопасности (МСБ) и Комитет по охране государственной границы СССР.

Существовавший скорее на бумаге КГБ РСФСР — в мае 1991 г. со штатом в 14 человек, располагался в четырех кабинетах в здании Верховного совета РСФСР. 1 ноября ему были переданы 7-е управление, 12-й отдел, следственный изолятор и ряд служб Оперативно-технического управления КГБ СССР.

Указом Президента РСФСР от 26 ноября № 233 КГБ РСФСР был преобразован в Агентство национальной безопасности (АНБ) РСФСР, а уже 19 декабря Б.Н. Ельцин подписал указ о создании Министерства безопасности и внутренних дел — МБВД, в которое должны были войти ЦСР, МСБ, АФБ и структуры министерств внутренних дел СССР и РСФСР; министром был назначен кадровый сотрудник МВД В.П. Баранников. Но этот указ остался нереализованным: 22 января 1992 г. Конституционный суд РСФСР признал его не соответствующим Конституции РСФСР, в связи с чем указом президента от 24 января 1992 г. было образовано Министерство безопасности (МБ) РСФСР.

Самую большую ценность 5-го управления представляла агентура. Председатель КГБ Ю.В. Андропов акцентировал внимание оперативного состава на бережном и квалифицированном использовании ее и требовал не повторять ошибок прошлого. Выступая на совещании руководящего состава контрразведки 23 марта 1978 г., он предостерегал: «Как вы знаете, был период,



когда некоторые стороны агентурной деятельности бросали тень на всю эту работу. Я имею в виду то, что люди называли “стукачеством”, то есть когда агентура в значительной мере ориентировалась на собирание мелкой, не имеющей прямого отношения к делу информации... Такие установки для агентов противоречили моральным и этическим нормам, которые закладываются в семье, в школе, в рабочих коллективах. Все это в прошлом, но об этом следует помнить, чтобы не допускать новых ошибок. Мы поступаем правильно, когда ориентируем агентов не на подглядывание в щели или на подсчет пустых бутылок, а на выполнение тех больших важных задач по обеспечению безопасности нашего государства, которые возложены на наши органы».

Работа с агентурой — самая сложная, самая деликатная; работая с агентом, как говорил еще жандармский полковник С.В. Зубатов, надлежит оберегать его, как любимую женщину, с которой ты находишься в незаконной связи. За годы существования 5-го управления сложилась определенная практика и стиль в воспитании агентов. Все начиналось с внимательного изучения будущего источника. К человеку сначала присматривались, изучали слабые и сильные стороны его характера и психики, раздумывали над поступками, предлагали ему оценить ту или иную ситуацию, выступить в роли эксперта, помогали в чем-то. После того как отношения становились чуть ли не дружескими, наступал новый ответственный этап работы — вербовка агента. Следовал рапорт начальству и разрешение на агентурную работу и присвоение псевдонима. Окончательная вербовка, как правило, проходила на конспиративной квартире спецслужбы, в крайнем случае в номере гостиницы. Согласно инструкции, при оформлении сотрудничества присутствовал начальник подразделения в котором работал оперативный сотрудник.

Хорошо зная психологию рождения агента, генерал Бобков, многолетний руководитель 5-го управления, советовал встретиться с ним на другой день после вербовки, оценить настроение, поддержать. Такое начало сотрудничества, как правило, ободряло начинающего агента. Правда, некоторые соглашались сотрудничать без подписи, то есть без документального оформления, а некоторые вообще готовы были представлять информацию только устно.

На агента заводилось два агентурных дела — рабочее и личное. В рабочем — сообщения, информация агента, подписка о сотрудничестве, псевдоним. Кроме того отдельно хранилась карточка агента, заполненная рукой оперработника, в которой перечислялись краткие установочные данные. По инструкции, принятой тогда в КГБ, работа с агентом должна была вестись только на квартирах. Квартиры были конспиративные (собственность спецслужб) и явочные (используемые по договору с хозяином и в советское время часто бесплатно). Встречи оперативных работников с агентами происходили два—четыре раза в месяц<sup>9</sup>.

Ситуации, связанные с вербовкой агента, могли быть самыми различными, а потому непредсказуемыми. Один ответственный работник центрального аппарата юридических органов страны рассказывал автору о том, что, будучи молодым преподавателем юридической академии и готовясь к 10-месячной научной стажировке за рубежом, он имел неоднократные встречи с куратором из КГБ. Высказанное им негодование: «я платным стукачом у КГБ не буду» — вызвало ответную реакцию у оперработника: «у нас за деньги работают только высокопрофессиональные люди». Результат — встреча была последней, но в зарубежную стажировку молодой кандидат юридических наук по «объективным» обстоятельствам не поехал. Через много лет, будучи в Москве и занимая генеральскую должность, он вспоминал непро-

фессионализм работы местных органов КГБ. Горечь неудачи сорванной стажировки, к которой он готовился, видимо, осталась навсегда.

Круг задач, выполняемых этой спецслужбой КГБ, был обширен. Задачами пятых подразделений являлись выявление, предупреждение и пресечение действий разведок иностранных государств, пропагандистских центров и зарубежных антисоветских организаций по подрыву или ослаблению морально-политического потенциала СССР. Большое внимание уделялось предупреждению, или профилактике идеологических диверсий. «После создания 5-го управления была установлена связь с соответствующими службами дружественных государств, ибо они особенно остро ошущали, что контрразведывательная работа необходима для борьбы со шпионажем и защиты конституционного строя... Сотрудники 5-го управления почувствовали это, возможно, даже раньше других в КГБ, так как мы, — отмечает Бобков, — реально видели и знали не только эти слабые места, но и те потенциальные силы, которые способны пойти на сотрудничество с противником»<sup>10</sup>.

Само понятие «идеологическая диверсия» появилось сравнительно недавно. Андропов в выступлении перед руководителями своего ведомства в феврале 1979 г. говорил: «Идеологическая диверсия осуществляется в области, охватывающей политические, философские, правовые, нравственные, эстетические, религиозные и другие взгляды и идеи, то есть в сфере идеологии... Ее отличает и то, что она осуществляется в наше время не обычным пропагандистским аппаратом, а специально организованными службами. Эти службы... основную ставку делают на специальные диверсионно-подрывные средства»<sup>11</sup>. Наиболее острые и опасные акции идеологической диверсии квалифицировались как антисоветская агитация и пропаганда (ст. 70 УК РСФСР)<sup>12</sup>. Как одна из форм идеологических диверсий расценивалось написание и использование материалов «идейно-ущербного содержания», которые нелегально распространялись среди населения или передавались для распространения за рубеж. То, что в органах КГБ именовалось *профилактикой*, заключалось в официальной беседе сотрудника госбезопасности с лицом, замеченным в нежелательной деятельности, о недопустимости подобных действий в будущем, причем это была не просто беседа, а лицо подписывало документ, что органы КГБ его официально предупредили о недопустимости антисоветского поведения; иногда проводилось обсуждение «негативных» поступков того или иного лица в рабочем коллективе, подключались средства массовой информации. На следующем этапе работник госбезопасности «подставлял» к «профилактируемому» агента, который должен был информировать о поведении человека после профилактики.

Этот механизм «официального предупреждения» имел свою нормативную базу — указ Президиума Верховного совета СССР от 25 декабря 1972 г. «О применении органами государственной безопасности предупреждения в качестве меры профилактического воздействия» (естественно, этот указ имел гриф «Не для печати»). На Лубянке этот документ и инструкция по его применению были объявлены приказом КГБ № 0150 от 23 марта 1973 года<sup>13</sup>. Профилактические беседы оказывались результативными. Количество осужденных по ст. 70 с 1971 по 1975 г. снизилось в три раза. За этот же период в судах были рассмотрены дела на 396 человек. В результате в 1973 г. было осуждено 73 человека, в 1974 году — 47, а в 1975 — 22 человека<sup>14</sup>. Разумеется, нужно учитывать, что профилактика была не единственным методом внесудебного воздействия на вольнодумцев.

Карательная политика в отношении диссидентов не сводилась к душепасительным беседам. Можно выделить шесть видов репрессивных мероприятий, которые применяли власти в отношении диссидентов в 1970-е годы:

1) лишение свободы путем заключения в тюрьму или исправительно-трудовую колонию; 2) условное осуждение к лишению свободы, с обязательным привлечением осужденного к труду; 3) ссылка; 4) высылка из страны; 5) исправительные работы без лишения свободы на своем предприятии или назначенном органами МВД с вычетом 20% из заработной платы; 6) отправка на принудительное «лечение» в психбольницу<sup>15</sup>. По сравнению с 1937 годом, когда признание «врагом народа», как правило, заканчивалось расстрелом, в 1970-х годах наказания были, таким образом, существенно мягче.

Профилактирование широко применялось в деятельности региональных пятых отделов управлений КГБ. Например, в Свердловской области за 1963—1967 гг., то есть еще даже до создания 5-го управления в центре, были подвергнуты профилактированию 92 человека — за изменнические намерения, террористические и антисоветские высказывания<sup>16</sup>. Тем не менее даже в 1968 г. 5-й отдел полностью не был укомплектован, имелись 2 вакансии<sup>17</sup>. Между тем Свердловская область имела важное народнохозяйственное значение, Свердловск являлся одним из крупнейших культурных центров страны. Здесь действовали 6 театров, Уральский филиал Академии наук, 12 вузов, 35 техникумов, 56 научно-исследовательских институтов. В вузах и техникумах обучалось свыше 50 тыс. студентов, творческая интеллигенция была представлена почти двумя тысячами писателей, композиторов, художников, артистов, кинематографистов, архитекторов и журналистов.

1960—1970-е годы — это время, когда в духовной жизни советского общества уже существовал такой феномен, как диссидентское движение. Период хрущевской оттепели быстро закончился и сменился нарастанием консервативных тенденций. Процесс «ползучей реакции» заявил о себе в самых разных сферах общественной жизни. Термины «развитой социализм», «зрелость», «стабильность» внедрялись в общественные науки, отражаясь в произведениях литературы и искусства «успехами» и «достижениями». Правозащитники восставали против ресталинизации, хотя просталинские настроения были сильны в «низах» общества<sup>18</sup>.

Идеологическая нестабильность советского общества, а особенно молодежи — это характерное явление для начала 1970-х годов. 1968 — год введения войск в Чехословакию, разрушил последние иллюзии. Формировалась двойная мораль — лицемерное признание успехов «развитого социализма» и собственные оценочные характеристики политических событий (не выходящих за границы узкого круга близких людей). В этих условиях усиливался идеологический контроль над учреждениями культуры, науки. Все более жесткой становилась борьба с инакомыслием. «Именно для борьбы, главным образом, с инакомыслием и было создано в составе КГБ Пятое главное управление. К 1984 г. усилиями “компетентных органов” движение диссидентов, — как считает А.И. Прищепа, — было практически сведено на нет. Около тысячи человек, до 90% активистов оказалось в тюрьмах, лагерях, спецбольницах»<sup>19</sup>.

По данным КГБ, в 1967—1971 гг. было выявлено 3096 «группировок политически вредного характера», профилактировано 13 602 человека, входящих в их состав. В том числе: 2196 участников 502 групп в 1967 г.; 2870 участников 625 групп в 1968 г.; 3130 участников 733 групп в 1969 г.; 3101 участник 709 групп в 1970 г. и 2304 участника 527 групп в 1971 году. Показательна география их распространения: Москва, Ленинград, Свердловск, Тула, Владимир, Омск, Казань, Тюмень, Украина, Белоруссия, Литва, Эстония, Молдавия, Казахстан... Заметно было развитие подпольных групп и на Урале<sup>20</sup>.

В конце 1960-х годов, кроме обычных психиатрических больниц Минздрава, расширялась сеть специальных «лечебниц», подчиненных КГБ и МВД.

29 апреля 1969 г. Андропов направил в ЦК КПСС письмо с планом развертывания сети спецпсихиатрических лечебниц и соображениями по поводу их использования «для защиты советского государственного и общественного строя»<sup>21</sup>. Что касается использования психиатрии в деятельности КГБ, то этому вопросу посвящена значительная литература<sup>22</sup>.

В 1961 г. была впервые издана Инструкция по неотложной госпитализации психически больных, представляющих общественную опасность. С этой инструкцией началась новая эра в истории карательной медицины — внесудебное лишение свободы и насилие над здоровьем людей уже не по приговору суда, а по произволу местной власти. Эта инструкция с незначительными изменениями была переиздана в 1971 году. Впервые внимание мировой общественности было привлечено к проблеме карательной медицины в СССР в 1963 г. в связи с делом Валерия Тарсиса и его книгой «Палата № 7».

60-е годы характеризуются расширением сферы деятельности карательной медицины, строительством новых спецбольниц: в 1965 г. открылась спецбольница в Черняховске, в 1966 г. — в Минске, в 1968 г. — в Днепропетровске, в 1970 г. — в Орле. Политических заключенных в психбольницах становилось все больше. Но «железный занавес» постепенно ржавел, превращаясь в «железные жалюзи». Из СССР поступала информация на Запад, отсюда, в передачах радиостанций, она доходила до наших граждан. Становилось известно о все новых случаях психиатрических репрессий. Мир узнал имена жертв карательной медицины: В. Гершуни, В. Борисов и В. Файнберг, П. Григоренко, Н. Горбаневская, И. Якимович. И это только самые известные в 60-х годах. В начале 1970-х их становилось все больше. Но и это — единицы, известные Западу. Это крупницы по сравнению с десятками нам известных случаев и еще большим числом нам не известных<sup>23</sup>.

На Урале, в Свердловской области, 5-й отдел управления КГБ сформировался к концу сентября 1967 г. в составе трех отделений. Некоторое представление о работе этого подразделения можно составить на основе анализа доклада «Об организации контрразведывательной работы против идеологической диверсии противника», сделанного начальником Управления КГБ по Свердловской области П.С. Музыкиным на кустовом совещании в Свердловске 10 июля 1968 года. В докладе, в частности, сообщалось, что это «работоспособный коллектив. При укомплектовании учитывались вопросы сочетания старых и молодых кадров. Отдельные руководящие должности замещены товарищами, пришедшими в органы КГБ с партийной и комсомольской работы... В первые месяцы работы усилия оперативного состава были направлены на изучение оперативной обстановки, особенно в связи с предстоящим празднованием 50-летия Советской власти, пересмотрены возможности агентуры, приобретено значительное количество доверенных лиц, расширен контакт с общественностью и партийно-комсомольским активом предприятий и учреждений».

Далее докладчик обращал внимание на специфику работы в Свердловской области. «Наша область закрыта от посещения иностранцев, но это не ограждает нас от проникновения буржуазной пропаганды. Для проведения враждебных идеологических акций противник использует радиопередачи, международную переписку, личные встречи с нашими гражданами на территории СССР и во время выездов за границу. Только в 1967—1968 гг. за границу выезжало 5227 человек. Свыше 1400 человек в разное время имели контакт с иностранцами на территории СССР. Около 12 000 ведут постоянную переписку с иностранцами. Более 3000 имеют там родственников, с которыми поддерживают активную письменную связь и периодически встречаются»<sup>24</sup>.

Органы КГБ занимались не только регистрацией подобных фактов и накоплением информации. Проводилась и активная наступательная работа. Все материалы о связях ученых, специалистов, молодежи с отдельными иностранцами, организациями и исследовательскими центрами обобщались и систематизировались. Конкретно результаты этой работы в Свердловской области проявились в том, что отделом было заведено пять дел оперативной проверки, в том числе два — на группу лиц. Профилактированию подверглись 57 человек. Было выявлено и несколько случаев нездоровья на предприятиях области нездоровой обстановки, которая могла привести к антиобщественным проявлениям. В таких случаях информировались партийные органы и проводились профилактические мероприятия.

Идеологический контроль прежде всего касался молодежи. «Ядовитые семена буржуазной пропаганды» находили благодатную почву в неустойчивой в идеологическом отношении молодежной среде. Старшее поколение было воспитано в «советском» духе. В большинстве своем оно прошло Великую Отечественную войну и имело устоявшиеся жизненные принципы, слепо веря коммунистической партии. А молодежь, слушая зарубежные радиостанции, прекрасно понимала, что за кордоном существует другая жизнь, и многие хотели установить хотя бы письменный контакт со сверстниками за рубежом. Свято веря в гарантию «тайны переписки», данную брежневской Конституцией 1977 г. (ст. 56), многие и не подозревали, что все письма, направленные за рубеж подлежат *обязательной перлюстрации*, и именуются на языке контрразведки не «письма», а «документы». За 1967—1968 гг. в адрес зарубежных радиостанций только с территории Свердловской области было направлено несколько сотен таких «документов». В упомянутом отчете начальника УКГБ по Свердловской области отмечалось: «Анализ международной корреспонденции, проведенный Управлением КГБ, показал увеличение потока писем в адреса зарубежных радиостанций капиталистических государств, прежде всего от молодежи области (студентов техникумов, студентов младших курсов вузов, школьников старших классов и трудящейся молодежи в возрасте 17—19 лет). За истекший 1967 год в адреса зарубежных радиостанций проследовало 258 документов, в основном из гг. Нижнего Тагила, Каменск-Уральского, Алапаевска, Ревды. Наибольшей популярностью и все более возрастающим вниманием пользуются передачи радиостанций: “Голос Америки”, “Немецкая волна” и “Канада”. В их передачах музыкальные и познавательные программы чередуются с враждебными комментариями по актуальным политическим вопросам. Факты свидетельствуют, что эти передачи оказывают отрицательное идеологическое воздействие на формирование эстетических вкусов и особенно мировоззрения советской молодежи. Управлением КГБ по всем подобным фактам информируются городские отделы (отделения) УКГБ и местные партийные органы, организуется проверка отдельных отправок документов; при этом обращается особое внимание на установление причин и обстоятельств, способствующих повышению интереса у молодежи к этим передачам»<sup>25</sup>.

Другим важным направлением усилий КГБ являлась церковь. Идеология, провозглашаемая церковью, не вписывалась в рамки коммунистического государства. К тому же официально, по действующей Конституции СССР 1977 г., церковь была отделена от государства и не имела прав юридического лица. Особое беспокойство у органов КГБ вызывали сектантские группы. Во-первых, в отличие от Русской православной церкви они действовали нелегально, имели свою печатную продукцию, часто — получаемую по неле-

гальным каналам из-за рубежа. Во-вторых, воспитание молодых членов секты проходило в духе сектантских догматов.

Таким образом, эти церковные диссиденты уже представляли «пятую колонну» в советском государстве. Им отводилось особое внимание в плане идеологического контроля. Деятельность таких сектантских групп имела весьма активный характер. Урал в этом отношении был далеко не самый проблемный регион страны. Но на территории Свердловской области в 1967 г. действовало около 70 сектантских групп с общим количеством участников около 2000 человек. Наибольшая активность отмечалась у евангельских христиан-баптистов. Они создали печатную точку и наладили производство и распространение нелегальной религиозной литературы. Периодически выезжали за пределы Свердловской области на различного рода совещания, где обсуждались вопросы привлечения в группы молодежи, создания новых печатных точек.

В 1967 г. в Нижнем Тагиле четыре руководителя сектантов были привлечены к уголовной ответственности. В ходе следствия было изъято большое количество религиозной литературы и множительные аппараты. Проходивший открытый судебный процесс имел большое профилактическое значение и воздействие на других сектантов.

С участием агентуры проводились профилактические мероприятия в отношении сектантской группы в другом городе Свердловской области — Полевском. На основании легализованных материалов в местной печати были опубликованы четыре статьи, разоблачающие антиобщественную деятельность сектантов.

Большое значение придавалось идеологическому контролю над так называемыми «автономистскими направлениями». В области в рассматриваемый период проживало свыше 50 тыс. немцев. Многие из них ранее являлись руководящими работниками советского и партийного аппарата прежней Республики Немцев Поволжья. Именно они стремились придать движению массовый и организованный характер. Управление КГБ отмечало, что «на этом участке мы имеем неплохие агентурные позиции». Другими словами, деятельность немцев-спецпоселенцев была надежно блокирована и находилась под постоянным идеологическим контролем областного комитета КПСС и центрального аппарата КГБ СССР.

В сфере ответственности 5-го отдела УКГБ по Свердловской области в 1967—1968 гг. 16 авторами было изготовлено и распространено 128 листовок и 16 анонимных писем с «клеветническими измышлениями» о государственном строе и внешней политике партии и советского правительства. Отдельные анонимы высказывали угрозы в адрес руководителей КПСС и советского государства. 5-й отдел сумел установить 14 авторов листовок и анонимных писем. Из числа выявленных анонимов оперативный интерес (по мнению областного КГБ) представлял автор «злых антисоветских воззваний» С., материалы на которого были переданы в прокуратуру. В 1967 г. он был приговорен к трем годам строгого режима. В 1967—1968 гг. было выявлено и профилактровано 234 «радиоухлигана». В соответствии с директивой от 28 марта 1968 г. совместно с Управлением охраны общественного порядка Свердловской области, Уральским военным округом, ДОСААФ и Управлением связи против этих лиц были проведены оперативные мероприятия.

В 1967 и начале 1968 г. в ряде городов Свердловской области на отдельных промышленных предприятиях начала складываться напряженная обстановка, которая, по оценке властей, могла вызвать массовый и групповой невыход на работу, массовые беспорядки и т.п. Из-за плохого материально-технического снабжения, неритмичности производства, неурядков в орга-

низации труда, плохих бытовых и производственных условий, низкой заработной платы и беспорядков в премировании на территории области за полтора года в 30 случаях возникали предпосылки подобных «антиобщественных проявлений». В январе 1968 г. не вышли на работу 20 лесорубов в рабочем поселке Кедровка (близ г. Кушвы), работавших на прииске треста «Уралзолото»; в марте отказались выйти на работу 36 водителей и кондукторов автобусов в г. Полевском, ввиду чего было сорвано пассажирское движение в городе<sup>26</sup>.

Для того, чтобы ориентироваться в обстановке, использовалась не только агентура, но и иные материалы, например перлюстрация корреспонденции. В записке начальнику 5-го отдела УКГБ по Свердловской области указывалось: «Мероприятиями ПК задержан документ, исходящий от жены секретаря Камышловского райкома ВКП(б) Король Дмитрия Федоровича — Король Марии Васильевны в адрес Король... очевидно, их родственницы, проживающей в с. Кочки, Роднинского района, Алтайского края. В документе Король Мария Васильевна искажает действительное положение в районе, заявляя о том, что колхозники живут очень плохо и по району имеется большой падеж скота. К своему документу она прикладывает официальный материал о падеже скота в районе, взятый ею из доклада своего мужа Король, который он делал на районной партийной конференции»<sup>27</sup>.

Профилактика в данном случае выразилась в просьбе начальника Камышловского городского отдела КГБ подполковника Суханева «оказать воздействие на секретаря Камышловского райкома ВКП(б) Король, чтобы его жена Король М.В., будучи членом партии и работая учителем одной из школ города Камышлова, не была бы распространителем антисоветской агитации»<sup>28</sup>.

Если данные примеры свидетельствуют об единичных случаях антиправительственной деятельности в Свердловской области, то по СССР в целом она приобрела более значительный размах, и положение особенно обострилось в 1970-х годах. Анализ материалов Московской Хельсинкской группы, использовавшей документы КГБ СССР и ЦК КПСС, показывает, что в 1975—1979 гг. службы фиксировали террористические намерения по 26—48 случаев в год, угрозы физической расправы в отношении партийного и советского актива в 1975—1983 гг. — по 72—126 случаев. Фактов распространения документов антисоветского содержания (анонимные листовки, письма, надписи) было выявлено в 1975 г. — 10 206, в 1977 г. — 10 708, в 1979 г. — 16 648, в 1981 г. — 22 502. Из общего числа разысканных авторов в 1975—1980 гг. около 10% состояли в КПСС и в полтора-два раза больше — в ВЛКСМ. Примерно на одном и том же уровне сохранялось раскрытие националистических и «антиобщественных» групп.

Профилактированию в 1975—1982 гг. подвергалось по 16—20 тыс. человек в год. «Профилактирование» граждан проводилось и раньше, другое дело, что централизованный учет этой деятельности КГБ СССР в 1950—1960-е годы специально не велся. Подсчет начался с 1967 г., то есть со времени создания 5-го управления<sup>29</sup>. Инициаторы такой формы работы спецслужб полагали, что подобная деятельность органов КГБ должна привести к полному искоренению политически вредных поступков и государственных преступлений. Но, как показала история, их ожидания не оправдались.

Возникает вопрос о причинах «идеологической незрелости» той части населения, которой приходилось заниматься 5-му управлению КГБ. К ним можно отнести следующие: 1) разрыв между теми задачами, которые были провозглашены в программе КПСС и реальной действительностью; 2) ухудшение из года в год уровня жизни населения; 3) усиление влияния пропаганды западных спеццентров, особенно радиостанций «Голос Америки», «Немецкая волна», «Свобода» и др.

Идеологическая диверсия, по мнению партийных идеологов и руководителей КГБ, являлась составной частью политики антикоммунизма и непосредственно исходила из доктрины «наведения мостов», выдвинутой американской администрацией, основная цель которой заключалась в том, чтобы, «если это возможно, помочь положить мирными методами конец коммунизму»<sup>30</sup>. Исходя из этого определялись основные формы идеологического контроля, практиковавшиеся 5-м управлением: 1) борьба с радио-пропагандой, особенно проводимой в отношении советской молодежи; 2) борьба с сектантством; 3) борьба с «автономией» в настроениях немцев-переселенцев, турок-месхетинцев и прочих незаконно депортированных народов; 4) борьба с массовыми «антиобщественными проявлениями» (выход на работу, забастовки, массовые беспорядки).

5-е управление просуществовало с 1967 г. по 1989 г., и это была последняя попытка советского строя методами тоталитаризма сохранить уже разваливающееся государство.

### Примечания

1. Родина, 1989, № 11.
2. Московские новости, 9.VIII.1992, № 32.
3. Известия, 26.X.1989.
4. Записка КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС о настроениях студенческой молодежи, 5.XI.1968. — Исторический архив, 1994, № 1; Аналитическая справка КГБ СССР о характере и причинах негативных проявлений среди учащейся и студенческой молодежи, 3.XII.1976, подписанная Бобковым. — Там же.
5. Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991 гг. Справочник. М. 2003, с. 166—168.
6. СЕВЕР А. История КГБ. М. 2008, с. 184.
7. МАКАРЕВИЧ Э. Секретная агентура. М. 2007, с. 257.
8. БАКАТИН В.В. Избавление от КГБ. М. 1992, с. 73.
9. МАКАРЕВИЧ Э. Ук. соч., с. 255.
10. БОБКОВ Ф.Д. КГБ и власть. М. 1995, с. 216.
11. АНДРОПОВ Ю.В. Избр. речи и статьи. М. 1979, с. 279—298.
12. ВОРОНЦОВ С.А. Спецслужбы России. Ростов-на-Дону. 2006, с. 390.
13. ХЛОБУСТОВ О. Госбезопасность от Александра I до Путина. М. 2005, с. 291.
14. ПРОЗОРОВ Б.П. Ю.В. Андропов о предотвращении и нейтрализации попыток создания «пятой колонны» в нашей стране // [www.silovikiputin.ru/vlast/details/index.html?n\\_n15](http://www.silovikiputin.ru/vlast/details/index.html?n_n15).
15. СЕВЕР А. Ук. соч., с. 273.
16. Архив Управления ФСБ РФ по Свердловской области (АФСБ Св. обл.), ф. 1, оп. 2, д. 550, л. 14.
17. Там же, л. 35.
18. РУСИНА Ю.А. «Всходы» инакомыслия в советских вузах (на примере Уральского госуниверситета им. А. М. Горького). В кн.: Очерки истории Урала. Вып. 51. Кн. 2. Екатеринбург. 2009, с. 244.
19. ПРИЩЕПА А.И. Инакомыслие на Урале (середина 1940-х — середина 1980-х гг.). Докт. дисс. Сургут. 1999, с. 12.
20. Там же, с. 259.
21. Там же, с. 265.
22. ПЕРВОМАЙСКИЙ В.Б. Критерий невменяемости и пределы компетенции психиатра-эксперта. — Государство и право, 1991, № 5; ПРОТЧЕНКО Б.К. К понятию невменяемости. — Советская юстиция, 1987, № 17, с. 20—22; и др.
23. ПОДРАБИНЕК А. Карательная медицина. Нью-Йорк. 1979.
24. АФСБ Св. обл., ф. 1, оп. 1, д. 550, л. 60об., 62, 64, 66, 68, 69.
25. Там же, л. 32.
26. Там же.
27. Там же, д. 633, л. 101.
28. Там же.
29. Сведения о числе лиц, привлеченных к уголовной ответственности и подвергшихся профилактике органами КГБ за 1959—1974 гг.: [www.gwu.edu/~nsarchiv/nsaebb/wsaebb191/10-31-1975.pdt](http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nsaebb/wsaebb191/10-31-1975.pdt).
30. ВОРОНЦОВ С.А. Ук. соч., с. 389.



## Исмаил Кемали

П.А. Искендеров

Исмаил Кемали (в турецком варианте Кемаль-бей), основатель албанской независимости, родился в 1844 г. во Влере. Он происходил из богатого и знатного рода. Получив начальное образование в родном городе, он отправился в Янину (столица Янинского вилайета Османской империи, ныне — город в северной Греции), где поступил в престижную гимназию Зосимеа. После ее окончания он в 1859 г. вместе с семьей переехал в Стамбул, где поступил на службу в канцелярию султана. Он успешно продвигался по служебной лестнице при содействии своего непосредственного начальника — известного своими либеральными взглядами Мидхат-паши. Занимая посты градоначальника ряда балканских городов, Исмаил Кемали всегда уделял внимание обустройству его родной Албании. Он, в частности, пытался стандартизировать албанский алфавит и создать культурную албанскую ассоциацию<sup>1</sup>.

Его критический склад ума и связи с албанскими патриотическими организациями становились все более явными и не могли не привлекать внимания османских властей. Первый кульминационный момент в богатой биографии Исмаила Кемали наступил в 1877 г. в разгар Великого восточного кризиса. Будущий глава албанского правительства уже ожидал назначения на один из ключевых постов в оттоманской иерархии, однако карты спутало решение султана Абдул-Хамида II отправить в отставку с поста премьер-министра Османской империи его покровителя Мидхат-пашу. Сразу же впавший в немилость Кемали был отправлен в почетную ссылку в Западную Анатолию, хотя позднее султан решил назначить его на весьма почетный пост губернатора в далеком от Стамбула Бейруте.

В апреле 1900 г. Исмаил Кемали стал губернатором триполитанских владений Османской империи. Однако сам он видел в этом решении очередную попытку убрать его из столицы, а быть может, и подготовить его физическое устранение. Кемали решил покинуть Османскую империю. В мае 1900 г. он поднялся на борт яхты британского посла в Стамбуле и попросил политического убежища. Его просьба была удовлетворена, и он был эскортирован в Лондон. Так начался первый — восьмилетний эмигрантский период в биографии Исмаила Кемали, в течение которого он занимался разработкой про-

---

*Искендеров Петр Ахмедович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ектов конституционного обустройства Османской империи и обеспечения интересов Албании.

В это время происходит сближение будущего лидера самопровозглашенной независимой Албании с движением младотурок. Однако отношение Исмаила Кемали к ним с самого начала было неоднозначным. Он поддерживал ту часть их программы, которая предусматривала ограничение полномочий верховного правителя Османской империи — султана. Однако в том, что касается принципов национально-государственного устройства страны, его неприятие вызывало стремление младотурецких комитетов ограничить права нетурецкого населения, та самая политика «османизации», формирования особой «османской» (или «оттоманской») нации, которая будет объявлена государствообразующей после прихода младотурок к власти. Как говорилось в программе «Оттоманского общества “Единение и прогресс”», «в целях предупреждения наших мусульманских и христианских соотечественников относительно системы правления нынешнего режима, который нарушает такие человеческие права, как справедливость, равенство и свобода, который лишает всех оттоман прогресса и отдаст нашу страну под иностранное господство, образовано «Оттоманское общество “Единение и прогресс”, состоящее из мужчин и женщин, которые все без исключения являются оттоманами»<sup>2</sup>.

На конгрессе представителей младотурецкого движения в 1902 г. в Париже Исмаил Кемали открыто выступил против ущемления национально-культурных интересов албанцев и представителей других этносов.

Между тем, в период своей эмиграции Исмаил Кемали отнюдь не являлся сторонником предоставления албанцам широких политических прав. Албания виделась ему как одна из областей единой Турции, пользующаяся культурно-национальной автономией. Он был убежден, что самостоятельное существование Албании невозможно в условиях враждебного окружения и стремления великих держав поделить Балканы между собой. В этой связи он писал: «Что касается албанцев, то любое открытое революционное движение может вызвать разве что “законное” вмешательство извне»<sup>3</sup>.

Опасаясь, что Албании уготована незавидная судьба стать «разменной монетой» в геополитических играх «сильных мира сего», Исмаил Кемали даже обнарудовал в 1907 г. проект создания греко-албанской федерации, который, впрочем, просуществовал достаточно недолго в силу его явной практической нереализуемости.

Между тем, события развивались стремительно. Утром 23 июля 1908 г. члены Совета министров посоветовали султану ввести в действие конституцию, что и было сделано уже на следующий день — 24 июля<sup>4</sup>.

Младотурецкая революция и приход к власти комитета «Единение и прогресс» ознаменовали собой новый этап в развитии албанского освободительного движения. Его сближение с младотурками произошло за несколько месяцев до этого — весной 1908 года. Младотурки, выдвинувшие в качестве своих программных требований восстановление конституции, равенство и гражданские свободы для всех жителей империи, сумели привлечь на свою сторону значительную часть албанского населения. Кроме того, в Македонии и Косово ряд членов комитета «Единение и прогресс» установили непосредственные связи с некоторыми лидерами местных албанских революционных комитетов. В г. Дебар даже произошло их организационное объединение. А находившийся в Салониках один из идеологов албанского освободительного движения Мидхат Фрашери обратился к албанцам с непосредственным призывом поддержать революцию. Особую поддержку младотуркам оказали албанские мусульмане. Один из них — Ахмад Ниязи-бей прибыл из Ресена и

уже 3 июля сформировал вооруженный отряд в составе 200 человек, готовый выступить против Абдул-Хамида II. Поддержали младотурецкое движение практически все влиятельные албанские лидеры территорий вокруг Охридского озера. Представители южноалбанского г. Корча откликнулись на призыв младотурок, в свою очередь, потребовав предоставления Албании автономии. А более консервативные албанские мусульмане Косово обусловили свою поддержку сохранением фигуры султана как верховного правителя Турции<sup>5</sup>.

В конечном итоге именно албанцы приняли самое активное участие в свержении власти султана Абдул-Хамида. Среди них были и выходцы из Косовского вилайета, традиционно являвшиеся опорой султана Абдул-Хамида II и служившие в дворцовой гвардии и отрядах башбузуков. Младотурки, со своей стороны, пообещали албанцам целый ряд уступок — смягчение налогообложения, подтверждение права носить оружие, разрешение на использование в школах албанского языка, предоставление им широких конституционных прав. Последнее, правда, было понято далеко не всем. Англичанка Эдит Дурхэм так описывала албанские «страсти по конституции», свидетельницей которых она оказалась: «Что-то таинственное и неизвестное случилось со страной. Было 27 июля, и весь Скутари (Шкодер — П.И.) был взбудоражен новостями о Конституции. Что? Где? Как? Когда? Почему? — никто не знал... Все, что было известно, это слово “Конституция”... Невозможное случилось. Столетиями сдерживавшиеся эмоции вырвались наружу, и народ-ребенок с быстротой ветра был вовлечен в водоворот игры и надежды»<sup>6</sup>.

После победы младотурецкой революции в стране была восстановлена конституция 1876 года. Депутатами созванного младотурками осенью 1908 г. нового парламента стали и 26 албанцев. Среди них оказался и вернувшийся к тому времени из эмиграции Исмаил Кемали — наряду с другими албанскими лидерами, пользовавшимися поддержкой со стороны своих вооруженных сторонников. Исмаил Кемали, Хасан Приштини, Эсад-паша Топтани — совсем скоро им предстояло сойтись в ожесточенной схватке за верховную власть в стране. Пока же они заседали вместе в парламенте, демонстрируя лояльность режиму, хотя и «слабо веря в жизнеспособность нового режима»<sup>7</sup>.

Однако практическая деятельность младотурок, отнюдь не спешивших выполнять свои социально-экономические и политические обещания, а, наоборот, под предлогом реализации лозунга «османизма» (или «пантюркизма»), взявших курс на ущемление прав нетурецких национальностей, вызывала у Исмаила Кемали растущее разочарование<sup>8</sup>. Созданная им в декабре 1908 г. партия «Ахрар» («Либералы»), по сути, носила антимладотурецкий характер. Одним из пунктов ее программы стало требование проведения в стране государственно-административной реформы на принципах децентрализации управления с предоставлением Албании и другим областям с нетурецким населением расширенной автономии. Во время попытки переворота, осуществленной солдатами стамбульского гарнизона в апреле 1909 г., партия Исмаила Кемали выступила против младотурок. По сути, албанский лагерь оказался расколотым. Все решила поддержка, оказанная властям албанскими национальными комитетами на местах, а также македонскими вооруженными четами (отрядами). Две недели спустя Стамбул был занят революционными войсками, а Абдул-Хамида II на султанском троне сменил Мехмед V.

На волне контрреволюции Кемали успел в течение двух дней побывать на посту председателя оттоманской Национальной ассамблеи, но вслед за этим во второй раз (и отнюдь не последний) был вынужден отправиться в эмиграцию в Грецию, а затем в Румынию. В Стамбул он уже больше не вернется.

Что касается общей ситуации в Турции, то там период определенной политической либерализации сменился усилением национального гнета. В частности, была законодательно запрещена деятельность на местах национальных комитетов, в том числе и албанских, которые во многом и содействовали приходу к власти младотурок.

Первым массовым антитурецким выступлением албанцев против режима младотурок стало восстание, вспыхнувшее весной 1910 г. в Косовском вилайете. Его жестокое подавление турецкими войсками и введенный после этого репрессивный режим означали два момента. Во-первых, запрет школ с преподаванием на албанском языке, албанской литературы, закрытие культурно-национальных клубов и других организаций фактически сделали невозможным продолжение борьбы культурно-просветительными методами. А во-вторых, сторонники освобождения Албании от турецкого гнета поняли необходимость более тщательной подготовки нового вооруженного выступления на максимально широкой территории, а не только в Косово. Центральный комитет по подготовке гораздо более масштабного восстания, которое должно было начаться весной 1911 г., был создан на греческом острове Корфу. В него вошел и Исмаил Кемали. Комитет выдвинул в качестве одной из важнейших задач установление в соседних с Албанией странах тесных связей с различными организациями, способными оказать как материальную, так и морально-политическую поддержку делу освобождения страны.

Основные боевые действия развернулись в Северной Албании вблизи границы с Черногорией. Столкнувшись с самоотверженным сопротивлением вооруженных отрядов, пользовавшихся поддержкой местного населения (в том числе и черногорских албанцев), а также тайным содействием (деньгами и оружием) со стороны Черногории<sup>9</sup>, турецкие власти были вынуждены согласиться на переговоры. В выработке в этих целях платформы албанского национально-освободительного движения самое активное участие принял Исмаил Кемали. Среди основных положений данной программы, получившей название «Красная книга» и состоявшей из 12 пунктов, было требование предоставления территориально-административной автономии для всех районов, населенных албанцами, права оставлять собираемые налоги для решения местных социально-экономических проблем, обязательного использования албанского языка в местной администрации. По сути, речь шла о первой целостной программе борьбы за автономную Албанию.

Использовавшим проверенную тактику сочетания незначительных уступок (снижение налогов, сокращение сроков военной службы, открытие нескольких школ на албанском языке), расплывчатых обещаний и подкупа албанской знати властям Стамбула удалось добиться прекращения восстания. Тем не менее, содержание «Красной книги» и в целом более высокий уровень организации национально-освободительных выступлений свидетельствовали об изменении характера борьбы и взглядов ее руководителей — в первую очередь, самого Исмаила Кемали. Как указывал в своем донесении в Белград от 24 июля 1911 г. сербский консул в Приштине М. Ракич, «в прошлом году, во время самых кровавых боев с армией и самого сильного ожесточения против власти, не было речи об автономии Албании. Ненависть к Турции, а именно к режиму, была огромной, но никто не помышлял об отделении от Турции, об образовании отдельного целого. Сегодня в этом вопросе наступило коренное изменение. Не только среди албанцев-католиков на территориях, прилегающих к черногорской границе, но и среди албанцев-мусульман идея автономии Албании нашла многочисленных приверженцев, и она провозглашается практически в открытую. Понятно, что некоторые выступают за полную автономию, некоторые выступают лишь за

автономии с известными ограничениями и без отделения от Турции, но тем не менее главной и самой значительной отличительной чертой сегодняшнего движения является стремление к автономии»<sup>10</sup>.

Весной 1912 г. еще более значительное албанское восстание вспыхнуло в Европейской Турции. Его размах объяснялся опытом, накопленным к этому времени руководителями национально-освободительного движения, углублением социально-экономического и политического кризиса в Турции в условиях неудачной для нее войны с Италией, а также весьма тесными связями, которые албанские лидеры — и среди них Исмаил Кемали — установили с оппозиционными партиями и движениями в самой Турции. Центральный албанский комитет, образованный на состоявшемся в Ницце совещании албанских политических деятелей, должен был играть ключевую организационную роль. В качестве одного из членов данного Комитета, Исмаил Кемали в марте-апреле 1912 г. совершил «инспекционную» поездку по территории Албании, в ходе которой внимательно анализировал обстановку на предмет более эффективной организации выступлений. Центром нового восстания вновь стал Косовский вилайет, однако оно вскоре распространилось в южном направлении, охватив, в том числе, Македонию. В августе 1912 г. албанские отряды вошли в Скопье. Но турецким властям вновь удалось отделаться «малой кровью». В том же Скопье были разработаны принципы мирного соглашения, лишь отчасти облегчавшие положение албанского населения Турции. Кроме того, 19 августа 1912 г. была объявлена амнистия для участников антитурецких выступлений.

Решение о прекращении вооруженной борьбы вызвало раскол в рядах албанского национально-освободительного движения, его разделение на «соглашателей» и сторонников «борьбы до победного конца». В этих непростых условиях Исмаил Кемали — «ведущий албанский интеллектуал» той эпохи, по меткому выражению британской исследовательницы Миранды Виккерс, свои основные надежды стал связывать с позицией великих держав. По его мнению, само существование Албании и ее границы в условиях растущей угрозы оккупации соседними балканскими странами напрямую зависели от расстановки сил в «концерте великих держав», от их «соперничества», а главное — от позиции Австро-Венгрии, единственной защитницы албанцев, объективно не заинтересованной в территориальной экспансии Сербии<sup>11</sup>.

Что касается балканских государств, то наибольшую поддержку денежными средствами и оружием албанское освободительное движение получало из Черногории. Помогая албанцам и даже позволяя им использовать территорию своей страны в качестве своеобразной тыловой базы, черногорский правитель Никола Петрович Негош преследовал свои цели. Он надеялся таким образом добиться территориальных приращений, рассчитывая, что, освободившись из-под власти Турции североалбанские племена признают верховный суверенитет Черногории. Более того, в период создания антитурецкого союза балканских народов король Никола имел личную встречу с Исмаилом Кемали. Она состоялась в августе 1912 г. в Цетинье, однако не привела к каким-либо конкретным результатам. И Черногория, и ее ближайшая союзница Сербия рассчитывали военным путем добиться присоединения к своим владениям обширных территорий со смешанным сербо-албанским населением и вряд ли могли в этих условиях рассматривать албанское движение (неотъемлемым аспектом которого являлся рост национального самосознания) в качестве своего естественного союзника<sup>12</sup>.

Прекрасно осознавая тот факт, что турецкие владения на Балканах доживают последние дни, Исмаил Кемали предпринял срочные дипломатические маневры. Этого требовали как его собственные выводы из сложившейся

военно-политической обстановки на Балканах и вокруг них, так и решения прошедшего в Бухаресте 5 ноября 1912 г. собрания представителей албанских эмигрантских организаций, в подготовке и работе которого Кемали принял активное участие.

Взяв на себя «миссию выразителя интересов всех албанцев за рубежом»<sup>13</sup>, Исмаил Кемали отправился в обе столицы монархии Габсбургов — Вену и Будапешт, где попытался убедить представителей Австро-Венгрии в необходимости поддержать национально-освободительную борьбу албанского народа, пока территория страны не оккупирована войсками антитурецкой коалиции. «Когда балканские союзники объявили войну Турции, и болгарские армии оккупировали Кирк-Килиссе, в то время как сербы заняли Ускюб (Скопье — П.И.), я понял, что для нас албанцев настало время предпринять энергичные меры для нашего собственного спасения» — писал он впоследствии<sup>14</sup>.

Исмаил Кемали был встречен в обеих столицах монархии весьма благожелательно. В частности, в Вене он имел встречи в местном парламенте с дипломатическими представителями Англии, Италии и Франции. Однако главным пунктом повестки дня его турне стала беседа с министром иностранных дел Австро-Венгрии Л. Берхтольдом. Его стремление создать суверенную Албанию в значительной степени отвечало объективным интересам Австро-Венгрии, особенно в условиях громких побед войск балканского союза на фронтах первой Балканской войны. Бальхаусплатц (МИД Австрии) не могла не тревожить перспектива возникновения на Адриатике сербского порта. И хотя относительно его дальнейшей судьбы мнения в Вене расходились (большинство политиков и военных прогнозировали в будущем его переход в руки России, в то время как эрцгерцог Франц-Фердинанд полагал, что сербским портом на Адриатическом море в конечном итоге завладеет Италия<sup>15</sup>), сути дела это не меняло. Для монархии Габсбургов главным было не допустить триумфального прорыва сербской армии через албанские горы на побережье. Создание суверенной Албании в значительной степени должно было послужить гарантией от роста экономической, политической и военной мощи Сербии, ее авторитета в глазах южнославянских народов Австро-Венгрии.

За международным турне Исмаила Кемали с понятным интересом наблюдали в Белграде. Посланник Сербии в Вене Дж. Симич сообщал в своей телеграмме от 10 ноября 1912 г., что албанский лидер намерен вскоре отправиться в Албанию, где «попытается организовать некое государственное управление», в связи с чем он ныне стремится «заложить определенный фундамент» в глазах Европы<sup>16</sup>.

После завершения поездки Исмаил Кемали вернулся в Албанию. 19 ноября 1912 г. в порту Триест его ждал пароход, предоставленный австрийским правительством. Вот как описывал обстоятельства его возвращения посланник Сербии в Греции М. Бошкович в телеграмме в Белград от 25 ноября 1912 г.: «Известный австрийский агент, албанец Кемаль-бей с двенадцатью сторонниками высадился на берег и отправился в четверг в Драч (Дуррес — П.И.), где он намеревается провозгласить автономию Албании и организовать сопротивление Сербии. Из Триеста их доставило австрийское судно “Брио”. С ними был русский врач, который видел их лично. Кемаль не посещал Триест, а находился в ожидании в открытом море вне гавани»<sup>17</sup>. С борта австрийского судна еще в Триесте Кемали произнес речь, в которой пообещал, что «сразу же после его прибытия в Албанию будет провозглашена независимость и избрано временное правительство»<sup>18</sup>.

Однако немедленно реализовать вышеуказанные планы не удалось. Виною тому — греческая блокада албанского порта Дуррес (в котором и плани-

рвалось создать Всеалбанский конгресс с прицелом на провозглашение независимости), а также выданное префектом данного города распоряжение об аресте самого Кемали. 26 ноября последний прибывает во Влеру. Именно в этом городе делегаты из различных районов Балкан с албанским населением (включая Косово) 28 ноября 1912 г. провозгласили создание независимой Албании. Председателем Всеалбанского конгресса, а позднее главой правительства единодушно был избран Исмаил Кемали. Он же 5 декабря занял пост министра иностранных дел в правительстве, состоявшем из 7 министров — мусульман и христиан. Военные вопросы были переданы в ведение Риза-Бея из Джаловицы и Исы Болетини, который под натиском сербских войск к этому времени как раз отступил во Влеру из Косово через Люму<sup>19</sup>.

В своем выступлении перед делегатами всеалбанского Национального собрания Исмаил Кемали напомнил, что хотя албанцы всегда были верны Оттоманской империи, они «никогда не забывали свой собственный язык и национальность, лучшим доказательством чего стали их выступления, имевшие место время от времени, в особенности в последние четыре года, в целях защиты их прав и обычаев». «Оттоманское правительство никогда не принимало во внимание их интересы, и никогда не желало вознаградить албанцев за великую службу, которую они несли. Оно недавно продемонстрировало определенный интерес к тому, чтобы прийти к взаимопониманию с нашим народом, но не явило доказательств своей честности и не предприняло всех необходимых шагов для того, чтобы успокоить и удовлетворить албанцев. На Балканах недавно вспыхнула война с четырьмя странами, стремившимися к переменам и обеспечению прав для своих народов, объединенных этничностью и религией.

Позднее эти страны отбросили свои первоначальные цели и, поскольку война развивалась для них успешно, согласились разделить между собой Империю, включая Албанию. Понимая, что турецкая армия разгромлена, и Империя не выживет, албанцы, игравшие намного большую роль в боях, нежели простые солдаты, поспешили предпринять требуемые шаги в своих собственных интересах как хозяева страны» — подчеркнул Кемали, добавив, что «поскольку больше не было надежды сохранить Албанию силой оружия, единственным путем к спасению стало отделить Албанию от Турции». По его словам, данная идея «была хорошо воспринята всеми великими державами, в особенности Австрией и Италией. Только Россия осталась в чем-то враждебной данной идее из-за славян, но она не отрицала существование Албании и албанского народа». В силу всего вышеизложенного, «самыми срочными мерами, которые албанская нация — продолжал оратор — должна предпринять сегодня, являются следующие: Албания должна стать независимой под управлением временного правительства, для содействия и надзора за правительством должен быть избран совет старейшин, и в Европу должна быть направлена комиссия для того, чтобы защищать албанские интересы перед великими державами».

По свидетельству выходящей во Влере газеты «Перлиндь е Шчипнис», делегаты Национального собрания «единодушно согласились» со словами Исмаила Кемали о том, что «Албания с сегодняшнего дня должна стать самостоятельной, свободной и независимой под управлением временного правительства.

Это решение было встречено нескончаемыми аплодисментами. Заседание было прервано до следующего дня, и делегаты вышли наружу и приветствовали флаг, который был поднят в пять тридцать пополудни»<sup>20</sup>.

Основная идея речи Исмаила Кемали на конгрессе заключалась в том, что «единственным путем спасения является отделение Албании от Турции»,

находящейся на грани распада под влиянием военных успехов балканских союзников. Причем, по его словам, данный акт поддерживался не только Австро-Венгрией и Италией, но и Россией. Что же касается основных задач, которые, по мнению политика, требовали безотлагательного решения, они были следующими: «сделать Албанию независимой под эгидой временного правительства; избрать совет старейшин в качестве вспомогательного и контролирующего органа при правительстве; направить в Европу делегацию в целях получения поддержки албанского вопроса со стороны великих держав»<sup>21</sup>.

Возвращаясь к тезису о поддержке Россией дела освобождения Албании, следует отметить, что это было преувеличением. В российском министерстве иностранных дел понимали объективный характер процессов, приведших к фактическому обособлению Албании от Турции. Однако албанский вопрос для России все-таки имел подчиненное значение и рассматривался в качестве одного из аспектов более значительной проблемы, заключавшейся в определении нового места на карте Балкан ее ближайших союзниц — Сербии и Черногории, политика которых (в первую очередь, Белграда) в отношении Албании реально угрожала возникновением крупного военного конфликта с участием Австро-Венгрии, что было крайне невыгодно для Санкт-Петербурга. В архивах сохранилась примечательная депеша российского дипломатического представителя в Стамбуле М.Н. Гирса от 7 марта 1913 г., в которой он сообщал о состоявшемся в турецкой столице съезде албанцев-эмигрантов, выступивших с идеей образования албано-сербского государства под эгидой сербского короля, но при одновременном сохранении независимости албанских земель. И сам Гирс, и поставивший на документе собственноручную помету Николай II, и министр иностранных дел С.Д. Сазонов весьма сочувственно отнеслись к подобным планам, которые, очевидно, стали бы наилучшим решением для России<sup>22</sup>.

Телеграмма, посланная за подписью И. Кемали во внешнеполитические ведомства великих держав с призывом признать независимость Албании, не встретила в Санкт-Петербурге никакого отклика. Так же, впрочем, как в Вене и Риме. Это означало однозначный отказ великих держав признать не только правительство Кемали как таковое, но и сам факт возникновения независимого албанского государства<sup>23</sup>.

В Европе албанский вопрос рассматривали в качестве одного из составных элементов общего кризиса на Балканах, вызванного военными успехами войск Балканского союза и фактическим военно-политическим коллапсом в континентальных владениях Турции. А данный комплексный вопрос подлежал обсуждению в рамках совещания послов, которое созывалось в Лондоне. Кроме того, как отмечает российский исследователь Г.Л. Арш, «рождение нового государства на Балканах создало целый узел проблем — политических, международно-правовых, территориальных»<sup>24</sup>.

Не больше энтузиазма выказали и правительства балканских стран, к которым Кемали также обратился за признанием и поддержкой. Вот текст телеграммы, адресованной им 29 ноября 1912 г. министру иностранных дел Сербии (аналогичный документ был получен и в других балканских столицах):

«Спешу сообщить Вашему Превосходительству о событии исключительной важности для национальной жизни албанцев. Посланцы со всех албанских областей независимо от веры, собравшиеся сегодня в Валоне (Влера — П.И.) в качестве Народного Собрания, провозгласили независимость Албании и сформировали временное правительство. Албанцы счастливы войти в семью народов Балканского полуострова, которым они по происхождению приходится старшими братьями. Не имея другой цели кроме как жить в мире со всеми соседними государствами, они надеются что это изменение народ-



ной жизни и само временное правительство будут признаны Королевским правительством; что дальнейшие враждебные действия со стороны сербской армии на их родной земле прекратятся; и что все бесспорно албанские области, которые заняли армии союзников, будут им возвращены»<sup>25</sup>.

Правительство Исмаила Кемали с самого начала оказалось в буквальном смысле «в кольце фронтов». Уже 3 декабря греческий флот предпринял штурм Влеры, который был прекращен лишь после совместного демарша Австро-Венгрии и Италии, одинаково опасавшихся появления еще одного игрока в розыгрыше «албанской карты». Существовавшие у каждой из «великих держав» геополитические планы и расчеты делали невозможным признание государственной независимости нового государства в условиях полной неизвестности относительно его будущей судьбы и в целом перспектив развития ситуации во всем регионе. При этом в своей деятельности, направленной на укрепление военно-политических и экономических позиций в Албании, Италия начинала переигрывать монархию Габсбургов. Перед Веней встала реальная угроза превращения Влеры и находящегося на ее траверсе острова Сазан в передовой итальянский аванпост, что фактически делало Адриатику внутренним итальянским морем. И, по иронии судьбы, именно во Влере, игравшей ключевую роль в международных играх вокруг Албании, находилось правительство Кемали, оказавшееся в буквальном смысле «между двух (а на самом деле между гораздо большим числом) огней».

Еще летом 1902 г. министр иностранных дел Италии Д. Принетти пообещал своему российскому коллеге В.Н. Ламздорфу, что «в случае каких-либо непредвиденных осложнений все усилия Италии будут направлены к защите занятого ею там (в Албании — *П.И.*) положения»<sup>26</sup>. Провозглашение независимости Албании и формирование правительства Кемали как раз и стало таким «непредвиденным осложнением». Что же касается позиции Австро-Венгрии, то ее, пожалуй, лучше всех сформулировал начальник Генерального Штаба австро-венгерской армии генерал Конрад фон Гетцендорф, указывавший, что Албания «должна быть принята во внимание не только как сила, противостоящая Италии, но и как союзник против Сербии и Черногории»<sup>27</sup>.

Напрасно Исмаил Кемали заверял Лондонское совещание послов в жизнеспособности своего «конституционного» по его словам и «временного» по международной терминологии правительства. Напрасно доказывал необходимость переноса столицы Албании из портовой Влеры в находящийся в центральной области город Эльбасан, откуда можно было бы более эффективно осуществлять государственное управление; напрасно разрабатывал красивые, но явно нежизнеспособные проекты переустройства Албании по кантональному принципу (наподобие благополучной Швейцарии). В августе 1913 г. было объявлено о направлении в Албанию Международной контрольной комиссии. В страну направлялись голландские офицеры, в задачу которых входила подготовка местной жандармерии. Комиссия с самого начала обозначила свое отношение к деятельности правительства Исмаила Кемали, отнеся его к разряду одной из многочисленных местных властей, существовавших в различных районах Албании, — в данном случае, во Влере.

Стремясь хоть как-то упрочить свои позиции, И. Кемали пошел на значительные уступки Австро-Венгрии и Италии в финансово-экономической сфере. Так, в октябре 1913 г. он дал согласие на открытие банка, наделявшегося значительными полномочиями, в котором ключевые позиции принадлежали Австро-Венгрии и Италии. Как писал российский представитель в Международной контрольной комиссии А.М. Петряев, «банку даны широкие права производить всевозможные финансовые и коммерческие операции, включая сюда выпуск денежных знаков и чеканку монет. Ему будет

принадлежать право устраивать внутренние и внешние займы, учреждать монополии и вообще играть роль государственного казначейства для всей Албании... При таком исключительном полжении албанского банка вся экономическая и финансовая жизнь Албании подпадет в бесконтрольное распоряжение Австрии и Италии»<sup>28</sup>.

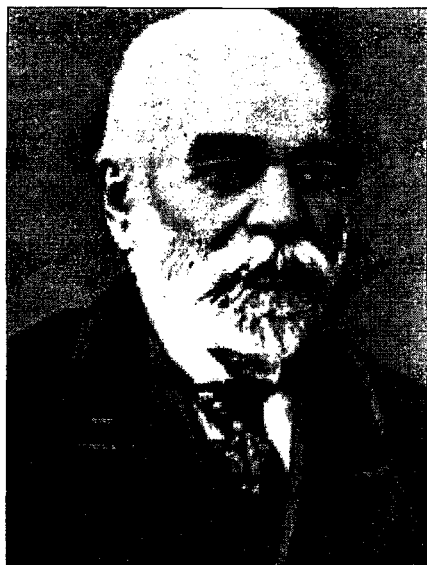
Впрочем, правительство Исмаила Кемали испытывало острый дефицит не только международной поддержки. Внутри страны против него поднял фактический мятеж один из крупнейших албанских землевладельцев Эссад-паша, имевший основания рассчитывать на тайное содействие со стороны Италии, Сербии и Турции. Он собрал вокруг себя недовольных политикой Исмаила Кемали, пытавшегося проводить реформы, создать систему централизованной власти и придать стране по возможности светский характер. Эссад-паша провозгласил себя спасителем Албании и Ислама, заявив, что «Центральная Албания желает иметь мусульманского правителя»<sup>29</sup>.

В наиболее жесткой оппозиции Исмаилу Кемали и его правительству находились Афины, Белград, Стамбул. Греция делала ставку на военное решение албанского вопроса, заключавшееся в стремлении присоединить к себе как можно более обширные территории со смешанным греко-албанским населением. В начале декабря греческие войска вплотную подошли к Влере и даже осуществили обстрел порта с моря. Потребовалось вмешательство дипломатических представителей Австро-Венгрии и Италии, которые заявили министру иностранных дел Греции, что не допустят, чтобы стратегически важные пункты на Адриатике, в частности остров Сазан в акватории бухты Влеры, стали военными базами какой-либо «третьей силы»<sup>30</sup>.

Расчеты сербского правительства в том виде, как они стали известны поверенному в делах России в Сербии В.Н. Штрандтману, заключались в том, чтобы попытаться решить две основные задачи — добиться пересмотра пограничной сербо-албанской линии, намеченной Лондонским совещанием послдов великих держав, и содействовать приходу к власти в самой Албании правительства, не находящегося под влиянием Австро-Венгрии (в чем они не без оснований подозревали Исмаила Кемали) и проявляющего дружеское расположение по отношению к Сербии. Как доверительно сообщил в сентябре 1913 г. российский дипломату управляющий сербским министерством иностранных дел М. Спалайкович, на эту роль лучше других подходил как раз Эссад-паша, с которым правительство Сербии уже в течение некоторого времени находилось в тесном контакте. Именно поэтому было принято решение направить к нему в Дуррес из Белграда через Салоники и Афины специальное доверенное лицо, а также переправить Эссаду крайне необходимые тому финансовые средства. В ответ албанский феодал должен был разгромить отряды Исмаила Кемали, изгнать его самого и его сподвижника Ису Болетини из Влеры и занять пост генерал-губернатора. Затем своим первым указом Эссад-паша должен был признать суверенитет турецкого султана, а также согласиться на пересмотр сербо-албанской пограничной линии, естественно, в пользу Сербии. Вслед за этим предполагалась оккупация сербскими войсками отданной территории на основании просьбы самого Эссад-паши и под предлогом обеспечения законности и правопорядка. После этого, укрепив свою власть, новый правитель Албании мог провозгласить себя албанским князем<sup>31</sup>. Позднее — уже после восшествия на албанский престол короля В. Вида — в фигуре Эссад-паши сербское правительство видело единственную реальную альтернативу монарху, за влияние на которого развернулась ожесточенная борьба между Австро-Венгрией и Италией<sup>32</sup>.

Однако отнюдь не только Эссад-паша виделся Белграду в качестве альтернативы И. Кемали. Другой такой фигурой являлся Пренк Биб Дода —

выходец из северных районов Албании. Спустя несколько дней после образования правительства И. Кемали он прибыл из Италии в Черногорию и призвал власти страны оказать ему военную и финансовую помощь с тем, чтобы он мог в противовес властям во Влере провозгласить автономию католической и православной Албании. На обороте соответствующего донесения из Цетинье в Белград сербского посланника М. Гавриловича от 4 декабря 1912 г. сохранилась весьма показательная пометка, сделанная от имени кабинета министров Сербии и адресованная в дипломатическое представительство в черногорской столице: «Можно было бы дать средства Доде, чтобы тот заявил Европе, что Кемаль не говорит от имени всего народа, и что его соотечественники желают жить



в дружбе и согласии с Черногорией и Сербией». Гавриловичу было дано указание переговорить на данный счет с правительством Черногории<sup>33</sup>.

Еще более активно действовала против правительства Исмаила Кемали Турция, мечтавшая о восстановлении своих позиций на Балканах, и, в частности, в Албании. Правда, в первое время его существования турецкие власти занимали скорее выжидательную позицию, озабоченные больше своими взаимоотношениями с великими державами и, разумеется, критической обстановкой на фронтах первой Балканской войны. Так, на запрос, направленный в турецкую столицу Влерским мутесарифом на предмет того, не следует ли относиться к Исмаилу Кемали как к мятежнику, последовал совет занять нейтральную позицию<sup>34</sup>.

Но вскоре ситуация стала меняться. Из Стамбула в разные районы Албании направлялись агенты, в задачу которых входила агитация против влерского правительства и объединение всех недовольных правлением Исмаила Кемали. Последнему, впрочем, удалось раскрыть заговор. Один из главных младотурецких представителей, майор Бечир Гребнали, был казнен<sup>35</sup>.

Великие державы были крайне недовольны подобным проявлением самостоятельности Исмаила Кемали. Ему в вину ставились также попытки «сбирания» тех земель, принадлежность которых Албании была отклонена Лондонским совещанием послов. Речь шла в частности о присоединении Косово и приморской области Чамерия, отошедшей к Греции. Да и проект заключения очередного балканского союза с участием Албании, Болгарии и Турции отнюдь не вдохновлял великие державы, уставшие от балканских междоусобиц. Вмешалась Международная контрольная комиссия и вынудила главу временного правительства отказаться от своих функций.

Данный акт был обставлен весьма торжественно. Исмаил Кемали был вызван на заседание Комиссии. Его итоги изложены в официальном сообщении данного органа от 22 января 1914 года. В нем говорилось, что «председатель Временного правительства, будучи убежденным в том, что единственным средством к прекращению состояния смуты и анархии, царящих в стране, является конституирование единого правительства для всей Албании и что в настоящих условиях этого можно достичь только передачей власти в

руки Международной контрольной комиссии, представляющей великие державы, возобновляет свою просьбу, с которой он уже обращался»<sup>36</sup>. Именно эта просьба и была формально удовлетворена Международной контрольной комиссией.

Позднее Исмаил Кемали покинул страну, в которую в начале 1914 г. прибыл ставленник великих держав принц Вильгельм Вид — сын немецкого принца и голландской принцессы, двоюродный брат шведского короля и племянник румынской королевы. А Исмаилу Кемали так и не довелось вернуться в свою страну. Основным местом очередного и на сей раз последнего периода его эмиграции стал Париж, где он испытывал острую нехватку средств, но, тем не менее, продолжал лоббировать албанские интересы. В 1918 г. Кемали оправился в Италию с тем, чтобы оттуда переправиться в разоренную и оккупированную армиями различных стран Албанию. Однако итальянское правительство, преследовавшее собственные цели в послевоенном урегулировании, не позволило ему покинуть страну, фактически интернировав его в одном из лучших отелей Перуджи, где Кемали и скончался в январе 1919 г., по официальной версии, от сердечного приступа<sup>37</sup>.

На следующий год в Лондоне увидели свет мемуары Исмаила Кемали, подготовленные при активном участии корреспондента континентального издания газеты «Дейли мейл» А. Соммервилля. Они стали единственным сочинением подобного рода, принадлежавшим перу бывшего высокопоставленного чиновника Османской империи, опубликованным на английском языке. Исмаил Кемали следующим образом изложил свое видение событий, разыгравшихся в Албании перед первой мировой войной:

«Летом 1911 г. я отправился в Цетинье, чтобы присоединиться к лидерам малиссоров, нашедшим убежище со своими семьями в Черногории перед лицом угроз со стороны Торгута Шефкет-паши. Я хочу воспользоваться возможностью, чтобы выразить нашу признательность королю Николе, который оказал мне содействие в решении моей задачи, оказав дружеский прием, и помог нашедшим убежище семьям своей добротой и человечностью. Прославившиеся своим героическим сопротивлением делегаты малиссоров подписали на встрече в Гертче меморандум, разработанный по моей инициативе и содержащий сведенные в двенадцать пунктов национальные требования, одновременно подтвердив еще раз свои заверения в желании быть частью Оттоманской империи. К сожалению, этот период успокоения оказался кратковременным. Новая Палата, выборы в которую были навязаны в целях укрепления позиции правительства, состоявшего исключительно из младотурок, возобновила свою игру, при которой они одной рукой отнимали то, что другой рукой давали в предыдущий день.

Озабоченный подобным подходом Порты и убежденный, что война с Италией может привести к всеобщей войне на Балканах, я обратился из Ниццы, где находился в отставке, с циркулярным письмом ко всем албанским центрам, напомнив им о категорической необходимости быть готовыми к любой возможности. Эти мрачные предупреждения и всеобщее недовольство, вызванное Триполитанской войной, вызвали в Албании всеобщее восстание. Дикое упрямство младотурок в их попытках абсорбировать национальности сделало наше сопротивление неизбежным и заставило нас подняться на борьбу за нашу национальную жизнь. Находясь в условиях, когда наше существование как народа было подвергнуто нападению и поставлено под угрозу, могли ли мы не озаботиться прежде всего своим собственным спасением — хотя мы и чувствовали, насколько сильно эта борьба идет вразрез с нашим не уменьшавшимся желанием быть вместе с Империей? Всеобщее восстание и триумфальное вступление лидеров всех племен в Ускюб

(Скопье — П.И.) положили конец экстравагантной и преступной власти младотурок и привели к роспуску Палаты. Наши патриотические цели были достигнуты, и с этого времени мы вновь вернулись к нашей верности Империи.

Вновь отправившись из Валоны (Влера — П.И.) в Константинополь, я прибыл в Триест, где меня посетил полковник Бекир, который заявил мне, что черногорский князь Мирко хотел побеседовать со мной в Порто-Росо под Триестом. Когда я его увидел, князь показал мне телеграмму, полученную от короля, его отца, приглашавшего меня посетить его в Антивари и обсудить ту роль, которую Албания могла бы сыграть в войне против Турции, и те преимущества, которые она могла бы извлечь из подобного участия. Однако разговор не состоялся. Я счел его преждевременным и решил, что со всех сторон будет лучше, если я прежде установлю контакты с новым Кабинетом, его основными министрами, среди которых были мои личные друзья, с тем, чтобы попытаться прийти к взаимопониманию, что я и разъяснил королю Николе в своем телеграфном ответе. Но когда я сделал то, что предполагал, я обнаружил, что попросту бьюсь о слепое упорство тех, кто отказывается осознать всю тяжесть ситуации или рассматривать те угрозы, о которых я дал им понять, не нарушая условия конфиденциальности, которыми я был связан в Порто-Росо. Порта считала достаточными паллиативные меры и отказалась предпринимать энергичные шаги, которые были необходимы. Столкнувшись с подобным подходом, балканские союзники объявили Турции войну, и болгарские армии приступили к оккупации Кирк-Килиссе, в то время как сербы заняли Ускюб. Я понимал, что для нас, албанцев, настало время предпринять энергичные меры для собственного спасения.

Великий Визирь Кямиль-паша настаивал на том, чтобы я был с ним, предложил мне портфель в своем кабинете. При других обстоятельствах я бы принял этот достойный пост с удовольствием, но теперь мои более высокие обязанности заставили меня отказаться от него. Мое место было уже не там, и я полностью посвятил свою службу моей собственной стране. Кямиль-паша в конце концов склонился к признанию неотложных обстоятельств, которые он не мог отрицать, и мы расстались с взаимным сожалением. По пути обратно я заехал в Бухарест, где существовала большая албанская колония. По результатам состоявшихся там встреч пятнадцать моих соотечественников решили отправиться со мной обратно в Албанию. Я послал телеграммы во все районы Албании, предупредив о моем приезде, и заявил, что для нас настал момент осознать наши национальные стремления. Одновременно я попросил делегатов от всех районов страны отправиться в Валону, где должен был состояться национальный конгресс.

В Вене я получил телеграмму от своего личного друга в Будапеште, который пригласил меня отправиться туда для того, чтобы побеседовать с одним высокопоставленным персонажем. Моим первым визитом в Будапеште стало посещение графа Андраши, у которого я встретил графа Хадику, его старого друга и бывшего заместителя государственного секретаря. Он сказал мне, что персону, которую я должен был увидеть, — никто иной, как граф Берхтольд. Я встретился с ним в тот же вечер в доме графа Хадики. Его Превосходительство одобрил мои взгляды по национальному вопросу и с готовностью удовлетворил единственную просьбу, с которой я к нему обратился, а именно — предоставить в мое распоряжение корабль, который позволит мне прибыть в первый же албанский порт до того, как к нему подойдет сербская армия.

Поскольку Валона была блокирована греческим флотом, я был рад высидеться в Дураццо (Дуррес — П.И.). Там мы обнаружили два ожидавших нас греческих военных корабля, которые находились там с предыдущего ве-

чера. Наш капитан очень беспокоился за нас — и не без причины; и мы разделяли его озабоченность. Однако поднявшийся на борт офицер после проведения скрупулезного осмотра, во время которого он не нашел ничего, за исключением небольшого количества оружия у моих компаньонов, позволил мне сойти на берег, а наш корабль продолжил свой путь.

Мы обнаружили, что народ в Дураццо находился в полном неведении обо всех происходящих событиях. Обманутые разрозненными новостями, приходившими к ним через тенденциозные каналы, они верили, что турецкая армия побеждает, занимает Филиппополь и марширует на Софию и Белград. Они даже не знали, что сербы стоят у самых их ворот. Наше прибытие вызвало определенное волнение в городе, разжигавшееся турецкими элементами, к которым присоединилась часть местного населения, состоявшая в основном из боснийских иммигрантов, распространявших сведения о том, что мы являемся агентами-провокаторами. Подобные чувства не помешали Дураццо и близлежащим округам выбрать своих делегатов на национальный конгресс, и они отправились в Валону вместе со мной и моей небольшой группой албанцев из Бухареста.

Мы передвигались верхом, и перед прибытием в наш первый остановочный пункт я узнал от прибывшего встретить меня местного нотабля, что турецкий главнокомандующий в Янине направил телеграмму местной жандармерии с требованием арестовать меня и доставить в его штаб-квартиру. В соответствии с этим мы изменили наш маршрут и провели ночь в другой деревне. На следующее утро начальник жандармов, который должен был осуществить арест, показал мне телеграмму от того же самого командующего в Янине, который просил местные власти принять нас с почтением и сделать все, что в их силах, чтобы помочь нам в нашей поездке. Однако нас это ничуть не успокоило, а скорее подтвердило тревожные новости, о которых я услышал вечером накануне; отказавшись от маршрута, по которому нас отслеживали, я выбрал более безопасный, и мы в итоге прибыли в Валону. Здесь наш прием сильно отличался от того, который был в Дураццо. Моим родным городом овладело пламя патриотизма, и мы встречали повсюду обществственный энтузиазм и восхищение. Очень быстро я оказался в окружении восьмидесяти трех делегатов, мусульман и христиан, которые прибыли со всех частей Албании, вне зависимости от того, были ли они оккупированы воюющими армиями.

Вскоре открылся конгресс. На своем первом заседании 15/28 ноября 1912 г. его делегаты единогласно проголосовали за провозглашение независимости. Затем заседание было прервано, и его участники покинули зал, чтобы подняться к моему дому — дому, где я родился, и в котором жили мои предки. Нас сопровождали приветственные восклицания тысяч людей и овеянный славой флаг Скандербега, который покоился в свернутом виде последние 445 лет. Этот момент стал для меня незабываемым, и мои руки дрожали от волнения, когда я с надеждой и гордостью закреплял на балконе старого дома штандарт последнего национального правителя Албании. Казалось, сам дух бессмертного героя витал в этот момент над головами людей (вместе с Исмаилом Кемали флаг на балконе двухэтажного здания подняли Иса Болетини и Луиджь Гуракучи — П.И.).

На возобновившемся заседании я был избран Председателем Временного правительства с мандатом на формирование кабинета. Но я счел более подходящим, чтобы и министры были избраны конгрессом, и поэтому отказался от данной прерогативы, оставив лишь распределение портфелей. Правительство было создано, конгресс избрал восемнадцать членов, которые должны были сформировать Сенат. Я уведомил о конституции нового

государства великие державы и Высокую Порту посредством следующей телеграммы:

“Национальная Ассамблея, образованная делегатами, прибывшими из всех частей Албании, вне зависимости от вероисповедания, собравшаяся сегодня в городе Валона, провозгласила политическую независимость Албании и создала Временное Правительство, которому было поручено решать задачу по защите прав албанского народа, которому угрожает истребление со стороны сербских армий, и по освобождению национальной территории, подвергшейся вторжению иностранных сил. Сообщая об этих фактах Вашему Превосходительству, я имею честь просить Правительство Его Британского Величества (в тексте мемуаров Исмаила Кемали процитирована телеграмма правительству Великобритании. В телеграммах в другие столицы подобное обращение менялось в соответствии с местными государственно-дипломатическими реалиями — *П.И.*) признать данное изменение в политической жизни албанской нации.

Албанцы, которые вошли в семью народов Восточной Европы, в которой они льстят себя надеждой быть самым древним народом, преследуют одну-единственную цель — жить в мире со всеми балканскими государствами и стать элементом стабильности. Они убеждены, что Правительство Его Величества, а также весь цивилизованный мир окажут им благожелательный прием, защитив их от нападений, направленных против самого их национального существования, и от любого расчленения их территории”.

После того, как я был наделен президентской властью, у меня была одна доминирующая мысль — обустроить то небольшое пространство нашей страны, которое оставалось у нас, и продемонстрировать великим державам, что Албания способна сама собой управлять и нуждается в доверии со стороны Европы. Что касается будущего правителя, то интерес в этой области в тот момент заключался не столько в его персоне, сколько в принципе, который должен был определить выбор между европейским и мусульманским князьями. Моя собственная точка зрения открыто тяготела в пользу христианского и европейского князя, и в этом меня поддерживали все албанцы; кроме того, данная позиция соответствовала тем политическим обстоятельствам, которые необходимо было принять во внимание. Только европейский правитель мог бы должным образом повести нас в великую европейскую семью, членами которой мы становились. Вопрос о религии не принимался во внимание в сравнении с подобным предпочтением европейского князя, так как все три вероисповедания, отправлявшиеся в стране, — мусульманское, католическое и православное — пользовались равной и полной свободой, никакое соперничество и никакое превосходство были невозможны.

Высокая Порта сразу же после получения нашего уведомления о независимости, встала в оппозицию к нашим вожделям. Великий Визирь в ответной телеграмме на мою ноту попытался навязать нам в качестве правителя члена императорской (так в тексте. По смыслу соответствует “султанской” — *П.И.*) семьи. Согласно его позиции, Албания могла быть спасена исключительно будучи вассалом Османской Империи с князем из императорской семьи. На какую державу — спросил он — она намерена опираться? На Австрию? На Италию? Пусть она не забывает — добавил он — пример Крыма, чья независимость под протекторатом России стала лишь прелюдией к полному подчинению. Мой ответ заключался в том, что Албания опирается ни на Италию, ни на Австрию, а на права албанцев существовать и иметь собственную национальность, а также на обязанность держав уважать национальности. Я добавил, что Турция могла бы быть ничем иным, как плохим защитником дела свободы национальностей, и что Албания предпочтет сама

защищать свое дело; однако с другой стороны, когда окончательное решение будет достигнуто, она сделает все, что в ее силах, чтобы новая ситуация не стала препятствием для развития хороших отношений с Высокой Портой. В конце концов, я могу объявить одну кандидатуру на албанский трон, за которой последуют другие, но они не будут иметь никакого веса для албанцев, обращающих свое доверие к великим державам.

Вопреки подобному подходу Порты и угрозе со стороны турецких армий, все еще оккупирующих часть страны, мы занялись организацией администрации и поддержанием порядка в тех ее частях, которые нам остались. У нас вызвало отвращение молчание великих держав, их равнодушие к вторжению Сербии и опустошению нашей земли, и одновременная блокада и бомбардировка со стороны Греции города Валона и побережья. Немногим позже греческий флот перерезал кабель, оставшийся единственным каналом связи с остальным миром, мы оказались полностью изолированы и отрезаны от любой информации о том, что происходит за нашими границами.

Однажды вечером, к концу марта 1913 г., мы узнали о том, что корабль, плывущий под британским флагом, бросил якорь в порту, после чего нам сообщили, что блокада приостанавливается. Эти новости нас, естественно, воодушевили. На следующее утро я узнал, что корабль является яхтой герцога Монпенсье (младшего брата герцога Орлеанского), а немного позднее ко мне пришел посланник от герцога с письмом, в котором Его Высочество проинформировал меня о цели своего визита, а именно — о его желании стать кандидатом на престол Албании. Письмо сопровождалось приглашением на ланч на борту яхты. Я согласился, и после ланча мы с принцем имели долгий разговор. Он очень откровенно подтвердил мне свои намерения. Я заверил его от себя лично и от имени моей страны, что я счастлив и польщен, что принц французского королевского дома вдохновлен трудной, но почетной задачей — править Албанией. Но я был вынужден добавить, что, поскольку блокада держит нас в полном неведении о нашей подлинной ситуации в отношениях с великими державами, мы должны с сожалением заявить, что не в состоянии принять решение, даже если оно и соответствует нашим желаниям.

На следующий день Его Высочество нанес нам визит в Валону. Он совершил поездку по городу, во время которой смог убедиться в том, какое замечательное впечатление он произвел. Позднее эта симпатия стала причиной все возрастающего сожаления у народа и у меня лично. Я остался с принцем на его яхте 1 апреля 1913 г. для того, чтобы посоветоваться с державами. Он высадил меня в Бриндизи и продолжил свое путешествие в Венецию. Я последовательно побывал в Риме, Вене, Париже и Лондоне. Никакого взаимопонимания не было достигнуто и никакого решения не было принято по вопросу данной кандидатуры, получившей такой благожелательный прием со стороны албанцев; этим дело и кончилось.

Целью моей поездки было отстаивать дело территориальной целостности Албании в отношениях с державами. Особенно это касается Лондона, где конференция обдумывала решение балканского вопроса. Я также хотел поспешить с выбором будущего правителя, который помог бы обеспечить стабильность национального правительства и устранить все внутренние трудности, неизбежно связанные с временным состоянием.

В Вене граф Берхтольд во время нашей первой беседы дал мне понять, насколько слабой была надежда на то, что Албания будет позволено сохранить свою территориальную целостность, несмотря на все права и усилия, прилагаемые им лично. Это стало для меня первым холодным душем, но худшее было впереди. В тот день, когда я отбыл из Парижа в Лондон, при-



шло сообщение о сдаче Эссад-пашой города Скутари (Шкодер — П.И.) черногорцам. Эта катастрофа разразилась в то время, когда флотилия шести великих держав проводила маневры около этого порта для того, чтобы заставить короля Николу снять осаду, угрожавшую целостности и самому существованию Албании. Данный факт неизбежно отодвигал на второй план вопрос о кандидатуре на трон, и все мои усилия должны были быть направлены на территориальный вопрос.

Прибыв в тот же вечер в Лондон, я был счастлив оказаться в наполненной симпатиями атмосфере, ставшей там для меня привычной, и я вновь преисполнился сил для моей политической борьбы за права народов Востока. Искренние симпатии, проявленные британской прессой и народом по отношению к нашему национальному делу, и теплый прием, оказанный мне министрами и государственными деятелями этой великой страны, позволили мне надеяться, что наши непререкаемые права, которые никоим образом не противоречили политическим интересам Европы в целом и наших соседей в особенности, будут приняты во внимание конференцией. Никогда еще великим державам не выпадала более благородная задача, никогда еще решение не было столь необходимым, и никогда еще у нас не было подобных надежд на его обретение, как в тот момент, когда державы в первый раз призвали к созданию Конгресса, задачей которого стало бы не только согласование противоположных интересов, но также и действия в качестве международного Высшего суда справедливости.

Среди всех обсуждавшихся на данной конференции балканских вопросов самым первоочередным, самым интересным, и, помимо всего прочего, самым в высшей степени европейским, стал вопрос об Албании. Мы считали возможным надеяться, что народу, столь достойному интереса в силу его древности, его мужества и тех услуг, которые он оказал Европе — во-первых, защищая ее от нашествия турок, а затем послушно передав себя в подчинение, когда он стал стержнем европейского равновесия, — может быть позволено стать хозяином в своем собственном доме и сохранить свою национальную независимость. Албанцы, освободившиеся от турецкого ига, в условиях которого они были скорее жертвами, чем инструментами, были бы счастливы вновь обрести свободу и независимость, а следовательно, и спокойствие, в котором они столь нуждались. У них нет других устремлений и претензий. Они хотят, чтобы дело восстановления охватило все балканские народы в той же мере, как и их самих, чтобы окончились ненависть и зависть, чтобы стали священными все законные права, и чтобы все несправедливые амбиции или действия стали предметом гарантированного солидарного осуждения со стороны великих держав. Будучи уверенными в справедливости наших чаяний, мы с полной уверенностью ожидали вердикта конференции великих держав.

Однако симпатии, проявленные по отношению к моей миссии, оказались всего лишь утешением для разбитого сердца Австрии, когда мы узнали о решении, принятом Лондонской конференцией. Более половины территории моей страны было передано Сербии, Черногории и Греции. Самые процветающие города и самые производительные части страны были отторгнуты, Албания была урезана почти что до своей самой засушливой и скалистой части. Это вновь ввергло в глубокую депрессию при созерцании столь мрачного будущего нашей новорожденной страны. Нас удовлетворили тем, что заявили, что мы должны быть принесены в жертву всеобщим интересам Европы. Покорный, но не лишившийся надежд, я вернулся в Албанию, подерживаемый единственной надеждой на то, что более благоприятные условия позволят в будущем Албании реализовать свои законные желания.

После моего возвращения в Валону в июне 1913 г. Временное Правительство удвоило свои усилия по организации страны и поддержанию порядка. Решение этой задачи могло бы выглядеть невозможным, если бы не характер албанцев, чьи терпение, благоразумие и твердый патриотизм посреди всех этих осложнений и тревог нельзя было переоценить. Благодаря ценностям этого народа в стране, границы которой были по-прежнему не определены, где обещанья Европой политические статуи ожидали своей реализации, и где осуществлялась фанатичная пропаганда для того, чтобы спровоцировать трудности, — благодаря этим ценностям моему Правительству удалось принести государству стабильность и обеспечить ему нормальное управление.

Но, несмотря на достигнутые в настоящем удовлетворительные результаты, будущее оставалось темным и неопределенным до тех пор, пока не был решен вопрос о будущем правителе. В связи с этим я обратился к великим державам со следующим настоятельным призывом:

“Если Временному Правительству Албании, в течение одиннадцати месяцев борющемуся с неисчислимыми трудностями, удалось поддерживать порядок и относительное спокойствие в стране, осаждаемой со всех сторон врагами, стремящимися к ее уничтожению, то оно не требует для себя награды, поскольку это является следствием патриотизма и покорности албанского народа.

Однако подобное временное положение дел не может продолжаться и далее без того, чтобы не порождать непреодолимые трудности. Мы полагаем, что уже достигли крайнего предела терпения народа, и мы спешим представить на рассмотрение вашего Правительства единодушную волю народа и Правительства к объявлению и интронизации правителя, одно лишь присутствие которого будет достаточным для того, чтобы объединить все слои населения в работе по консолидации Албании и организации ее управления.

Преисполненные надежды, что державы-гаранты серьезно отнесутся к нашему запросу, Временное Правительство будет готово предпринять любые необходимые шаги для того, чтобы ускорить достижение счастливого результата, которого албанцы ожидают с таким нетерпением”.

Вскоре после отправки данной телеграммы в связи с Албанией впервые было упомянуто имя принца Вида, и стали распространяться неясные слухи насчет его кандидатуры. Вскоре эти слухи стали более определенными, что напомнило курьезную кампанию, начатую в интересах египетского принца Ахмед-Фуада венской газетой “Цайт”. На этот раз пропаганда была запущена в форме полной дифирамбов статьи в газете “Остеррайхише рундschau” (также издаваемой в Вене) под известным псевдонимом королевы Румынии. “Кармен Сильва”, настроенная более поэтически, чем когда-либо, впечатленная бесплодными призывами Албании дать ей правителя, в речитативном стиле “Оды о Нибелунгах”, предложенной ею в качестве генеалогического древа древнего народа, проживавшего на берегах Рейна, изложила генеалогию принца Вида и его историю, начиная с детских лет. Перспективы вверить достоинство Албании этой неизвестной знаменитости не привели меня в слухком большой восторг, но что вызвало у меня еще большую озабоченность, — так это начавшаяся открытая пропаганда в пользу данной кандидатуры, в рамках которой деньги и подарки распределялись с циничным бесстыдством. Я запросил официальную информацию насчет данной кандидатуры, и получив информацию, что она не рассматривается, более не колебался предпринимать жесткие меры против пропаганды и высылать агитаторов. Однако, хотя ответ на мой вопрос был составлен в столь категорических выражениях, судьба, без всяких сомнений, решила иначе — и немного спустя я получил официальное сообщение о том, что шесть великих держав пришли к единодушному решению относительно выбора князя Вильяма (Вильгельма — *П.И.*) Вида, и не оставалось

ничего другого, кроме как ратифицировать данный выбор посредством формальных всенародных выборов. Албанский народ, непоколебимо верящий в решения Европы, сразу же делегировал свои голоса Временному Правительству, которое сообщило результат великим державам.

Однако, хотя все было устроено, князь Вид не подавал никаких знаков в сторону Албании. Мы ожидали его прибытия каждый день. О его отъезде было объявлено, но он не прибыл. Эти неожиданные проволочки были использованы младотурками, которые с еще большей энергией, чем раньше, возобновили свою кампанию за турецкого князя. Тогда я обратился к Контрольной Комиссии, попросив ее членов обратить внимание великих держав на неотложную необходимость интронизации нового правителя. В случае, если прибытие князя откладывается вследствие каких-то особых причин, я попросил, чтобы комиссар взял на себя правительственные функции, или чтобы великие державы проинструктировали Комиссию принять на себя власть от их имени. По моему мнению, те или иные подобные меры были единственным путем преодолеть внутренние трудности и прекратить интриги, ведущие к беспорядкам в стране. Мой запрос в конце концов был одобрен великими державами, и делегаты прибыли поставить меня в известность, что они уполномочены своими соответствующими правительствами взять на себя властные полномочия, если я не изменил своего мнения о целесообразности данного шага. Немедленно был подписан нижеследующий протокол:

“В 22-й день января 1914 г. Международная Контрольная Комиссия собралась в присутствии Его Превосходительства Исмаила Кемаль Бея, председателя Временного Правительства, который, будучи убежденным, что единственным способом положить конец царящим в стране беспорядкам и анархии является создание единого Правительства для всей Албании, и что в сложившихся обстоятельствах эта цель может быть достигнута лишь при условии, что он передаст власть в руки Международной Контрольной Комиссии, представляющей великие державы, повторил свою просьбу, с которой он уже обращался к Международной Контрольной Комиссии в присутствии министров, — выполнить данную задачу и принять в свои руки властные полномочия. Международная Контрольная Комиссия выражает свое признание патристическим чувствам, лежавшим в основе действий Его Превосходительства Исмаила Кемаль Бея, принимает данную передачу власти и, надлежащим образом уполномоченная великими державами, берет на себя управление Албанией от имени Правительств, которые она представляет.

Валона, 22 января 1914 г.

Подписи:

Исмаил Кемаль, Надольный, Петрович, Краевский, Гарри Ламб, Леони, Петряев”.

Сразу же после передачи власти Комиссии я отбыл в Ниццу для того, чтобы воспользоваться хорошо заработанным отдыхом. Естественно, я следил оттуда с большим интересом за развитием событий в моей собственной стране. Вскоре я узнал с большим удовольствием, что принц Вид, наконец, осуществил свой торжественный въезд в Дураццо. Однако я был крайне раздосадован, что он выбрал для своей столицы один из наименее подходящих для королевской резиденции городов, многочисленные слабости которого я уже упоминал, и эти слабости были понятны и признавались лондонским Форин-офисом. Но на какой-то момент это темное пятно опять исчезло за горизонтом, и я предпринимал все возможное из глубин моего старого албанского сердца, чтобы с надеждой глядеть в будущую новую эру. После долгих и мучительных лет ожидания, после стольких метаний от надежды к разочарованию и обратно, я пытался позабыть мои собственные впечатления

и подавить мою скрытую предрасположенность к беспокойству, думая лишь о волнующем спектакле, в котором наш первый король ступил ногой на священную землю моего Отечества, и в котором внушительный флот шести великих держав был предоставлен ему в качестве эскорта. Я был признателен Европе, которая подтвердила национальное существование Албании, наделив ее собственноручно выбранным правителем.

Только позднее я узнал детали этого памятного дня. Принца Вида сопровождали принцесса — его жена и их дети. Его двор состоял из церемониймейстера и доктора (оба — немцы), личного секретаря (англичанина) и двух придворных леди. Его охрана, о важности которой кто-то мог подумать, состояла из пары весьма свирепых псов. На борту доставившего его корабля князь привез 10 млн фраков, которые выделили ему Австрия и Италия, не дожидаясь 75 млн, о выплате которых другие великие державы решения еще не приняли. Он был встречен восторженными восклицаниями населения, и в порту был произведен приветственный салют. Его первым актом, принятым еще до высадки на берег, стало назначение Эссад-паши на пост министра по военным делам и объявление его первым генералом Албании. Эссад сопровождал нового правителя на берег.

Короткое правление Вильяма Вида оказалось более богатым на гротескные эпизоды, нежели на события, связанные с реорганизацией возрождающегося государства. Его мало заботило то, что великие державы ждали от него конкретных действий. Мы надеялись, что такт и мудрость князя смогут уравновесить понесенные нами территориальные потери, и что его прибытие сможет придать больший импульс процветанию страны. Вместо этого ситуация становилась все сложнее и сложнее, а вскоре — самой что ни на есть критической. Однажды утром я получил короткую телеграмму из Валонны, которая повергла меня в полный ужас. Дом Эссад-паши был подвергнут артиллерийскому обстрелу, а сам министр был брошен в тюрьму. Это короткое известие, лишненное дальнейших объяснений, показалось мне столь экстравагантным, что в тот момент я отказался ему поверить. Я поспешил к австрийскому и итальянскому консулам в Ницце и попросил их передать срочные телеграммы в Рим и Вену для подтверждения данной новости и объяснения ее смысла. Ответ, который я получил, больше не оставлял места для сомнений. Немного позднее я узнал детали дела из других источников.

Я всегда предвидел, что Эссад-паша окажется в Дураццо в исключительно неловком положении. Этот город с менее чем 5 тыс. жителей являлся центром интриг и враждебности против кандидатуры Вида в качестве европейского князя, а также центром мятежа Эссада против Временного Правительства. Эссад, который внезапно, посредством подозрительного крутого разворота, был назначен министром того самого князя, который был столь нежелателен его соотечественникам, должен был неизбежно ощутить на себе непопулярность и презрение. Настроения против него стремительно становились все более злобными. Народные демонстрации по всей стране приобретали угрожающий характер; но вместо того, чтобы попытаться успокоить людей в тот момент, когда эта агитация достигла пика, князь встретил их пушками. Вместо того, чтобы сместить своего непопулярного министра естественным и законным образом, князь, действуя под определенным влиянием, вникнуть в которое я был неспособен, вновь прибег к насильственным мерам и занял линию действий, беспрецедентную для анналов правительства. Дом Эссада был блокирован и подвергнут артиллерийскому обстрелу, его жена появилась в окне, сжимая в руках простыню в знак перемирия. Артиллерийский обстрел прекратился, вмешался итальянский посол, и, благодаря ему Эссад-паша смог отбыть, не подвергаясь новой опасности. В со-

провожении моряков, семья поднялась на борт австрийского сторожевого корабля, с которого они были переправлены на итальянский стационар, на котором Эссад отплыл в Европу, предварительно дав слово чести не возвращаться в Албанию.

В условиях подобных исключительных событий я считал своим долгом немедленно вернуться в Валону. Как раз тогда, когда я собрался садиться на поезд в Ницце, ко мне прибыл итальянский консул с телеграммой от итальянского министра иностранных дел Сан-Джулиано, в которой тот запрашивал мое мнение по албанским делам и по тем мерам, которые в настоящий момент должны быть приняты, поскольку ситуация становилась все более и более тревожной. Он попросил меня обсудить с ним данный вопрос, и я соответственно отбыл в Рим, где Сан-Джулиано и я пришли к взаимопониманию относительно необходимых мер.

В Валоне, где я сразу же по приезде узнал детали произошедшего, я также обнаружил, что Дураццо окружен со всех сторон, и между ним остальной частью страны не поддерживается никакой связи. Верховная власть и юрисдикция нашего Правителя, таким образом, сводилась к этому небольшому и малозначительному городу. Несколько дней спустя я отбыл в Дураццо в сопровождении пятнадцати нотаблей округа для того, чтобы представить князю наше видение ситуации, соответствовавшее взглядам Сан-Джулиано. В беседе тет-а-тет, которую я с ним имел, я рассказал ему о заключении, к которому мы пришли, и о мерах, которые мы считали необходимыми. Князь впечатлил меня отсутствием собственных идей касательно состояния дел и отсутствием осознания исключительной тяжести момента. Он казался неспособным озвучить замечания или задать вопросы, проистекающие из его личного мнения. Когда я излагал ему различные варианты, которые могут помочь ему преодолеть трудности, он ни разу не спросил меня, как я думаю реализовать их на практике.

На следующий день князь принял пятнадцать нотаблей из Валоны. Однако он не позволил нам уехать, не продемонстрировав нам знака своей заботы о стране. Во дворце была организована встреча для всех албанских лидеров, находившихся тогда в Дураццо. Князь открыл ее, сказав несколько слов по-французски, объяснив, почему он собрал нас, и предложив высказать наши персональные мнения о ситуации в стране. У нас не было предварительного обсуждения, как это бывает обычно, когда кого-то приглашают выразить мнение в подобных ситуациях, но мы сделали так, как он желал. Сам я выступил первым, вместо того, чтобы подвести итоги серии выступлений, — как я должен был бы сделать, исходя из моего статуса. Князь поблагодарил нас и заявил, что после того, как ему переведут наши выступления, и он их изучит, он проинформирует нас о своем решении. Мы прождали несколько дней, но, поскольку мы больше не получили никаких сообщений, то вернулись в Валону.

В условиях ухудшения общей ситуации в стране и очевидного бессилия правительства в Дураццо, на Центральной площади в Валоне была организована публичная встреча жителей города и округа, а также беженцев из других частей страны, находящихся в руках врагов, в целях принятия мер по спасению страны. После длительной дискуссии было принято решение сформировать Комитет Общественной Безопасности под моим председательством. Мы проинформировали великие державы и князя о данном решении посредством обращения. В нем говорилось, что представители Валоны и десятка других районов встретились и проголосовали за создание Комитета Общественной Безопасности в целях попросить державы-гаранты и князя временно передать управление Международной Контрольной Комиссии как представляющей великие державы, и предпринять все диктуемые обстоя-

тельствами меры. Данное сообщение, подписанное тридцатью делегатами, взывало к справедливости великих держав и просило их незамедлительно наделить Комиссию соответствующими полномочиями, добавляя, что это является, “по нашему мнению, единственной мерой, которая способна сохранить на троне легитимного правителя, обеспечить национальное единство и территориальную целостность и спасти от уничтожения более 100 тыс. человеческих жизней, которые, спасаясь от огня и меча, оставили свои сожженные и разоренные дома и нашли убежище в единственном уголке Албании, который оставался свободным — в городе Валона и его окрестностях”.

Я достиг последних мгновений этого мучительного и тщетного правления. Князь лишился всякой власти, и его правление уже стало несуществующим. Не осталось ничего от десяти миллионов, которые ему были выделены, и которые он глупо потратил на такие вещи, как создание Кассационного Суда (Высший Апелляционный Суд) в условиях отсутствия даже обычных судов; назначение инспекторов по вопросам государственного образования в стране, в которой не было школ; и обеспечение послов, назначенных в зарубежные страны, но которые при этом спокойно оставались дома. Хотя он направил своего министра финансов в Рим получить новые субсидии, и Рим и Вена остались к этому глухи. Как спекулянт, чей бизнес прогорел, Вильям Вид понимал, что ему не остается ничего, кроме как уехать. Началась великая война, которая вскоре накрыла всю Европу. Флотилии великих держав оставили Дураццо на милость судьбы, и князь последовал за ними на небольшой итальянской яхте, оставленной в его распоряжении. Несмотря на свой опыт этих трех месяцев, мои соотечественники наблюдали за его отбытием с грустью, словно бы надежда умерла, а мечта померкла. Он не сделал ничего, чтобы попытаться понять их. Он не сделал ни шага, чтобы достучаться до их сердец, которые были ему столь доверительно распахнуты.

Теперь нам оставалось лишь дожидаться того дня, когда представители цивилизации и человечества объединятся и решат признать наши права, которые столь долго, к несчастью, игнорировались с единственным оправданием: попытаться избежать того, что было неизбежным. Мы убеждены, что справедливые меры, согласованные для нас, были бы выгодны не только нам, кто стремится к собственному росту и укреплению. Реконструкция балканского дома и гарантии его независимости стали бы одним из самых действенных факторов мира на Востоке и в мире. Это балканское здание может быть крепким лишь путем консолидации Албании, представляющей из себя его четвертую опору»...<sup>38</sup>

В условиях стремительного скатывания Европы в пучину кровопролитного военного конфликта прежние ставленники и «агенты влияния» на албанской сцене были убраны за ненадобностью. Судьбы Албании и всего балканского региона должны были быть решены в смертельной схватке двух ведущих военно-политических блоков — Тройственного союза и Антанты.

### *Примечания*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ в рамках исследовательского проекта РФГФ («Великая Албания: прошлое, настоящее, будущее»), проект № 11-01-00259а.

1. Подробнее см.: XOXI K. Ismail Qemali: jeta dhe vepra. Tirana. 1983.
2. Цит. по: LEWIS B. The Emergence of Modern Turkey. Oxford. 1961, p. 206.
3. Цит. по: СМИРНОВА Н.Д. История Албании в XX веке. М. 2003, с. 32.
4. KOHN H. A History of Nationalism in the East. London. 1929, p. 232.
5. POULTON H., VICKERS M. The Kosovo Albanians: Ethnic Confrontation with the Slav State. Muslim Identity and the Balkan State. New York. 1997, p. 143—144.
6. DURHAM E. High Albania. London. 1985, p. 222—223.

7. VICKERS M. *The Albanians. A Modern History*. London — New York. 1995, p. 54.
8. Как отмечают исследователи Х. Паултон и М. Виккерс, непосредственной реакцией И. Кемали на пантюристскую идеологию стало его стремление подчеркивать свою принадлежность к албанцам, а не к османам или мусульманам: POULTON H., VICKERS M. *Op. cit.*, p. 144.
9. Расчеты черногорского короля Николы Петровича Негоша на то, что североалбанские племена в знак благодарности признают его своим правителем и войдут в состав Черногории, резко контрастировали с традиционно негативным отношением Цетинье к албанскому освободительному движению, как это было, в частности, во время Великого восточного кризиса 1875—1878 гг., когда тот же Никола заявлял, что не верит албанцам и не намерен создавать с ними какой-либо общий антитурецкий фронт. BRESTOVCI S. *Marrëdhëniet shqiptare — serbo-malazeze (1830—1878)*. Prishtinë. 1983, f. 268.
10. РАКИН М. Конзулска писма 1905—1911. Београд. 1985, с. 270.
11. VICKERS M. *Op. cit.*, p. 67.
12. Примечательно, что позднее — уже в дни июльского кризиса 1914 г. — в Цетинье имели место секретные черногоро-австрийские переговоры, в ходе которых Черногории были обещаны территориальные компенсации уже за счет как Албании, так и Сербии в обмен на ее обязательство не вступать в войну на стороне Антанты. ПИСАРЕВ Ю.А. *Великие державы и Черногория в годы первой мировой войны. Балканские исследования. Международные отношения на Балканах*. М. 1974, с. 135.
13. СМИРНОВА Н.Д. *Ук. соч.*, с. 52.
14. *The Memoirs of Ismail Kemal Bey*. London. 1920, p. 369.
15. VICKERS M. *Op. cit.*, p. 68.
16. Документи о спольной политици Краљевине Србије 1903—1914. Књига V. Свеска 3. Београд. 1986, с. 275.
17. Там же, с. 403.
18. Цит. по: СМИРНОВА Н.Д. *Ук. соч.*, с. 53.
19. ĐORĐEVIĆ D., *Izlazak Srbije na Jadransko more i konferencija ambasadora u Londonu 1912*. Beograd. 1956, с. 84—85.
20. NOSI L. *Dokumenta historike për t'i shërbye historiës tone kombëtare*. Tirana. 2007, f. 176—179.
21. Цит. по СМИРНОВА Н.Д. *Ук. соч.*, с. 53—54.
22. ПИСАРЕВ Ю.А. *Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны*. М. 1985, с. 153.
23. PUTO A. *Demokracia e rrethuar*. Tiranë. 1990, f. 14.
24. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М. 2002, с. 45.
25. Документи о спольной политици, с. 440.
26. СЕРОВА О.В. От Тройственного союза к Антанте (Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX — начале XX века). М. 1983, с. 268.
27. Цит. по: В «пороховом погребе Европы» 1878—1914. М. 2003, с. 443.
28. Цит. по: МОГИЛЕВИЧ А.А., АЙРАПЕТЯН М.Э. *На путях к мировой войне 1914—1918 гг.* М.-Л. 1940, с. 208—209.
29. VICKERS M. *Op. cit.*, p. 81.
30. Документи о спольной политици, с. 515—516.
31. Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 531, л. 352. Понятно, что подобные расчеты не могли встретить поддержки со стороны Санкт-Петербурга, предостерегшего Белград от ведения опасных игр в Албании, которые способны лишь еще больше осложнить ее взаимоотношения с великими державами. Кроме того, товарищ министра иностранных дел России А.А. Нератов в двух секретных телеграммах российскому поверенному в делах в Белграде В.Н. Штрандтману от 28 и 29 сентября 1913 г. дал указание последнему довести до сведения Спалайковича, что сама фигура Эссад-паши ни в коей мере не может внушать доверия, ибо его поддержка могла быть получена лишь путем выделения ему крупных денежных сумм, а в этом отношении Белград не мог конкурировать с Веной. — АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 531, л. 358—359.
32. ЈОВАНОВИЋ Ј. Борба за народно уједињење 1914—1918. Београд. Б.д., с. 12. В конечном итоге и поддержка, оказанная Римом кандидатуре австро-германского ставленника Вида, объяснялась «надеждой на будущее влияние Италии, после вытеснения с этой территории Сербии». MARJANOVIĆ M. *Londonski ugovor iz godine 1915*. Zagreb. 1960, s. 20.
33. Документи о спольной политици, с. 489—490.
34. *Ibid.*, с. 497.
35. VICKERS M. *Op. cit.*, p. 82.
36. Цит. по: СМИРНОВА Н.Д. *Ук. соч.*, с. 62.
37. BARCHARD D. *The Man Who Made Albania — Ismail Kemal Bey*. — *Cornucopia Magazine*. 2004, № 34.
38. *The Memoirs of Ismail Kemal Bey*, p. 368—386.

## Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.)

Маркс, Энгельс, Ленин дали точное и ясное разграничение между двумя фазами единого и неразделимого процесса — перехода общества от капитализма к коммунизму.

В «Государстве и революции» В.И. Ленин писал:

«Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что *теперь* можно определить относительно этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества.

...Маркс дает трезвый учёт того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом:

“Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло”.

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс и называет “первой”, или низшей фазой коммунистического общества.

Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответствующее количество продуктов за вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы “равенство”.

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие общественные порядки (обычно называемые социализмом, а у Маркса носящие название первой фазы коммунизма), что это “справедливое распределение”, что это “равное право каждого на равный продукт труда”, то Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.



“Равное право, — говорит Маркс, — мы здесь действительно имеем, но это еще «буржуазное право», которое, как и всякое право, предполагает *неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и поэтому равное право есть нарушение равенства и несправедливость. В самом деле, каждый получает, отработав равную с другим долю общественного труда, — равную долю общественного производства (за указанными вычетами).

А между тем отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой холост, у одного больше детей, у другого меньше, и т.д.”

...Разбивая мелкобуржуазную неясную фразу Лассаля о “равенстве” и “справедливости” вообще, Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту “несправедливость”, что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления “по работе” (а не по потребности).

Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность *не устраняет* недостатков распределения и неравенства “буржуазного права”, которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся по работе” (т. 25, стр. 436—438).

Вот развернутое марксистско-ленинское определение того, что же такое социализм, или низшая, первая фаза коммунизма.

Такое же четкое и определенное разъяснение принадлежит Марксу и Ленину и в отношении второй, высшей фазы коммунизма.

В.И. Ленин пишет далее:

«Маркс продолжает: “...На высшей фазе коммунистического общества, после того, как исчезнет порабощающее человека разделение труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда возможно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям»” (т. 25, стр. 439).

В.И. Ленин предоставляет нам возможность установить, что же такое социализм (в общеупотребительном смысле этого слова) и коммунизм с точки зрения марксизма-ленинизма.

Социализм, это —

1) Отмена частной собственности на средства производства, замена ее собственностью общественной;

2) Ликвидация эксплуататорских классов, а затем и всех классов и классовых различий;

3) Ликвидация «экономических, умственных и нравственных» остатков капитализма;

4) Ликвидация свободной торговли и денежного обращения;

5) Создание производительности труда, высшей по сравнению с капитализмом;

6) Укрепление социалистического принципа распределения — «от каждого по способности, каждому по труду».

Перечень задач, стоящих перед нашим государством, приведенный в Программе КПСС (см. стр. ... данного раздела), неоспоримо свидетельствует

о том, что наше общество, если мы не хотим вступить в спор с Марксом и Лениным, не вступило еще, *не закончило еще строительства социалистического общества, что наше государство не выполнило еще полностью ни одной из основных задач, по выполнению которых общество может заслужить название социалистического.*

По Марксу и Ленину, 1-я фаза коммунизма, социализм, отличается от 2-й фазы, полного коммунизма, в главных и определяющих чертах, в следующем:

1) Таким высоким уровнем развития производительных сил общества, на базе которого возможно будет, «преодолеть узкий горизонт буржуазного права» и написать на знамени «каждый по способности, каждому по потребности».

2) Превращением труда из жизненной необходимости в жизненную потребность.

Практика социалистического строительства внесла некоторые поправки в теоретические наброски Маркса и Ленина, в частности, по вопросу о товарно-денежном обращении при социализме, продиктовала необходимость двух форм собственности на средства производства — общенародной и групповой, колхозно-кооперативной.

Но коль скоро мы заявляем, что приступили к развернутому строительству коммунизма, мы неминуемо должны вести дело строительства коммунизма

1) к постепенной замене колхозно-кооперативной собственности общенародной, не забывая при этом очень важных и глубоких по содержанию указаний В.И. Ленина на то, что

«...Земля у нас *считается* (подч. — ГМ) общей собственностью.

Ну, а если я из этой общей собственности беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую... разве я поступаю как коммунист? Нет, как эксплуататор, как собственник...» (т. 31, стр. 268).

«Пока остается частная собственность на средства производства (например, на сельскохозяйственные орудия и скот, если даже частная собственность на землю отменена) и свободная торговля, до тех пор остается экономическая основа капитализма» (там же, стр. 367).

2) к такому росту производительности труда, при котором возможно создание изобилия предметов потребления, не забывая при этом указание Ленина на то, что

«производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя... Капитализм может быть побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда» (т. 25, стр. 398).

3) к постепенной замене товарно-денежного обращения системой прямого продуктообмена между промышленностью и сельским хозяйством, не забывая при этом указаний Ленина на то, что

«не разверстка, не палог, а обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая *суть* социализма, его база» (т. 32, стр. 300).

«Деньги — это ступок общественного богатства, ступок общественного труда, деньги — это свидетельство о получении дани со всех трудящихся, деньги — это

остаток вчерашней эксплуатации. Вот что такое деньги! Можно ли сразу уничтожить деньги? Нет... Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоёваний, чтобы уничтожить деньги, а до тех пор приходится оставаться при равенстве на словах, в конституции, и при том положении, когда каждый имеющий деньги имеет фактическое право на эксплуатацию» (т. 29, стр. 328—329).

4) к постепенному превращению труда в первую жизненную необходимость, не забывая при этом указания Ленина на то, что он предполагает

«безвозмездную работу на общественную пользу; не учитывающую индивидуальных различий, стирающую всякое воспоминание о бытовых предрассудках, стирающую косность, привычки, разницу между отдельными отраслями работы, разницу в размере вознаграждения за труд и т.п.» (т. 30, стр. 164).

Вот так, с точки зрения марксизма-ленинизма, должен быть представлен переход к задаче непосредственного практического построения коммунистического общества, если уж, следуя за Программой КПСС, отрывать ее, сопоставлять или противопоставлять строительству социализма.

А что говорит о переходе к развернутому строительству коммунизма Программа КПСС? По Программе КПСС, решение этой задачи заключается, как уже говорилось, в следующем:

1) В создании материально-технической базы коммунизма в промышленности и сельском хозяйстве, *причем создание таковой в сельском хозяйстве мыслится «как всемерное укрепление колхозного строя».*

2) В необходимости «полностью использовать такие инструменты развития экономики, как деньги, цена, прибыль, торговля, финансы» и т.п. *буржуазные инструменты.*

3) В «опоре на принцип материальной заинтересованности», на принцип оплаты по труду.

Не правда ли, интересный получается переход к непосредственному развернутому строительству коммунизма?

Вместо постепенного перехода от двух форм собственности, присущих *только* социализму, к единой общенародной собственности на средства производства, определяющей коммунизм, — «всемерное укрепление» этих *двух* форм. Даже больше — передача основных средств производства из рук государства в руки отдельных производственных коллективов — продажа основной сельскохозяйственной техники колхозам.

Вместо постепенной замены товарно-денежных, рыночных отношений, присущих не только социализму, но и капитализму, системой прямого продуктообмена, определяющей коммунизм, — всемерное расширение и укрепление товарно-денежных отношений. Даже больше — намечаются кардинальные меры по введению, укреплению и расширению таких товарно-денежных категорий, как прибыль, как какая-то «социалистическая конкурентоспособность».

Вместо постепенного умаления роли личной материальной заинтересованности, т.е. вместо постепенной подготовки общества к переходу от социалистического принципа «каждому по труду» к коммунистическому — «каждому по потребности», — опора на принцип материальной заинтересованности, на принцип оплаты по труду.

Есть от чего немного растеряться...

Почему же такая путаница и неразбериха в этом вопросе? О чем она свидетельствует?

Я уверен, что все это свидетельствует только об одном — о том, что теоретическое положение Программы КПСС о вступлении нашей страны в период развернутого строительства коммунизма, в период, представленный Программой как некая высшая ступень, чем социализм, — оказалось несостоятельным, *оказалось в противоречии с жизнью, в противоречии с теорией научного коммунизма Маркса—Ленина.*

Нетрудно заметить, что те задачи, которые Программа КПСС поставила перед нашим обществом, все до одной, направлены к одной цели — к дальнейшему строительству социализма, к *допостроению* социализма.

Этот факт — неоспорим. А посему рушатся все теоретические положения Программы КПСС о переходе нашей страны к задаче непосредственного строительства высшей фазы коммунистического общества, о уже свершившемся перерастании диктатуры пролетариата, как государства периода социализма, в общенародное государств и т.д. и т.п.

Мы рассмотрели лишь одну, *внутреннюю* сторону вопроса о т.н. общенародном государстве. Но у этого вопроса есть еще одна сторона, не менее, если не более, важная, чем внутренняя, — *внешняя* сторона этого вопроса, его *международная* сторона.

Признает ли Программа КПСС существование международной стороны проблемы т.н. «общенародного государства»? Признает, ибо именно этой стороне посвящен в Программе следующий ее кусочек:

«Для полного отмирания государства необходимо создание как внутренних условий — построение развитого коммунистического общества, так и внешних условий — окончательное разрешение спора между капитализмом и коммунизмом на международной арене в пользу коммунизма».

Вот и все, что сказано в Программе КПСС по этому поводу. И больше ничего и нигде об этой стороне проблемы диктатуры пролетариата и общенародного государства мы не найдем ни в Программе КПСС, ни в других материалах, посвященных т.н. общенародному государству.

Мне кажется, что подобная позиция не случайна, ибо даже ближайшее поверхностное ознакомление с этой стороной тезиса Программы КПСС о необходимости диктатуры пролетариата и о ее перерастании в «общенародное» государство показывает, что этот тезис еще более, чем при рассмотрении его внутренней стороны, противоречит марксизму-ленинизму, что с точки зрения марксизма-ленинизма он, что называется, не лезет ни в какие ворота.

В.И. Ленин очень резко и очень определенно утверждал:

«Если власть Советов осуществлена, если буржуазия свергнута в одной стране, второй задачей является борьба в международном масштабе, борьба в иной плоскости, борьба пролетарского государства в среде капиталистических государств» (т. 29, стр. 40).

«Диктатура слово большое, жестокое, кровавое, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох» (т. 30, стр. 330).

«Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а продолжение ее в новой форме и новыми средствами. ПОКА ОСТАЮТСЯ КЛАССЫ, ПОКА СВЕРГНУТАЯ В ОДНОЙ СТРАНЕ БУРЖУАЗИЯ УДЕСЯТЕРЯЕТ СВОИ НАПАДКИ НА СОЦИАЛИЗМ В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ, ДО ТЕХ ПОР ДИКТАТУРА НЕОБХОДИМА» (Тезисы доклада о тактике РКП(б) на III Конгрессе Коминтерна).

Одно последнее высказывание В.И. Ленина стоит целых томов!

Оно в пух и прах разбивает все доводы теоретиков и сторонников Программы КПСС в их попытках доказать, что ликвидация антагонистических классов внутри одной страны означает конец диктатуры пролетариата в этой стране.

Сторонники и защитники «общенародного» государства забыли о существовании ВНЕ нашего государства антагонистических, враждебных нам классов и их государств, забыли, что *социалистическая революция*, по Марксу и Ленину, и по букве, и по духу их, прежде всего, революционного учения, — НЕ КОНЧАЕТСЯ с ликвидацией эксплуататорских классов в одной или нескольких странах.

И результатом этой очередной забывчивости теоретиков и защитников Программы КПСС явилось положение Программы о полной и окончательной победе социализма в СССР. Программа КПСС провозглашает:

«Обеспечив полную и окончательную победу социализма — первой фазы коммунизма — и переход общества к развернутому строительству коммунизма, диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию...»

Выступая на февральском Пленуме ЦК КПСС 1964 г. М.А. Суслов восклицал:

«Пекинские теоретики всячески замалчивают то положение, которое подчеркивал Ленин. А он говорил, что диктатура нужна “в целях окончательного создания и упрочения социализма” (т. 29, стр. 259), что исчезновение опасности восстановления капиталистических отношений “означает прекращение диктатуры пролетариата” (т. 33, стр. 75)».

Прав ли М.А. Суслов, говоря так?

*Не прав, ибо он смешивает в одну кучу две разные стороны этого вопроса — внутреннюю и международную.*

Что означает утверждение Программы КПСС о полной и окончательной победе социализма в СССР?

Оно означает, во-первых, что никакие *внутренние* факторы уже более не в состоянии привести к реставрации капитализма в нашей стране, и, во-вторых, но главных, это означает, что наша страна уже *гарантирована от восстановления капитализма и путем вмешательства со стороны мирового империализма, в том числе и путем военной интервенции.*

Обратимся к В.И. Ленину. Он нескончаемое количество раз указывал:

«Мы не в состоянии по своему желанию вызвать социалистический переворот на Западе — эту единственную абсолютную гарантию от реставрации в России» («Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции»).

«Мы придем к окончательной победе только тогда, когда нам удастся сломить, наконец, окончательно международный империализм... Мы придем к победе только вместе со всеми рабочими других стран...» (Речь в Моссовете. 1918 г.).

«Окончательно победить можно только в мировом масштабе...» (Доклад о внешней политике на заседании ВЦИК и Моссовета).

По В.И. Ленину следует, что *только ряд* победоносных социалистических революций в других странах может дать нам право говорить об *окончательной* победе социализма в нашей стране как первой социалистической стране.

Некоторые товарищи, защищая положение Программы КПСС об окончательной победе социализма в СССР, пытаются доказать, что В.И. Ленин,

говоря о ряде социалистических победоносных революций в других странах как о единственной абсолютной гарантии победы социализма, как раз и подразумевал под этими революциями ряд послевоенных социалистических революций в странах народной демократии.

Подобное заявление — еще одна попытка с негодными средствами.

Эти товарищи допускают маленькую, но очень существенную неточность, недоговоренность, искажающую самый смысл ленинских слов. В.И. Ленин учил:

«Победить в мировом масштабе полностью, окончательно нельзя в одной России, а можно только тогда, когда во всех, по крайней мере, передовых странах или *хотя бы в нескольких из крупнейших передовых стран победит пролетариат.*

Только тогда мы сможем с полной уверенностью сказать, что дело пролетариата победило, что наша первая цель — свержение капитализма — достигнута» (т. 29, стр. 40).

И эту мысль Ленин особенно подчеркивал неоднократно.

Таким образом, для В.И. Ленина было совсем не безразлично, где, в каких странах произойдет социалистическая революция.

Не надо быть марксистом для того, чтобы понять, почему единственную гарантию окончательной победы социализма В.И. Ленин видел в революциях *хотя бы а) нескольких из б) передовых и в) крупнейших стран.*

В.И. Ленин был трезвым политиком, и он хорошо понимал, что полную гарантию окончательной победы социализма, полную уверенность в том, что в любом случае, в том числе и в случае вооруженной интервенции, *мы обязательно выйдем победителями,* может дать только соответствующее превосходство всех сил социализма — экономических, военных, политических — над силами империализма. В.И. Ленин хорошо понимал, что без привлечения на сторону социализма *«хотя бы нескольких из крупнейших передовых стран»* такого превосходства достичь невозможно, *и особенно тогда, когда нам приходится догонять капитализм по уровню экономического развития.*

Спрашивается, можно ли подвести под ленинскую рубрику нескольких из крупнейших передовых стран страны народной демократии Запада или Востока?

По-моему, нельзя. ПОКА ЧТО нельзя.

Я думаю, что было бы лишним приводить какие-либо цифры в обоснование этого своего заявления. Мне кажется, что уже сам факт того, что *нам* приходится все еще догонять капитализм по уровню экономического развития, — говорит сам за себя. И достаточно обратиться к словам составителей Программы, которые говорили:

«Даже если согласиться с президентом Соединенных Штатов, который совсем недавно заявил, что у нас равновесие сил, то и тогда неразумно грозить войной» (Хрущев. XXII съезд КПСС).

«Если в 1950 г. доля стран социализма в мировом промышленном производстве составляла около 1/5, то теперь она превышает одну треть» (Суслов. Доклад на Пленуме ЦК 14/II-64 г.).

Единственное серьезное доказательство правильности тезиса Программы КПСС о полной и окончательной победе социализма в СССР можно было бы привести, лишь показав, что В.И. Ленин, говоря о ряде победоносных социалистических революций в других странах как о единственной реальной гарантии этой окончательной победы, имел в виду не социализм, не

1-ю фазу коммунистического общества, а собственно коммунизм, его 2-ю фазу. Это вполне возможно, так как в своих выступлениях и работах В.И. Ленин очень часто не делал никакого различия между употреблением слов социализм и коммунизм.

Есть ли подобное доказательство? Я очень тщательно изучил все доступные мне собрания сочинений Ленина, но не нашел в нем ничего похожего. Наоборот. Послушайте, —

«...Само собой понятно, что окончательно победить может только пролетариат всех передовых стран мира, и мы, русские, начинаем то дело, которое закрепит английский, французский или немецкий пролетариат, но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс всех угнетенных колониальных народов, и в первую очередь народов Востока.

*Мы должны себе дать отчет в том, что один авангард не может осуществить перехода к коммунизму»* (II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока).

Как ни трактуй эти ленинские слова — в виде ли перехода от капитализма к социализму или в виде перехода от социализма к коммунизму — суть их только одна: окончательная победа нового строя невозможна без победы ряда революций в нескольких из крупнейших передовых (в экономическом, военном и политическом отношении) стран мира.

Никакого другого толкования для коммунистов эта ленинская мысль не допускает, ибо она берет проблему диктатуры пролетариата в целом, как главной и неизбежной, необходимейший элемент социалистической революции в целом, то есть мыслимой в мировом масштабе, а не с позиций узконациональных, ограниченных рамками одной страны, как это делает Программа КПСС и ее теоретики и сторонники.

Утверждения Программы КПСС об окончательной победе социализма в СССР, о ненужности диктатуры пролетариата и ее перерастания в общенародное государство являются *отречением* от марксистско-ленинского учения о социалистической революции, продолжающейся вплоть до полной и окончательной победы социализма на земле.

Я говорил выше, что марксизм-ленинизм настолько цельное и взаимосвязанное учение, что невозможно так или иначе отступить от одной его части, чтобы не нарушить другой, чтобы не разбить его общую стройность и цельность.

Программа КПСС, вслед за утверждением об окончательной победе социализма в нашей стране, провозглашает, что

*«Партия рассматривает строительство коммунизма в СССР как великую интернациональную задачу советского народа...»*

В.И. Ленин учил, что

«пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, требует способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала» (Доклад на II Конгрессе Коминтерна).

В.И. Ленин учил, что

«интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в *своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же* борьбы, такой же линии, и *только ее* одной во *всех* без исключения странах...» (Письма о тактике).

В.И. Ленин учил, что тактика коммунистов, рассчитывающая на мировую революцию,

*«обязательна для марксиста, для всякого пролетария и интернационалиста», «как единственно интернационалистская, ибо проводит максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах»* (Пролетарская революция и ренегат Каутский).

Сопоставим эти высказывания В.И. Ленина с его неоднократными и категорическими заявлениями о том, что без победы социалистической революции в нескольких из крупнейших передовых стран окончательная победа социализма невозможна.

О чем говорит это сопоставление? О том, что в основе ленинского учения о пролетарском интернационализме лежит не только и не столько классовая, пролетарская ненависть к эксплуатации человека человеком, не только и не столько страстное революционное желание помочь всем трудящимся в их борьбе против всех форм и видов угнетения и угнетателей, но, в ПЕРВУЮ ГОЛОВУ, трезвейший марксистский учет того, что *только* полное превосходство сил социализма над силами капитализма способно обеспечить трудящимся столь же полную гарантию их победы. В основе ленинского учения о пролетарском интернационализме лежит реальный учет того, что возможное, даже *неизбежное* в будущем увлечение со стороны государства или государств своими узконациональными задачами в строительстве нового общественного строя, увлечение, связанное с определенными успехами в деле НАЦИОНАЛЬНОГО строительства, уверование в возможность своими собственными национальными силами обеспечить окончательную победу нового строя над старым, — *на деле будет означать не приближение этой окончательной победы, а ее отдаление.*

Именно потому, что В.И. Ленин видел гарантию окончательной победы социализма в ряде победоносных революций в нескольких из крупнейших передовых стран, — именно поэтому он не уставал повторять, что единственно интернационалистическая политика — это политика проведения максимума осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех других странах.

Пролетарский интернационализм требует, чтобы национальные задачи подчинялись интернациональным. Пролетарский интернационализм требует *взаимной* поддержки, взаимной помощи друг другу со стороны всех отрядов международного пролетариата. Но пролетарский интернационализм требует помощи и поддержки прежде всего со стороны страны, «осуществляющей победы над буржуазией», ибо — по В.И. Ленину — *без обратной помощи и поддержки* все усилия этой страны самостоятельно решить задачу окончательной победы над буржуазией — обречены на провал.

Сам по себе тезис Программы КПСС о том, что «партия рассматривает коммунистическое строительство в СССР как великую интернациональную задачу советского народа», — бесспорен, так как он опирается на ленинское указание о революционизирующем влиянии наших хозяйственных успехов. Правда, о конкретном революционизирующем влиянии наших хозяйственных успехов нам говорить пока еще рано, особенно в свете ставшего класси-



ческим в устах Хрущева сравнения «бесштанного» советского рабочего с полностью экипированным рабочим капиталистических государств.

Но дело не в этом. Взятый сам по себе, тезис Программы КПСС о «великой интернациональной задаче советского народа», как я уже говорил, бесспорен. Но когда рядом с этим тезисом в Программе КПСС стоит утверждение об окончательной победе социализма в СССР, то мне кажется, что тогда и сам тезис о великой нашей интернациональной задаче приобретает несколько иной смысл.

В самом деле, что означает утверждение об окончательной победе социализма в СССР, утверждение, служащее посылкой для тезиса о великой интернациональной задаче советского народа? Оно означает, что мы считаем себя отныне полностью гарантированными от всех попыток мировой буржуазии восстановить капиталистические отношения в нашей стране; оно означает косвенное и довольно тонкое признание нами того, что в связи с окончательной победой социализма в СССР мы получаем возможность, мягко говоря, несколько отвлечься от выполнения своих «рядовых» интернациональных обязательств ради нашей великой интернациональной задачи; оно означает, что мы имеем возможность воздержаться «от величайших национальных жертв ради свержения международного капитала»; оно означает, наконец, что для нас уже не обязательна, хотя и желательна, тактика коммунистов, рассчитывающая на мировую революцию.

Вот к какому разительному результату мы приходим, как только пытаемся нарушить целостность и последовательность марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата, о социалистической революции.

К чему нам теперь разные там жертвы, тактики и прочие марксистско-ленинские «выкрутасы»? — ведь мы уже победили окончательно и бесповоротно. Будем себе спокойно строить коммунизм — у нас есть для этого все необходимое; построим его, вот тогда народы посмотрят и скажут: вот это жизнь! — мы за коммунизм, и да здравствует мировая революция!..

В неразрывной связи с проблемой т.н. «общенародного» государства стоит и поднятый Программой КПСС вопрос о превращении в нашей стране партии рабочего класса в партию всего народа.

Программа КПСС обосновывает тезис о превращении партии рабочего класса в общенародную партию следующим образом:

- 1) Изменениями в классовой структуре нашего общества;
- 2) Коренной общностью интересов всех слоев трудящихся СССР с интересами рабочего класса;
- 3) Установившимся идеологическим единством всего нашего общества.

Мне кажется, что многое из того, что можно было бы сказать здесь применительно к положению Программы о превращении партии рабочего класса в общенародную партию, уже сказано в предыдущих строках. Остается добавить лишь следующее:

Ликвидация в СССР эксплуататорских классов *не привела к ликвидации в нашей стране классов вообще*. И, на наше счастье, этого никто не оспаривает. Но, к сожалению, мало кто думает, что из этого следует.

А из этого следует, с точки зрения марксизма-ленинизма, что пока и поскольку в нашем обществе существуют классы, безразлично какие, антагонистические или дружественные, — пока и постольку существуют и будут существовать классовые противоречия и классовая борьба.

Иное дело — закономерность разрешения антагонистических или неантагонистических противоречий. Если первые преодолеваются путем социальной революции, то вторые преодолеваются без революционных потрясений. Но и те и другие преодолеваются в борьбе. И серьезную ошибку делают

те, которые пытаются выдать социалистическое общество за общество без классовых противоречий и классовой борьбы; которые выдают особенности решения неантагонистических противоречий в социалистическом обществе за *примирение их*.

Пока и поскольку в нашем обществе осуществляется принцип «от каждого по способности, каждому по труду», отражающий и закрепляющий фактическое неравенство людей, пока и поскольку в обществе существуют, законодательно закреплены и получают дальнейшее укрепление две формы собственности — общенародная и кооперативная, пока и поскольку в нем имеется противоположность между физическим и умственным трудом, между городом и деревней, пока и поскольку (и ввиду вышесказанного) наше общество нуждается в государстве, т.е. в армии, милиции, суде, тюрьмах и т.п. органах принуждения и насилия, — пока и постольку все рассуждения о социальном, моральном и идеологическом единстве *классового* общества есть антинаучные словесные заверения, не имеющие под собой никакой марксистско-ленинской базы.

*Только* полная победа коммунизма, его высшей фазы, означает полное уничтожение всех и всяких классов и классовых различий, а вместе с ними — всех и всяких классовых противоречий и классовой борьбы, *и только* это уничтожение приводит к полному морально-политическому и идеологическому единству общества.

Когда мы говорили об «общенародном» государстве, там была приведена часть Программы КПСС, посвященная задачам, стоящим перед нашим обществом на данном этапе его развития (см. стр. ...).

Попытаемся проанализировать эти задачи применительно к утверждению Программы КПСС о морально-идеологическом единстве нашего общества.

Спрашивается, если в нашем обществе уже сложилось настолько прочное морально-политическое и идеологическое единство общества, что уже можно записать в Программе КПСС о переходе от партии рабочего класса к общенародной партии, то почему же та же Программа КПСС и бесчисленные партийные и государственные директивы буквально на каждом шагу призывают нас укреплять союз рабочего класса и крестьянства, соблюдать дисциплину во всех областях жизни, всячески повышать роль контроля и учета, укреплять и расширять принцип материальной заинтересованности, бросить все силы на воспитание населения, особенно молодежи, в духе коммунистической морали, преодоления пережитков капитализма в сознании людей, в развитии сознательного отношения к труду (так в тексте. — *Ред.*) и т.д.?

ЦК КПСС и Советское правительство прилагали и прилагают огромные усилия для практического осуществления этих задач. Спрашивается, если все эти явления, например, такие, как пережитки капитализма в сознании людей, несознательное отношение к труду, проявление местничества и ведомственности и т.д., являются исключениями из правила, то для чего тогда возводить их в ранг важнейших партийных и государственных задач? Разве в условиях полного морально-политического и идеологического единства общества нужна «особая машина, особый аппарат подавления» для борьбы «с возможными эксцессами отдельных лиц»?

Ответ на эти вопросы напрашивается сам собой — все эти «пережитки» и «проявления» пока что, к сожалению, не «эксцессы отдельных лиц», а явления широко распространенные, массовые. И в признании этого факта нет ничего антимарксистского или антисоветского. В.И. Ленин признавал «возможность и необходимость эксцессов отдельных лиц» даже в условиях коммунистического общества. Что же удивительного в том, что в условиях социалистического общества, в условиях существования классов как внутри об-

щества, так и вне его, подобные эксцессы не ограничиваются отдельными лицами, а все еще остаются явлением массовым?

Это — не удивительно. Удивительно другое — как можно в практических делах преследовать вполне определенные и ясные цели, в то же время в теории стараясь не заметить их и обойти стороной?

Только при полной победе коммунизма можно будет говорить о морально-политическом и, тем более, о идеологическом единстве общества. Заявлять об этом сейчас — это значит, как указывал В.И. Ленин, «перепрыгивать не к низшей, не к средней, а к высшей фазе коммунизма».

Подобное перепрыгивание невозможно подкрепить никакими ссылками на марксизм-ленинизм. Вот и приходится теоретикам и защитникам тезиса «от партии рабочего класса к партии всего народа» ограничиваться словесной эквилибристикой, вроде нижеследующей:

«Коммунистическая партия Советского Союза *не перестала* быть партией рабочего класса, ибо она была и остается выразителем его коммунистических идеалов. Но Коммунистическая партия в нашей стране *стала* не только партией рабочего класса, а всего народа, потому что весь народ воспринял марксистско-ленинское мировоззрение рабочего класса, его идеалы» (сб. «От партии рабочего класса к партии всего народа». 1964 г.).

Выступая 14 февраля 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС М.А. Суслов говорил:

«Партия рабочего класса, без которой неосуществима диктатура класса, сохраняет и формально и по существу свой классовый пролетарский характер *вплоть до полной победы социализма*. Это — бесспорная истина. Но бесспорно также и то, что партия, как политическая организация, отражает в себе изменения, происходящие в классовой структуре общества. КПСС подчеркнула в своей Программе, что рабочий класс *до полной победы коммунизма* остается руководящей силой советского общества. И в период развернутого строительства коммунизма партия остается выразителем коммунистических идеалов, целей рабочего класса, его коренных интересов. Она вместе с тем становится партией всего народа. Это происходит не по чьим-то субъективным пожеланиям, а потому, что цели и идеалы рабочего класса стали целями и идеалами всех классов и слоев народа, построившего социализм» (Подчеркнуто мной. — ГМ).

Многое в этом высказывании удивительно и непонятно.

Непонятно, в каком смысле слова говорится о социализме в первом абзаце этой цитаты, — о социализме в «общеупотребительном смысле слова», т.е. о коммунизме, или о социализме как 1-й фазе коммунизма?

Непонятно, о каких изменениях в классовой структуре общества идет речь — о ликвидации ли эксплуататорских классов или же о качественном изменении в характере классов?

Удивительно и непонятно, почему рабочий класс, будучи ранее и оставаясь и теперь руководящей силой советского общества, рабочий класс, «цели и идеалы которого стали целями и идеалами всех классов и слоев народа», — почему он именно поэтому должен отказаться от руководящей роли в партии? Почему?

Если, говоря о полной победе социализма, М.А. Суслов имеет в виду полную победу коммунизма, то это значит, что партия рабочего класса и формально и по существу сохраняет свой классовый пролетарский характер вплоть до построения полного *бесклассового* общества. Если это так, тогда мы формально и по существу марксисты-ленинцы.

Если, говоря о полной победе социализма, М.А. Сулов имеет в виду нынешний период развития нашего общества, то это значит, что и формально и по существу партия рабочего класса теряет свой классовый пролетарский характер где-то на полпути от капитализма к коммунизму. Если это так, тогда мы формально и по существу порываем с марксизмом-ленинизмом.

Коль скоро мы признаем, что наше общество — классовое общество, пусть даже со значительно стертými классовыми границами, столь же скоро мы обязаны признать, если мы коммунисты-ленинцы, что внеклассовой или общеклассовой партии, так же как и общенародного государства, — в нашем обществе не может быть.

Или — или, как любил говорить В.И. Ленин. Или мы признаем, что «партийность — это высший принцип классовости», и тогда мы марксисты-ленинцы, или мы за «общенародную партию», и тогда между нами и марксистами-ленинцами нет ничего общего.

Защитники Программы КПСС утверждают:

«В чем же выражается классовость марксистско-ленинской партии в социалистическом обществе, где нет антагонистических классов, где эксплуататоры уничтожены и эксплуатация человека человеком уничтожена навсегда, где упрочилось социально-политическое единство общества? Коммунисты отвечают на этот вопрос так: классовость марксистско-ленинской партии в таком обществе состоит в ее верности коммунизму — высшему классовому принципу международного пролетариата, в осуществлении коммунизма — этой конечной цели международного рабочего класса» (сб. «От партии рабочего класса к партии всего народа». 1964).

Подобная попытка спасти положение и придать так наз. общенародной партии классовый марксистский характер есть еще одна попытка с негодными средствами.

Спрашивается, в чем же выражается классовость марксистско-ленинской партии *в капиталистическом обществе?*

Следуя логике рассуждений теоретиков и защитников Программы КПСС, следовало бы ответить на этот вопрос так же, как отвечают на него они сами — классовость марксистско-ленинской партии в капиталистическом обществе состоит в ее верности коммунизму (социализму), в осуществлении коммунизма (социализма).

Следуя логике рассуждений сторонников Программы КПСС, мы неминуемо должны будем прийти к выводу о том, что *любая партия, ставящая своей конечной целью установление социализма и коммунизма, безотносительно от того, чьи классовые интересы она выражает и какими конкретными путями она собирается идти или идет к этой цели, — суть классовая марксистско-ленинская партия.*

Следуя этой логике, мы вынуждены будем причислить к числу марксистско-ленинских партий и такие партии, как Английская лейбористская, как Итальянская, Французская или Японская социалистические партии и т.п. партии, провозгласившие, что их конечной целью является «социализм».

Мы тем более будем вынуждены признать это, так как отныне провозгласили, что идеологические, то есть теоретические, разногласия не могут служить препятствием в борьбе за общую цель.

Программа КПСС подчеркивает, что

«период развернутого строительства коммунизма характеризуется дальнейшим *возрастанием роли и значения Коммунистической партии* как руководящей и направляющей силы советского общества».

Программа КПСС разъясняет, чем вызвано это возрастание роли и значения Коммунистической партии:

«Повышение роли партии в жизни советского общества на новом этапе его развития обусловлено:

— ростом масштабов и сложностью задач коммунистического строительства, требующими более высокого уровня политического и организационного руководства;

— подъемом творческой активности масс, вовлечением новых миллионов трудящихся в управление государственными делами и производством;

— дальнейшим развитием социалистической демократии, повышением роли общественных организаций, расширением прав союзных республик и местных организаций;

— возрастающим значением теории научного коммунизма, ее творческого развития и применения, необходимостью усиления коммунистического воспитания трудящихся и борьбы за преодоление пережитков прошлого в сознании людей».

И как результат «возрастания роли и значения Коммунистической партии» — Программа КПСС провозглашает переход от партии рабочего класса к «общенародной» партии.

Невольно задаешься вопросом — если ЭТО творческое развитие и применение теории научного коммунизма, то где же в ней марксизм-ленинизм?! Марксизм-ленинизм, который *зиждется* на учении о том, что ТОЛЬКО рабочий класс, в союзе с другими дружественными классами и слоями общества, ТОЛЬКО он один; ТОЛЬКО ЕГО ПАРТИЯ в состоянии ликвидировать все и всякие классовые противоречия и различия и обеспечить полную и окончательную победу коммунизма на земле!?

Такое «творческое развитие и применение теории научного коммунизма» не оставляет в этой теории ничего похожего на научный коммунизм, ибо сводит на нет марксистско-ленинское учение о революционной роли рабочего класса в истории, *ограничивая эту историю 1-й фазой коммунистического строительства в ОДНОЙ стране.*

Программа КПСС поступает последовательно и логично — отвергая государство диктатуры пролетариата, заявляя о его перерастании в «общенародное» государство, она не останавливается на полпути и идет дальше, от партии рабочего класса к «общенародной» партии, заменяя диктатуру класса гегемонией класса, смешивая в кучу принципы коммунизма с целями рабочего класса.

Ну как тут не вспомнить слова В.И. Ленина о том, что

«Основные положения и цели — две разные вещи: ведь, в целях с нами будут согласны и анархисты, потому что и они стоят за уничтожение эксплуатации и классовых различий. Принципы — это не цель, не программа, не тактика и не теория. Тактика и теория — это не принципы... Принципы коммунизма заключаются в установлении диктатуры пролетариата и в применении государственного принуждения в переходный период. Таковы принципы коммунизма, но это не его цель» (т. 32, стр. 445).

Итак, по В.И. Ленину, а не по Программе КПСС, нельзя, невозможно, в корне ошибочно, так как *лишено всякого реального смысла*, утверждать, что коммунизм — это высший *классовый принцип*, и через такую подмену выражать классовость партии.

Коммунизм — это конечная цель рабочего класса. И означает эта цель не что иное, как уничтожение всех классов и классовых различий. А уничтожить классы и классовые различия способен только рабочий класс, как един-

ственный класс, который не заинтересован в увековечении своего господства, ибо только рабочий класс не является собственником средств производства и не имеет возможности эксплуатировать чужой труд. И единственное орудие, с помощью которого рабочий класс может добиться своей конечной цели, коммунизма, это его государство, диктатура пролетариата.

Так учит Ленин.

## МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И МИРНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВ С ПРОТИВОПОЛОЖНЫМ ОБЩЕСТВЕННЫМ СТРОЕМ И ВОЙНА

Начну рассмотрение этого чрезвычайно важного и сложного вопроса прямо с соответствующего положения Программы КПСС. Оно гласит:

*«Мирное сосуществование предполагает: отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путем переговоров; равноправие, взаимопонимание и доверие между государствами; учет интересов друг друга; невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей страны; строгое соблюдение суверенитета и территориальной целостности всех стран; развитие экономического и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды. Мирное сосуществование служит основой мирного соревнования между социализмом и капитализмом в мировом масштабе и является специфической формой классовой борьбы между ними... Мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств — объективная необходимость развития человеческого общества... Мирное соревнование или катастрофическая война — только так поставлен вопрос историей» (Программа КПСС. Госполитиздат. 1961 г., стр. 60—61).*

Анализируя это программное положение, мы должны иметь в виду руководящее разъяснение Хрущева, который «учил», выступая на XXII съезде КПСС:

«Мир и мирное сосуществование — не совсем одно и то же. Мирное сосуществование — это не просто отсутствие войны, не временное неустойчивое перемирие между войнами, это существование двух противоположных систем, основанное на взаимном отказе от применения войны как средства решения спорных межгосударственных вопросов».

И, предупреждая вполне закономерный вопрос о том, до каких же пор мыслится это мирное сосуществование капиталистических и социалистических государств, Хрущев добавлял:

«В современных условиях открылась перспектива добиться мирного сосуществования на весь период, в течение которого должны найти свое решение социальные и политические проблемы, ныне разделяющие мир...»

Из сказанного ясно, что политика мирного сосуществования государств с различным общественным строем предполагает в качестве своей опорной базы, фундамента самой возможности своего осуществления *отказ от войны, взаимное соглашение между государствами* об отказе от войны как средства решения спорных межгосударственных вопросов. Программа КПСС заверяет нас в том, что такое соглашение вполне возможно и допустимо, что оно является *объективной необходимостью*, ибо правительства всех государств осоз-

нают тот факт, что проблема мирного сосуществования поставлена перед ними только так — или мирное сосуществование или катастрофическая термоядерная война.

Само собой разумеется, что говоря о политике мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств, Программа КПСС последовательно идет своим курсом и распространяет эту политику не только на отношения между государствами с противоположным общественным строем, но и на отношения между капиталистическими государствами, торжественно заявляя, что

«КПСС и весь советский народ и впредь будут выступать... против войн между капиталистическими государствами...» (стр. 62).

После этих предварительных замечаний разрешите мне перейти к непосредственному рассмотрению вопроса о так называемом мирном сосуществовании, мирном соревновании социалистических и капиталистических государств.

И я думаю, что я не сделаю большой ошибки, если разобью эту очень большую, затрагивающую широкий круг вопросов, очень сложную проблему, на несколько отдельных частей.

### НЕИЗБЕЖНЫ ЛИ ВОЙНЫ, ПОКА СУЩЕСТВУЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ?

В.И. Ленин в своих работах неоднократно обращался к этому, самому волнующему вопросу XX века. И вот какой ответ он давал:

«Войны коренятся в самой сущности капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй» (Воинствующий милитаризм. 1918 г.).

«При капитализме, особенно в его империалистической стадии, войны неизбежны» (Пацифизм и лозунг мира).

«Война не случайность... а неизбежная ступень капитализма» (Положение и задачи социалистического Интернационала).

«Усиление милитаризма, усиление и ускорение подготовки к новым империалистическим войнам, увеличение числа войн во всем мире...» (Тезисы о международном положении. 1920 г.).

«Война... есть продолжение политики времени *мирного*» (Из письма И. Арманд).

Основываясь на строго научном, экономическом анализе империализма как высшей и последней стадии капитализма, В.И. Ленин со всей очевидностью показал и *доказал*, что «империалистические войны неизбежны на почве частной собственности» (т. 50, стр. 398).

И именно из этого анализа империализма как высшей стадии капитализма В.И. Ленин и сделал свой гениальный вывод о возможности победы социализма сначала в одной, отдельно взятой стране как о первом этапе мировой социалистической революции.

В.И. Ленин говорил о фатальной неизбежности войн при империализме.

Программа КПСС утверждает, что «еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира...» (стр. 58) войну можно предотвратить.

Теоретики и сторонники Программы КПСС заявляют, что В.И. Ленин, говоря о неизбежности войн при империализме, имел в виду войны только между империалистическими государствами.

... положение. Выступая на III Конгрессе Коминтерна с докладом  
... РКП(б), В.И. Ленин указывал:

«Теперь наступило известное равновесие сил, равновесие между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой... Конечно, необходимо подчеркнуть, что речь идет только об относительном равновесии, о весьма неустойчивом равновесии... Пока не будет общего конечного результата, будет продолжаться состояние ужасной войны...»

С еще большей определенностью Ленин говорил об этом в своем письме VIII съезду РКП(б) в 1919 г.:

«Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен».

Конечно, В.И. Ленин в 1918—1924 гг. (а в дальнейшем и И.В. Сталин) предпринимали в своей внешней политике все от них зависящее для того, чтобы как можно дольше оттянуть, сохранить это состояние «неустойчивого равновесия», состояние неустойчивой мирной передышки.

Ленинская генеральная линия внешней политики исходила из трезвого, объективно-точного анализа соотношения классовых сил в мире.

«Пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая социалистическая революция, — говорил В.И. Ленин, — настолько сильная, чтобы она могла победить *международный империализм*, до тех пор прямой долг коммунистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране, *не прижимать боя с гигантами империализма*, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собой *еще более* ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах» (т. 27, стр. 294).

«Внешняя политика Советской власти никоим образом не должна быть изменена. Наша военная подготовка еще не закончена, и поэтому общим лозунгом остается по-прежнему: лавировать, отступать, выжидать, продолжая эту подготовку изо всех сил» (т. 27, стр. 325).

Действительно, В.И. Ленин говорил, и это его высказывание служит главным козырем в руках сторонников Программы КПСС, главным их аргументом в защиту идеи мирного сосуществования, что

«мы оказались в таком положении, что, не приобретя международной победы, единственной и прочной победы для нас, *мы отвоёвали себе условия, при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными вступить теперь в торговые отношения с нами...*» (т. 31, стр. 384).

Правда, при этом сторонники Программы КПСС забывают закончить эту цитату, конец которой выглядит следующим образом:

«Теперь нам приходится говорить уже не только об одной передышке, а о серьезных шансах для нового строительства на *более долгое время*» (подч. — ГМ).



Кроме того, теоретики и сторонники Программы КПСС могли перелистать этот же 31 том сочинений В.И. Ленина и на странице 426 прочесть замечание самого Ленина к приведенным словам:

«Я говорил... что мы сейчас перешли от войны к миру. Но мы не забыли, что вернется опять война. *Пока остались капитализм и социализм, они мирно жить не могут:* либо тот, либо другой в конце концов победит; либо по Советской власти будут петь панихиды, либо — по мировому капитализму. *Это — отсрочка в войне»* (т. 31, стр. 426) (*подчеркнуто мной. — ГМ*).

В.И. Ленин неоднократно указывал:

«Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй; но когда она придет, мы не знаем, и нужно сделать так, чтобы тогда, когда она придет, мы могли бы быть на высоте» (т. 31, стр. 470).

«...Теперь наше международное положение дало гораздо более длительную и прочную передышку, чем ту, которую мы имели в начале революции. Но надо помнить, что это не более чем передышка» (т. 30, стр. 453).

«Получилось хотя и крайне неустойчивое, крайне непрочное, но все же такое равновесие, что социалистическая республика может существовать — конечно недолгое время — в капиталистическом окружении» (т. 32, стр. 429).

Великий вождь пролетариата никогда не питал никаких иллюзий насчет того, что так наз. мирное существование Советской Республики рядом с капиталистическими державами может продолжаться неопределенно долгое время, или, как говорит Хрущев, вплоть до того момента, когда «сама история» рассудит спор между социализмом и капитализмом.

В.И. Ленин, будучи великим марксистом и трезвейшим политиком, не мог допустить и мысли о возможности какого-то долгого (в историческом смысле) периода мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем.

Почему? Потому что он, и именно потому, что был трезвым политиком-марксистом, не мог допустить и мысли о *возможности примирить непримиримое*.

В Программе КПСС сказано:

«Основное противоречие современного мира — противоречие между социализмом и капитализмом».

На февральском Пленуме ЦК КПСС 1964 года М.А. Суслов довольно убедительно доказывал, что

«борьба мирового социализма и мирового империализма является основным содержанием нашей эпохи, стержнем *классовой* борьбы в мировом масштабе. ...Центральный пункт мировой политики, всего общественного развития — это борьба мировой социалистической системы против империализма». (И, конечно, обратно, то есть мирового империализма против социализма. — ГМ).

Следовательно, мы признаем, что между социализмом и империализмом на современном этапе развития человеческого общества существуют определенные *классовые* противоречия. И не только признаем, но и всячески подчеркиваем, что эти классовые противоречия — центральный пункт мировой политики, стержень *классовой* борьбы социализма против империализма. Это — марксистско-ленинская позиция.

Но возникает вопрос — являются ли классовые противоречия между социализмом и империализмом противоречиями *антагонистическими, т.е. НЕПРИМИРИМЫМИ?*

Для марксиста-ленинца ответ на этот вопрос может быть только положительным — да, противоречия, *классовые* противоречия между социалистическим строем и строем капиталистическим не могут быть никакими иными как только противоречиями *непримиримыми*. Если это так, а с точки зрения марксизма-ленинизма, я еще раз это повторяю, — это так, и иначе быть не может, признаем ли мы тем самым, что и противоречия *между государствами социалистическими и государствами капиталистическими*, между *правительствами этих государств*, — также являются противоречиями классовыми и антагонистическими?

Приходится ставить этот наивный, с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, вопрос, ибо вслед за абсолютно правильным утверждением о том, что «основное противоречие современного мира — противоречие между социализмом и империализмом», о том, что «борьба мирового социализма против империализма является стержнем классовой борьбы в мировом масштабе», — Программа КПСС и ее сторонники торжественно провозглашают о возможности мирного сосуществования государств с противоположным общественным устройством, о возможности взаимного соглашения между правительствами этих государств об отказе от войн, о возможности учета интересов друг друга и т.д. и т.п.

*Провозглашение Программой КПСС возможности мирного сосуществования на неопределенно долгий срок государств с различным общественным строем, провозглашение этого мирного сосуществования объективной необходимостью — по сути дела, означает не что иное как отрицание непримиримости классовых противоречий между социализмом и капитализмом.*

На мой взгляд, провозглашение политики мирного сосуществования в том ее виде, в котором она преподана Программой КПСС и ее защитниками, в конечном счете ведет к отрицанию или по крайней мере к *затушевыванию* марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе, к *политике примирения классовой борьбы* на данном этапе развития человеческого общества, к «*забвению социализма ради антимиитаризма*» (см. В.И. Ленин, соч., т. 13, стр. 76).

Объявляя политику мирного сосуществования «не временным перемирием между войнами», а «существованием двух *противоположных* общественных систем, основанным на отказе от войны», Программа КПСС *сводит эту противоположность* к какому-то эфемерному понятию, выхолащивает из нее марксистско-ленинское *революционное* содержание — ее классовую, антагонистическую, непримиримую сущность.

Объявляя о возможности взаимопонимания и доверия, о возможности учета империалистическими государствами интересов социалистических государств и наоборот, — мы с еще большей силой пропагандируем мысль о неглубоком противоречии социализма и капитализма.

Хрущев утверждал:

«Мы за мирное сосуществование между государствами с различным социально-политическим устройством, но мы против мирного сосуществования между враждебными классами. Мы за классовую борьбу. Не может быть мира между теми, кто эксплуатирует, и теми, кого эксплуатируют» (Речь на приеме в честь участников Всемирного форума молодежи. 19/IX-1965 г.).

Сказано красиво, но это заявление никак не вяжется с марксизмом-ленинизмом.

Нельзя быть, если оставаться на позициях марксизма-ленинизма, одновременно против мирного сосуществования между враждебными классами и за таковое между враждебными государствами.

Немыслимо утверждать, не покидая марксистско-ленинских позиций, что не может быть мира между эксплуататорами и эксплуатируемыми, одновременно заявляя о возможности мира между государствами эксплуататорскими и государствами социалистическими.

*Подобные утверждения возможны только тогда, когда мы перечеркнем все учение Маркса—Ленина о классах и классовой борьбе вообще, когда мы перечеркнем учение Маркса—Ленина о классовой природе государства в частности.*

В.И. Ленин учил нас тому, что

«Обвинять отдельных лиц в начале войны нельзя — ее создал капитал. Капитализм уперся в тупик. Этот тупик не что иное, как империализм» (т. 28, стр. 62—63).

«Если милитаризм — дитя капитализма, то и войны не могут быть уничтожены интригами правителей и дипломатов, и задача социалистов не будить иллюзий на этот счет, а наоборот, постоянно разоблачать лицемерие и бессилие дипломатических “мирных” шагов» (Воинствующий милитаризм).

«Если империализм был бы виной или преступлением отдельных лиц, тогда социализм мог бы оставаться социализмом. Империализм есть последняя ступень в развитии капитализма» (Речь на I Всероссийском съезде Советов).

«Война порождена не злой волей хищников-империалистов... Война порождена всем развитием всемирного капитала, миллиардами его нитей и связей» (Задачи пролетариата в нашей революции).

Этому учил Ленин. А Программа КПСС учит нас тому, что войну можно предотвратить, заключив *соглашение с правительствами империалистических государств.*

Она учит нас тому, что

«политика мирного сосуществования отвечает кровным интересам всего человечества, за исключением *воротил крупных монополий и военщины*» (стр. 61. *Подчеркнуто мной. — ГМ).*

Хрушев поучал, что

«мирное сосуществование государств с различным общественным строем может быть сохранено и обеспечено только самоотверженной борьбой всех народов против агрессивных устремлений империалистов» (Стенографический отчет XXII съезда КПСС).

«Никто не требует от правящих кругов США, чтобы они полюбили социализм, так же как они не могут требовать от нас, чтобы мы полюбили капитализм. Главное состоит в том, чтобы они отказались от решения спорных вопросов средствами войны» (там же).

Многие партийные и государственные документы совершенно аналогично трактуют этот вопрос —

«Мы считаем, что рабочий класс, трудящиеся всех стран могут вынудить империалистические правительства пойти на разоружение, прекратить войну» (Открытое письмо ЦК КПСС).

«Бороться за мир сегодня — это значит зорко следить за происками и махинациями поджигателей войны, поднимать священный гнев против тех, кто держит курс на войну» (Заявление Советского Правительства от 14/VII-63).

В докладе на февральском Пленуме ЦК КПСС 1964 г. это же самое говорил Суслов:

«Мы убеждены, что революционная борьба рабочих, всеобщий демократический подъем, растущая мощь социализма, решительные действия всех миролюбивых народов могут и должны принудить империалистов вопреки их желаниям посчитаться с требованием о разоружении».

Нетрудно заметить, что между позицией В.И. Ленина и позициями теоретиков и защитников Программы КПСС — дистанция огромного размера.

Для В.И. Ленина война — это неизбежный спутник империализма как последней стадии капитализма, одна из его главнейших, определяющих черт. Для В.И. Ленина бесспорно, что войны «неизбежны на почве частной собственности» и что поэтому их нельзя уничтожить или предотвратить соглашением между правительствами, нельзя уничтожить «борьбой с поджигателями войны», «воротилами крупных монополий» и т.п. представителями класса частных собственников.

Для теоретиков и составителей Программы КПСС война — это всего лишь политика, лишь порождение злой воли «воротил крупных монополий», «военщины», «узкой кучки монополистов» и т.п.

И нет ничего удивительного в том, что, следуя логике своих составителей и теоретиков, *Программа КПСС подменяет борьбу против класса империалистов в целом, борьбу за уничтожение частной собственности на средства производства, как объективного источника войн, борьбой с отдельными лицами или группами «воротил».*

На XXII съезде КПСС Хрущев говорил:

«Когда под давлением масс берут верх сторонники более или менее умеренной политики, происходит разрядка международной напряженности, тучи войны несколько расходятся. Когда же давление масс ослабевает и победу одерживают те группировки буржуазии, которые обогащаются на гонке вооружений и видят в войне возможность дополнительной наживы, — наступает обострение международной напряженности».

Ему вторил такой крупный теоретик нового курса как О.В. Куусинен:

«Мы далеки от того, чтобы рассматривать всю современную буржуазию как нечто целое и однородное. В ее рядах тоже идет процесс дифференциации. У нее нет и не может быть единой линии, особенно в таком решающем вопросе, как вопрос о войне и мире. Отсюда — две тенденции во внешней политике империалистических государств... Одна тенденция — воинственно-агрессивная... Другая — умеренно трезвая... На практике буржуазные правительства чаще всего идут на компромисс между требованиями двух крайних флангов буржуазного лагеря. А этот компромисс есть не что иное, как курс на поддержание международной напряженности, если только давление со стороны народных масс недостаточно сильно, чтобы заставить правящие круги согласиться на разрядку» (Стенограмма XXII съезда, т. 1, стр. 386—387).

Здорово получается по Программе КПСС и составителям! Ну как тут опять не вспомнить В.И. Ленина, который писал:

«Вот образчик филистерской доверчивости и забвения классовой борьбы. Правительство выходит чем-то вроде надклассового или надпартийного, на него только «давят» слишком сильно справа, на него надо посылнее давить слева» (т. 25, стр. 233).

Действительно, по Программе КПСС выходит, что правительства империалистических государств — это некие надклассовые или внеклассовые органы, независимые от «воротил крупных монополий», «от военщины», «от узкой кучки монополистов»; органы, выражающие интересы и проводящие политику НЕ этих «воротил», а выражающие интересы и проводящие политику «компромиссов», политику, способную учесть и классовые интересы социалистических государств.

Борьба против наиболее реакционных и оголтелых представителей класса буржуазии или его пособников — необходима, ибо и для дела рабочего класса и для дела мира безразлична, как говорил В.И. Ленин, разница «между Ллойд Джорджами и Гендерсонами, между Гендерсонами и Черчиллями».

*Но нельзя быть марксистом и сводить борьбу классов к борьбе с отдельными представителями враждебного класса. Нельзя быть марксистом и сводить борьбу за предотвращение войны к борьбе против отдельных представителей класса империалистов. Нельзя быть марксистом и сводить борьбу против войны к борьбе с отдельными «воротилами крупных монополий». Нельзя быть марксистом и вести борьбу против империализма, не затрагивая экономических основ империализма.*

Вспомним Ленина, писавшего, —

«Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ империализма, вперед ли идти, к дальнейшему обострению и углублению противоречий, порождаемых им, или назад, к притуплению их, являются коренными вопросами критики империализма» (Империализм как высшая стадия капитализма).

Получается, как говорил Ленин, что мы

«...отрываем политику империализма от его экономики... Выходит, что монополии в экономике совместимы с монополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике. Выходит, что территориальный раздел земли, завершенный как раз в эпоху финансового капитала и составляющий основу своеобразия теперешних форм соревнования между крупнейшими капиталистическими государствами, совместимы с неимпериалистической политикой. Получается затушевание, притупление самых коренных противоречий... вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма» (там же).

Чрезвычайно интересна в этом отношении та часть выступления В.И. Ленина на I Всероссийском съезде Советов, в которой он говорит о «Воззвании для всех стран» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, где было в частности сказано: «Наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран. Наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». Именно по поводу этих слов Владимир Ильич заметил:

«Правительство, какой бы формы правления оно ни было, выражает интересы определенных классов, что потому противопоставляет правительство и народ... есть величайшая теоретическая путаница, есть величайшая политическая беспомощность, есть осуждение самих себя и всей своей политики на самое шаткое и неустойчивое положение» (т. 25, стр. 16—18).

Ничего другого к этим словам В.И. Ленина не добавишь.

Политика так называемого мирного сосуществования, основанная на соглашении между правительствами государств с противоположным общественным устройством, с точки зрения марксизма-ленинизма, сводится, в сущности, к благому намерению заставить империализм не быть империализмом, она есть «осуждение самих себя и всей своей политики на самое шаткое и неустойчивое положение».

*(Продолжение следует)*

## Городское самоуправление и общественные банки во второй половине XIX в.

А.И. Чвикалов

Возникнув в начале XIX в., городские общественные банки прошли полувек-овой период становления. Только в 1857 г. были изданы для них правила, а в 1862 г. появился «нормальный», то есть типовой, устав, который закрепил сложившуюся практику: общественные банки состояли при местных городских думах под наблюдением и ответственностью городского общества. Если в целом финансово-экономическая и бюджетная политика городских самоуправлений довольно обстоятельно исследована<sup>1</sup>, то функционированию общественных городских банков уделялось мало внимания, тогда как характер реагирования общественности, правительственных структур, самих органов самоуправления на кризисные ситуации в этой системе, а также выработка правительством мер по укреплению городских общественных банков представляют интерес.

В конце 1860-х годов в связи с развертывавшимся железнодорожным строительством, многочисленными внешними займами, ликвидацией откупов и введением акцизной системы, банковской реформой наблюдался экономический подъем. Неизбежным его спутником стал дух спекуляции: акции железных дорог, пароходств, других предприятий, выигрышные билеты «стали приобретать такую значительную премию, — свидетельствовал Е.И. Ламанский, — что публика, даже не имевшая никаких капиталов, бросилась на приобретение их, закладывая свои ценности в банках»<sup>2</sup>.

Промышленный подъем, длившийся примерно десятилетие, закончился в начале второй половины 1870-х годов. Предвестником спада стал крах Московского ссудного банка. Это событие произвело на общество тягостное впечатление, тем более удручающее, что к банкротству банка были причастны должностные лица городского самоуправления; стало известно, что городской голова Д.Д. Шумахер, узнав об опасном положении банка, забрал свои деньги.

Умеренно-либеральный «Вестник Европы», осуждая этот поступок, указывал на то, что человек, облеченный доверием московского городского общества, член совета банка «с окладом», обязанный периодически его ревизио-

---

*Чвикалов Алексей Иосифович* — кандидат исторических наук, доцент Воронежского филиала Российского государственного социального университета.

вать, оправдывался полным незнанием состояния операций банка вплоть до его катастрофы. Более того, «тот факт, что затем знание свое употребил прежде всего для того, чтобы вынуть три четверти своих вкладов, объяснил следующим образом: “Такое деяние никаким законом не преследуется”»<sup>3</sup>.

В период крушения банков, отмечала в феврале 1882 г. воронежская комиссия по проверке банков, нужны «необыкновенные усилия». Всегда находятся такие лица, которые, узнав о крахе, преднамеренно готовятся к банкротству, переводят товары и имущество на других лиц. «Нечего и говорить, какое деморализующее влияние производит подобная система на промышленный класс, — отмечалось в докладе комиссии. — Всякие узы дружбы и родства разрушаются, является озлобление, ненависть и, в конце концов, всеобщее разорение»<sup>4</sup>.

Пытаясь найти причины кризисов, свергнувших общество в расстройство и смятение, «Вестник Европы» указывал на слишком быстрое обогащение, за которым не поспевало «созреть и окрепнуть» «прочное и бесспорное общественное мнение». Одним общественным деятелям наступление капитала доказало, что «многое, о чем они мечтали, невозможно; другим — что возможно лишь то, о чем и мечтать не стоит; третьим — что при таких обстоятельствах вернейшее средство для всяческого успеха во всякой карьере есть фальшивый либерализм на языке, с бюрократизмом в душе, служение общественному делу на словах и подставление ему всяких тормозов в действительности, честность в речах, а на деле набивание своего кармана таким образом, чтобы и “невинность сохранить, и капитал приобрести”». Журнал либеральной интеллигенции «Дело» объяснял кризис забвением экономической теории, которая признает богатством только то, что создает материальные ценности. «А какие материальные ценности, — указывал журнал, — создает биржевая игра, игра на повышение и понижение, жизнь на проценты от вкладов, аферы, спекуляции... Деньги перекадываются из кармана в карман, а новых материальных ценностей никаких не создается. Предположим, что все наши дельцы, играющие в эту некрасивую игру, внезапно переселились куда-нибудь со своими десятью миллионами. Какая бы явилась беда от этого России? Никакой. Сколько у нас было хлеба, столько и останется; сколько мы производили платьев, обуви, машин, предметов жизненной потребности, столько их и будем производить»<sup>5</sup>.

Социально-нравственная диагностика кризисных явлений, представленная в печати, оказывала влияние и на позицию правительства, признававшего, что крах любого банка — это удар и по его престижу: общественность всегда болезненно реагировала на такие события. Недовольство выражалось не только в печати, но и в выступлениях на различных собраниях и в клубах и другими путями. Художник В.Е. Маковский под впечатлением событий, вызванных несостоятельностью Московского ссудного банка, создал знаменитое полотно «Крах банка» (1881 г.). Он изобразил смятение и расстройство людей — представителей всех сословий и групп — в момент объявления о гибели банка и передал ту мысль, что каждый такой крах — это бедствие, затрагивающее широкие слои населения. В центре картины изображена почтенная дама, которая свои претензии предъявляет полицейскому — символу государственности.

Неблагополучие в банках городских самоуправлений особенно привлекло внимание правительства в конце 1870-х — начале 1890-х годов. Из 200 городских общественных банков, имевшихся в стране на начало 1880-х годов, к 1888 г. прекратили свою деятельность и были объявлены несостоятельными должниками 20. Среди них оказались такие крупные, как Скопинский (1882 г.), Орловский (1884 г.) и Тульский (1886 г.). Обманутые вкладчики

жаловались на то, что деятельность этих банков вплоть до разорения никем не контролировалась. Правительство, не обладавшее правом контроля общественных банков, пересылало подобные жалобы в соответствующие городские думы для принятия мер. Но это мало помогало<sup>6</sup>.

В конце 1870-х годов были сделаны шаги, направленные на оздоровление городских общественных банков. 22 мая 1879 г. городским думам было предоставлено право учреждать по своему усмотрению при городских общественных банках учетные комитеты для определения надежности представляемых к учету векселей и для ведения списков кредитующихся в банке лиц. Трех членов учетного комитета избирала дума на срок до четырех лет из купцов 1-й и 2-й гильдий или других лиц, имевших право голоса на выборах в городскую думу. Правление банка было обязано каждый представляемый к учету вексель предъявить комитету, заключение которого излагалось в специальном журнале. Не одобренный комитетом вексель не мог быть принят к учету<sup>7</sup>.

Удовлетвориться подобными паллиативными решениями обстановка повторяющихся финансовых крахов не позволяла. В правительстве зрела мысль радикально изменить Положение о городских общественных банках от 6 февраля 1862 года. Министерство финансов подготовило для внесения в Государственный совет соответствующую записку<sup>8</sup>.

Предлагаемые изменения ставили целью оградить городские банки от эгоизма и злоупотреблений со стороны спекулятивных элементов, ибо, как обобщал ситуацию в 1875 г. один из современников, «банковское дело наполнину опирается на помощь Государственного банка, на четверть — на призраки и только, быть может, на одну четверть — на собственные капиталы»<sup>9</sup>. Хотя это высказывание относилось в большей степени к частным банкам, но и в городских банках водились «призраки».

Усиливая контроль за деятельностью городских общественных банков, правительство подвергло радикальному пересмотру Положение о банках 1862 г., его раздел «Делопроизводство и отчетность банков». Кроме того, порядок проверки наличности и отчетов банков определялся особой инструкцией, утверждаемой министром финансов по согласованию с министром внутренних дел. При избрании лиц, которым дума поручала проверку наличности банка и ревизию годового отчета, предусматривалась закрытая подача голосов. В то же время правительство не стремилось совсем ликвидировать думский контроль над банком. Министр финансов Н.Х. Бунге, очевидно, понимал всю пагубность подобного отстранения думы и взваливания на плечи государства всей ответственности за судьбы городских банков. В окончательной редакции ст. 33 Положения о городских банках устанавливала, что в том случае, если городская дума будет просить правительственной ревизии или если о необходимости устранения допускаемых в банках беспорядков заявит городской думе не менее пятой части гласных, а дума не приняла мер, то министр финансов по соглашению с министром внутренних дел назначает ревизию банка. Ревизия производилась в присутствии выборного представителя городской думы. Позже данное положение было изменено: министр финансов назначал проверку банка по представлению губернатора, основываясь на постановлении губернского по городским и земским делам присутствия<sup>10</sup>.

Министру финансов, по согласованию с министром внутренних дел, разрешалось назначать чрезвычайные ревизии городских общественных банков в случае получения сведений о допускаемых в них беспорядках. Запрещалось одновременно служить в правлении банка лицам, состоящим в родственных и торговых отношениях; также запрещалось совмещать должности



директора банка и его заместителей со службой в городском самоуправлении по выборам <sup>11</sup>.

Существенные поправки касались обеспечения интересов кредиторов. В случае краха банка они предъявляли свои претензии к городскому обществу, по уставу 1862 г. оно ручалось за целостность сумм банка. Теперь устанавливалось, что поручительство городского общества обеспечивается реальным залогом, а именно свободным городским имуществом. Городским думам предписывалось уже при ходатайстве об учреждении банка представлять удостоверение об имеющемся в их распоряжении свободном имуществе, которое могло служить указанной цели. В таком случае министр финансов одновременно с разрешением учредить банк должен был сделать распоряжение о наложении запрещения на указанное имущество <sup>12</sup>.

Для укрепления устойчивости банков вводилось изменение в допустимое соотношение между капиталом банка (основным и запасным) и суммой его долговых обязательств: все обязательства банка не должны были превышать его капитал более чем в 5 раз (а не в 10 раз, как раньше). Запасной капитал банки могли держать теперь только в государственных фондах либо в государственных банках. На его формирование банк обязывался отчислять от 10 до 20% получаемых прибылей. Банку не разрешалось выдавать кредит на сумму более 1/10 части банковского капитала. Был строго определен порядок делопроизводства, отчетности, распределение прибылей на пополнение капитала запасного и основного, отчисления на городские и благотворительные нужды <sup>13</sup>.

В разработке поправок и, по существу, выработке нового закона о городских общественных банках приняли участие представители городских самоуправлений, в частности городские головы и директора городских банков. Из представителей губерний Центрального Черноземья наиболее активная роль в этом плане принадлежала воронежскому городскому голове А.Н. Аносову, юристу по образованию, имевшему опыт общественной деятельности и, главное, хорошо разбиравшемуся в финансово-юридических основах банковского дела <sup>14</sup>. Не случайно воронежская городская дума, во главе которой стоял Аносов, уже в конце 1870-х — начале 1880-х годов неоднократно обращалась в Министерство финансов с предложением усовершенствовать городскую банковскую систему.

20 января 1882 г. прошло совещание по вопросу об изменении Положения о городских общественных банках. В этом совещании, проходившем под председательством Бунге, участвовали вызванные из разных городов империи пять городских голов и два директора городских банков. На совещании Аносов внес ряд собственных предложений по усовершенствованию банковской системы, выступал против чрезмерного ограничения прав городского самоуправления по руководству банками (ревизионные инструкции, обязательное учреждение учетных комитетов), настаивая на тех изменениях положения, о которых ранее ходатайствовала воронежская городская дума и которые были направлены на большее обеспечение имущественных интересов города. Видя, что предложенные воронежской городской думой изменения не отразились в министерском проекте, Аносов «по совещании с другими вызванными по этому делу представителями городов и банков, счел долгом остаться при особом мнении, причем нами приложена была к журналу заседаний особая записка, копию которой мы представили при докладной записке г. министру внутренних дел, — отчитывался Аносов в думе. — В этой записке, изложив наши взгляды на необходимость одновременного всеобщего пересмотра положения 1862 г. в том духе и направлении, о котором ходатайствовали городские общества, мы просили, чтобы законопроект об изме-

нении всего положения о городских общественных банках был предварительно разослан на заключение городских дум»<sup>15</sup>.

11 февраля 1882 г. комиссия, назначенная воронежской городской думой по вопросу о пересмотре положения о городских банках (городской голова Аносов, три члена управы, пять гласных думы и заместитель директора городского банка), доложила думе о проведенной работе. По сравнению с министерским проектом, комиссия наметила расширение прав городских банков, усиливавшее их конкурентоспособность во взаимодействии с частными банками. В частности, комиссия предлагала расширить круг разрешенных городскому банку операций. По Положению 1862 г. городские банки имели право производить лишь четыре операции: принимать вклады, учитывать векселя, выдавать ссуды, покупать и продавать государственные процентные бумаги. Комиссия предложила добавить открытие текущих счетов (с обеспечением их как процентными бумагами, так и недвижимым имуществом), выдачу ссуд под движимое имущество (по назначению городской думы) и под квитанции железных дорог, прием к учету соло-векселей (исходя из личной благонадежности кредитующегося лица), то есть векселей, подписанных одним лицом<sup>16</sup>.

Хотя в окончательный текст Положения 1883 г. в дословном виде эти предложения не вошли, ст. 40 этого Положения, о правах городских банков на проведение операций, к прежним четырем добавила шесть (в том числе покупку и продажу за собственный счет государственных процентных бумаг и облигаций, монет и драгоценных металлов в слитках, залог принадлежащих банку процентных бумаг, перевод денег во все места, где находятся корреспонденты банка)<sup>17</sup>.

Ряд предложений касался увеличения сроков ссуды под залог недвижимого имущества. Для жителей города, в том числе тех, кто приступал к предпринимательской деятельности, городской банк иногда являлся единственным возможным источником кредита. Банки такие ссуды выдавали. Но из-за крайне ограниченного, по положению, срока погашения многие заемщики не могли своевременно расплатиться с банками.

Воронежская городская дума еще в феврале 1879 г. пришла к заключению, что, например, из-за кратковременности ссуд под деревянные дома возникают затруднения. «При незначительной в городе доходности строений, — говорилось в постановлении думы, — собственники не могут рассчитывать на возможность погашения ссуды в такой короткий срок доходами с заложенных имуществ, отчего многие из них вынуждены бывают закладывать принадлежащие им в городе строения на более невыгодных для себя условиях в земельных банках, которые имеют право делать ссуды на более продолжительные сроки». Поэтому «для пользы и выгоды местного населения» дума предлагала выдавать ссуды под залог деревянных строений на срок до 8 лет, а каменных строений и земли — до 12 лет. Комиссия также указывала, что срок ссуд под залог процентных бумаг «мог бы быть увеличен до 9 месяцев, как это установлено для Воронежского коммерческого банка»<sup>18</sup>.

Дума также ставила вопрос о расширении прав городского банка во взаимоотношениях с должниками. Другие частные банки могли входить в соглашения с должниками об уплате остатка долга в рассрочку. Городской банк, такого права лишенный, из-за этого не мог получить даже части долга. Выдвигалось также предложение для привлечения вкладчиков выдавать им проценты по бессрочным вкладам по истечении одного, а не шести месяцев. Шестимесячный срок, по мнению комиссии, уменьшал «приток в банках бессрочных вкладов»<sup>19</sup>.

Эти и другие данные свидетельствуют, что на местах органы самоуправления в большей степени учитывали интересы горожан, нуждающихся в фи-

нансовых средствах. Сами испытывая финансовые трудности, органы самоуправления пытались получать доходы посредством банковской структуры, допуская в этом случае значительную долю риска.

Диалог центральной и местной власти помогал находить оптимальный подход к кредитованию местных нужд. Если центральные ведомства хорошо видели всю пагубность массовых банкротств городских общественных банков из-за неспособности городских самоуправлений наладить их нормальную деятельность, то наиболее компетентные представители городских самоуправлений, стремясь по возможности использовать свои банки, зачастую с риском для их устойчивости, старались освободиться от излишней опеки государственных структур.

Возникает вопрос: была ли преувеличенной перестраховка Министерства внутренних дел и Министерства финансов, выражавшаяся в ограничении свободы действий городских банков?

В целом меры по ужесточению правительственного контроля за деятельностью городских общественных банков не смогли предотвратить тех крахов, которые произошли в 1880-е годы. Показателен пример случившегося с Орловским городским банком. Первые признаки неблагополучия в нем проявились еще в начале 1870-х годов. Но длительное время из-за отсутствия контроля банковский кризис развивался незамеченным в столице. Осенью 1882 г. встревоженные вкладчики начали требовать возвращения вложенных средств. В ноябре 1882 г. Орловскому общественному банку местное отделение Государственного банка открыло кредит по переучету векселей на 700 тыс. рублей. Однако вскоре выяснилась недостаточность этой суммы для удовлетворения всех требований вкладчиков. Тогда учетный комитет отделения Государственного банка решил разобраться, насколько надежно положение общественного банка, и предложил правлению представить свой вексельный портфель и сведения о ссудах под залог недвижимого имущества. По мере изучения представленных векселей отделение Государственного банка выдавало общественному банку дополнительные ссуды. В результате долг общественного банка государственному в 1883 г. вырос до 1435 тыс. руб. при обеспечении векселями на 2208 тыс. рублей<sup>20</sup>.

Командированный в Орел чиновник Министерства финансов доложил, что для упрочения положения банка необходимо прежде всего возместить ущерб, нанесенный ему в прежнее время «вследствие злоупотреблений и неправильного ведения банковских операций». Но приступить к этому банк не может «по совершенному неимению средств», а продолжение помощи со стороны Государственного банка допустимо «не прежде как по устранении от дела членов правления банка, виновных в противоправных действиях, и по избрании городским обществом нового, благонадежного состава сего правления»<sup>21</sup>.

После обнаружения в банке крупной недостачи делегация Орловской городской думы 4 апреля 1883 г. прибыла в Петербург для переговоров с Министерством финансов и Государственным банком об условиях предоставления Орлу государственного займа. Бунге заявил, что заем может быть предоставлен, если и город «не откажется принести жертвы, вызываемые этой помощью»<sup>22</sup>. Одновременно в Орле началось расследование деятельности бывших членов правления городского общественного банка. 27 июня 1884 г. банк был признан банкротом, 16 января 1885 г., по заключению Харьковской судебной палаты, за обнаруженные подлоги и растраты директор банка И.А. Авилов, члены правления Н.К. Бахтин и М.В. Кубышкин, бухгалтер Н.Н. Пацковский, Орловский городской голова Н.В. Митин были преданы суду<sup>23</sup>.

6 февраля 1886 г. конкурсное управление обанкротившегося банка выиграло в суде дело о взыскании с города 528 тыс. рублей. В ноябре 1887 г. по

приговору харьковской судебной палаты бывший директор банка Авиллов был лишен «всех особенно лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ... золотых медалей на Станиславской и Анненской лентах» и сослан на два года в Томскую губернию с допущением по истечении этого срока выезда в другие губернии Сибири в течение шести лет. Члены правления банка Бахтин и Кубышкин считались «удаленными от должности», но от наказания были освобождены. С Авиллова, Бахтина и Кубышкина суд определил взыскать поровну, с круговой друг за друга ответственностью, 2021 тыс. рублей. В связи с признанием их несостоятельными должниками все это взыскание переходило на городское самоуправление. Бухгалтер Пацковский и городской голова Митин считались по суду оправданными. Всего суд признал правомерными претензии вкладчиков к бывшему городскому банку на 3,6 млн руб., и городскому самоуправлению предстояло срочно изыскать необходимые средства. «Громадный банковский долг, — отмечал «Орловский вестник», — ...в виде дамоклова меча висит над Орлом, угрожая когда-нибудь упасть на город и окончательно погубить и без того расстроенное его экономическое состояние»<sup>24</sup>. Требовалась долгосрочная правительственная ссуда. Для исправления ошибок, допущенных прежней городской управой, правительством был назначен чиновник. Исчисленная необходимая сумма займа под обеспечение городским недвижимым имуществом достигала 1,2 млн рублей.

15 октября 1887 г. орловская дума постановила ходатайствовать «перед высшим правительством об испрошении высочайшего соизволения на разрешение г. Орлу займа 1 200 000 руб. и на выдачу этой ссуды из Государственного банка для удовлетворения кредиторов несостоятельного городского банка с освобождением города от всякой ответственности за долг города несостоятельному банку, равно как и от всяких дальнейших претензий со стороны кредиторов банка»<sup>25</sup>.

Министр финансов И.А. Вышнеградский по поводу ходатайства Орловской городской думы о ссуде обратился к министру внутренних дел Д.А. Толстому со специальной служебной запиской. По его словам, свободные средства г. Орла, которые подлежат обращению в распоряжение конкурсного управления банком, достигали 72 000 рублей. Ежегодное поступление такой суммы в конкурсную массу «поставило бы в затруднение кредиторов и вкладчиков банка, которым пришлось бы очень долго ожидать следующего им удовлетворения», от этого «создавались бы для городского управления крайне стеснительные условия»<sup>26</sup>.

Главное, на что надеялась орловская дума, было то, что вместе с выдачей правительственной ссуды «будет установлено обязательное для всех кредиторов условие об ограничении их претензий тою суммой, которая причитается каждому из них из выданной городу ссуды». Дума рассчитывала, что вкладчики банка «силою самого распоряжения правительства» будут «лишены части своих претензий, которая не будет покрыта из ссуды». Таким образом, правительство отвечало бы за промахи, ошибки, а иногда и преступления, которые наблюдались в городском самоуправлении, писал Вышнеградский, «в видах защиты интересов города»<sup>27</sup>. Основную задачу орловская дума видела в том, чтобы убедить правительство, во-первых, в способности города пойти на жертвы при выплате кредита и, во-вторых, в том, что вкладчики банка согласятся на те условия расчета по долгу, которые будут предложены думой. Для того, чтобы убедить правительство в способности города покрывать ежегодные платежи по намечаемому займу, дума организовала специальную комиссию, в задачу которой входило выявить доходные источники города.

Комиссия учла каждую мелочь, не забыв даже о налоге на владельцев собак. Основную часть дохода составляли: оценочный сбор — 81 тыс., сбор с квартир — 23,6 тыс., сбор с транспортировки товаров — 48,4 тыс., сборы с торговых мест — 15,7 тыс., сбор с железных дорог за использование городской земли — 6,5 тыс. рублей<sup>28</sup>. Больших усилий потребовало получение согласия вкладчиков на «такое их удовлетворение, которое предлагалось думой». Более двух тысяч вкладчиков банка были рассеяны по всей России, и городской управе в течение 1888—1892 г. пришлось входить с ними в многократные, в большинстве случаев личные, контакты. К апрелю 1892 г. согласие имелось на сумму 1,7 млн рублей. Это означало, что для достижения большинства не хватало заявлений от согласных вкладчиков всего на сумму около 100 тыс. рублей. «Наш город, — отмечал в мае 1892 г. «Орловский вестник», — находится в столь тяжелом экономическом положении, в каком находятся лишь немногие города империи»<sup>29</sup>.

Имя города склонялось не только в местной, но и общероссийской печати. «Русская жизнь» поместила издательский фельетон, в котором говорилось, что «за ненадобностью и излишеством, за сходную цену продается город Орел — весь целиком и враздробь. Справляться в орловской городской думе. Может быть сделана уступка». Выдержки из фельетона перепечатал «Орловский вестник»<sup>30</sup>.

Кульминация драматических событий, связанных с крахом Орловского городского общественного банка, стала смерть губернатора. 49-летний губернатор Д.П. Евреинов, приступивший к исполнению своих обязанностей в феврале 1892 г. и успевший в Орле «расположить к себе всех своею простотою и сердечностью», прибыв 31 мая 1892 г. в Петербург по делам, связанным с финансовым положением города, скоропостижно скончался<sup>31</sup>.

В конечном счете к началу XX в. город выбрался из той западни, в которую он попал из-за некомпетентности, недобросовестности местных финансовых деятелей и отсутствия должного контроля со стороны органов самоуправления.

Крах Орловского городского банка косвенным образом повлиял на уездные банки губернии, прежде всего мценский и брянский. В брянском банке удалось своевременно вскрыть крупные нарушения, и он избежал крупных потрясений. В июне 1887 г. брянская дума избрала специальную комиссию по ревизии отчета банка за 1886 год. В докладе комиссии, заслушанном думой 10 июля 1887 г., отмечалось, что просроченные векселя и исполнительные листы для взысканий проверялись «только по книгам банка, так как поверенные банка не могли представить комиссии сами документы, находящиеся в производстве по разным судебным учреждениям». Как видно, злоупотребления в банке зашли уже далеко. По данным комиссии, количество опротестованных векселей достигло в общей сумме более 121 тыс. руб., что значительно превысило показатели предыдущих лет и «было слишком велико для городского банка». Главное, что вызывало беспокойство у членов думы — это неплатежеспособность заемщиков банка. Было решено просить правление банка представить думе поименный список должников и документальные доказательства о ходе взысканий по протестным векселям и исполнительным листам, в том числе «квитанции и расписки судебных учреждений, куда документы представлены»<sup>32</sup>.

В данном случае дума, убедившись в недостаточной дееспособности комиссии, взяла на себя и организационную работу и ответственность за состояние дел в брянском банке. Это стало возможным потому, что деятели думы не были сами замешаны в махинациях.

Другая ситуация сложилась в Мценском городском банке. В отличие от Брянска, в Мценске в махинациях были замешаны не только члены правле-

ния банка, но и члены городской управы, в том числе городской голова. Привилегированным заемщикам разрешалось погашать вексельные долги не деньгами, а так называемыми «вкладными билетами», которые представляли собой сомнительную ценность. По данным на 1886 г., члены правления банка и городской голова погасили таким образом свои долги в банке на 11 015 рублей. Характерно, что правление банка, пытаясь узаконить свои действия, обратилось к думе с предложением «о дозволении ему таких сделок». Хотя дума в постановлении от 22 марта 1887 г. постановила «вопрос этот, как незаконный, отклонить», тем не менее члены правления банка, имея в лице городского головы покровительство, продолжали подобные «сделки». Уже накануне краха банка его правление успело провести незаконные сделки на сумму 3740 рублей. Всего в банке было погашено долгов вкладными билетами на 88 тыс. рублей.

Для того, чтобы сохранить видимость благополучия, правление банка, регулярно отчитываясь, ежегодно показывало «чистую прибыль», часть которой распределялась на вознаграждение членов правления банка. За период со дня создания банка (2 мая 1867 г.) по 15 апреля 1887 г. — дату признания его несостоятельным, из таких «прибылей» было выдано: на городские надобности — 20 642 руб. 57 коп., на вознаграждение членов его правления — 18 949 руб. 92 коп., на благотворительность — 3729 руб. 20 копеек. Вознаграждение, полученное членами банковского правления, практически равнялось сумме, израсходованной на городские потребности. Это было возможно благодаря тому, что до издания нового положения о городских общественных банках 1883 г. не существовало строгих правил о порядке вознаграждения членов правления банков, и дума, подчиняясь давлению заинтересованных лиц, чрезмерно расходовала банковские средства на эти цели.

В свою очередь городским думам правление банка давало возможность не выплачивать проценты по занимаемым средствам, нарушать сроки возврата. При расследовании причин краха мценского банка выяснилось, что дума с 4 октября 1872 г. по 28 декабря 1874 г. взяла в банке кредиты на 15 363 руб., но по день закрытия банка ни процентов, ни капитала дума не выплачивала. В результате за городом числился долг в сумме 32 883 руб., который, как сказано в судебном решении, должен быть «отнесен в убыток ввиду неоднократных отказов города пополнить эту сумму»<sup>33</sup>.

Немаловажную роль в разорении Мценского городского банка сыграли обстоятельства, не зависевшие непосредственно от действовавших в ближайшем окружении банка лиц. Начав свою деятельность с капитала в 10 тыс. руб., мценский банк особенно больших успехов достиг в 1862 г., когда его основной капитал достигал 60 тыс. руб., ссуды банка под недвижимость составляли 95 тыс. руб., по срочным векселям — 465 тыс. руб., на текущем счету имелось 614 тыс. рублей<sup>34</sup>. Но с 1883 г., после краха скопинского и орловского банков, началось сокращение его операций. Вклады в банк перестали поступать, особенно начиная с 1885 г., когда обнаружили злоупотребления в Мценском обществе взаимного кредита, в то время как банк остро нуждался в оборотном капитале. С этого времени и начались махинации в банке, как своеобразный способ выхода из кризиса. Именно в период кризиса усиливались нарушения норм в самоуправляющихся структурах.

Крах городских общественных банков вызывал панику среди населения, что в свою очередь еще усиливало напряженность в финансовых делах. В ряде случаев городские головы вынуждены были для предотвращения паники публично опровергать распространяемые домыслы. Корочанский городской голова П. Алферов в феврале 1882 г. в «Курских губернских ведомостях» назвал беспочвенными слухи о том, что городское самоуправление якобы

для уплаты долгов своего общественного банка увеличило налоги на недвижимое имущество жителей города<sup>35</sup>.

Во второй половине 1890-х годов, когда Министерство внутренних дел возглавлял И.Л. Горемыкин, а Министерство финансов — С.Ю. Витте, существенных разногласий между ними в отношении того, в какой мере следует оказывать правительственную поддержку разорившимся банкам, не наблюдалось, хотя акцентные ими расставлялись по-разному. В мае 1899 г. по поводу ходатайств козловской (Тамбовская губ.) и владикавказской городских дум об оказании этим городам поддержки в связи с несостоятельностью их банков у министров состоялся обмен записками. Горемыкин признавал, что «косвенная ответственность за неудовлетворительность дел в городских общественных банках падает и на правительство». По его мнению, ни в положении 1862 г., ни в Городовом положении 1870 г. правительство не смогло исчерпывающе предусмотреть все случаи, когда городское общественное самоуправление должно оказать противодействие корыстным проделкам недобросовестных лиц как в руководстве банков, так и в составе гласных городских дум. Соответствующие разделы этих положений быстро устаревали ввиду ускоренного роста банковского кредита и ограниченности капитала в торговле. Капитал, по мнению Горемыкина, деформировал нормальные человеческие отношения, в результате чего «упрочение личных отношений с правлением городских банков сделалось преобладающим интересом среди торгового класса в городах», торговцы же составляли «самое влиятельное большинство в городских думах, борьба с которым, в виду созданных законом условий... была для прочих классов горожан совершенно невозможна». Гласные-купцы «становились в совершенную зависимость от правлений банков», которые всегда могли прекратить переписку векселей, закрыть кредит и вообще подорвать положение кредитующегося в банке лица. Это порождало «полный произвол директоров банков» при отсутствии «какого бы то ни было действительного надзора за ними со стороны органов городского самоуправления»<sup>36</sup>.

Условием ответственности горожан за происходящее могло быть только наличие у них права контролировать эти события. Если они не имели такой возможности, то и не должны отвечать. В связи с этим Горемыкин полагал, что «едва ли справедливо», когда обязанность возмещать такого рода убытки государственная власть возлагает исключительно на город, обыватели которого в подавляющем большинстве «никак не могли следить за действиями лиц, заведовавших банковскими делами». Горемыкин напоминал и об отсутствии единого подхода Государственного совета и Сената в оценке степени ответственности города перед вкладчиками при крахе общественного банка. Действительно, 30 декабря 1872 г. Государственный совет указал, что город отвечает за сохранность денег вкладчиков своим имуществом. Но как только возникли в судебной практике вопросы о взыскании средств с городов по долгам несостоятельных банков, «так правила эти были истолкованы правительствующим Сенатом в смысле, совершенно уничтожающем всякое действительное значение»: на пути взыскания долговых претензий с городов «поставлены были, по соображениям практической необходимости и общегосударственных интересов, преграды, которых никто ранее предвидеть не мог», они исключали возможность защиты своих прав кредиторами банков<sup>37</sup>. Министр внутренних дел предстает здесь в роли защитника прав вкладчиков, доказывая, что государство должно стоять на страже их интересов.

Министр финансов делал иные выводы. Он намеревался отучить городские самоуправления все время надеяться на государственную помощь. По мнению Витте, нельзя было допустить, чтобы в сознание городских деятелей

«вселялось бы убеждение, что как бы плохо ни велись банковские дела и каков бы ни оказался окончательный исход банковской деятельности, во всяком случае городскому общественному управлению, при несостоятельности банка, доступна... казенная субсидия». Если предоставить денежную помощь Козлову и Владикавказу, писал Витте, то «и прочие городские управления, на которых уже легло бремя расплаты с вкладчиками... обратились бы к казне, и было бы затруднительно отказать в таких домогательствах». Он полагал, что оказанию помощи городам с разорившимися банками должно предшествовать исчерпание их собственных резервов. Если финансовое положение Козлова не позволяет немедленно удовлетворить кредиторов, то во Владикавказе «приступить к расплате с кредиторами теперь же представляется вполне возможным»: повышение городского дохода на 80 тыс. руб. «легко допустимо без всякого напряжения платежных сил населения». Витте пришел к заключению, что «приисkanie сумм, необходимых на покрытие претензий к... несостоятельным банкам» допустимо для казны только при том условии, что прежнее город максимально использует свои возможности<sup>38</sup>. В этом плане он продолжил политику своих предшественников — Бунге и Вышнеградского.

Кризисы городских общественных банков зачастую были связаны не только с неэффективностью их проверок органами самоуправления, но и с тем, что сами проверяющие из корыстных побуждений попадали в зависимость от руководства банка. Саратовский городской голова А.О. Немировский отмечал, что из-за отсутствия хорошо подготовленных бухгалтеров городское самоуправление довольствовалось услугами бухгалтеров-самоучек; один из них использовал в своей работе собственные приемы и формы, а другой такой же самоучка-счетовод ревизионной комиссии их не признавал и рекомендовал другие, свои. В то же время «полуграмотный член управы не знает ни тех, ни других... При таких порядках всяким перерасходам, недочетам и даже хищениям и растратам все двери настежь. И долго под прикрытием непонятных для управы бухгалтерских иероглифов длится такое хозяйничанье, пока не образуется в кассе такая яма, что своей зияющей глубиной встряхнет даже благополучного в своем неведении “градского главу”»<sup>39</sup>.

В пореформенный период роль городских общественных банков значительно выросла, они становились важным инструментом накопления средств жителями города. Вместе с тем опыт руководства общественными банками в 1860-е — 1890-е годы показал, что с этой задачей могли справиться не все городские самоуправления: каждый десятый из 200 общественных банков потерпел крах.

### Примечания

1. НАРДОВА В.А. Самодержавие и городские думы. СПб. 1994; Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск. 2003; ВИНОГРАДОВ В.Ю. Становление и развитие городского самоуправления в России 1870—1914 гг. М. 2006; АСАНОВ Р.Ф., ИВАНЮТИНА Е.В. Городское самоуправление в России во второй половине XIX века. Нефтекамск. 2007; и др.
2. ЛАМАНСКИЙ Е.И. Воспоминания 1840—1890 гг. Пенза. 1995, с. 199.
3. Вестник Европы, 1875, № 12, т. 6, с. 799—800. Хроника.
4. Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1882 г. Воронеж. 1882, с. 5.
5. Вестник Европы, 1875, № 12, т. 6, с. 800; Дело, 1875, № 11, с. 92—93.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1287, оп. 33, л. 1206, л. 93об.
7. Свод законов Российской империи. Устав кредитный. Т. 11. Ч. 2. СПб. 1903, ст. 15, 220; ст. 71, с. 230.
8. Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1882 г., с. 1.
9. Вестник Европы, 1875, № 12, т. 6, с. 798.



10. Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2. Ст. 15, с. 221—224; ст. 30—35, с. 223.
11. Там же. Ст. 33, с. 223; ст. 6, с. 219.
12. Там же. Ст. 46, с. 225.
13. Там же. Ст. 41, с. 225; ст. 159, с. 241; ст. 143, с. 239.
14. ПОПОВ П.А. Городское самоуправление Воронежа: 1870—1918. Воронеж. 2006, с. 370.
15. Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1882 г., с. 4, 3.
16. Там же, с. 3—4.
17. Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2. Ст. 40, с. 224.
18. Постановления Воронежской городской думы за первую треть 1879 г. Воронеж. 1879, с. 28—29; то же за первую треть 1882 г., с. 9.
19. Там же, с. 7.
20. РГИА, ф. 583, оп. 4, д. 293, л. 225, 226.
21. Там же, л. 226.
22. Государственный архив Орловской области (ГАОО), ф. 593, оп. 1, д. 679, л. 55, 58об.
23. Орел: из века в век. Орел. 2003, с. 143.
24. Там же, с. 148; Орловский вестник, 22.IV.1892.
25. О положении дел по городскому управлению и хозяйству г. Орла. Записка орловского городского головы. [СПб.] 1888, с. 24; ГАОО, ф. 580, ст. 2, д. 2482, л. 102.
26. РГИА, ф. 1287, оп. 33, д. 1206, л. 15об.
27. Там же, л. 17—18.
28. Там же, ф. 593, оп. 1, д. 679, л. 68—74.
29. Орловский вестник, 22.IV.; 7.V.1892.
30. Русская жизнь, 30.IV; Орловский вестник, 14.V.1892.
31. Орловский вестник, 2, 7.VI.1892.
32. ГАОО, ф. 580, оп. 2, д. 2457, л. 66—67.
33. Орловский вестник, 16.VI.1892.
34. Там же, 1.VI.1892.
35. Курские губернские ведомости, 12.II.1882.
36. РГИА, ф. 1287, оп. 33, д. 1206, л. 87—88.
37. Там же, л. 88об.
38. Там же, л. 94—95об.
39. НЕМИРОВСКИЙ А.О. Реформа городского самоуправления. СПб. 1911, с. 41.

# Западноевропейский интеграционный процесс. 1947—1957 гг.

А.А. Синдеев

Интеграция — сложный феномен. Ученые выделяют два ее вида — социальную и системную. Под социальной интеграцией понимается объединение различных групп внутри общества<sup>1</sup>; вторая имеет дело с подсистемами общества<sup>2</sup>. Очевидно, что интеграция изменяет прежнее состояние: вместо привычных ориентиров, ценностей и структур допускаются или создаются новые. Ф. Тённис подчеркивал естественность подобных трансформаций в современном обществе, в ходе которых проявляется функциональная дифференциация<sup>3</sup>.

Попытка применить размышления ученых-обществоведов к западноевропейской интеграции сталкивается с рядом трудностей. Речь идет, в первую очередь, о появлении самостоятельного наднационального уровня, которого до того времени не знала история человечества. В ходе интеграции (добровольного объединения суверенных стран) происходила передача национальных полномочий, сопровождавшаяся образованием особых органов власти. Она осуществлялась государствами, отличавшимися друг от друга как конкретными формами, так и степенью суверенитета. ФРГ, к примеру, не была полностью независимой.

Если исходить из имеющихся трактовок ученых, то фактически об интеграции в традиционном понимании можно говорить лишь после того, как произошло укрепление наднационального уровня, то есть с конца 1950-х годов<sup>4</sup>. Интеграционные теории появились еще позднее<sup>5</sup>. Следовательно, вопрос о том, что представляет собой интеграционный процесс с 1947 по 1957 г. отнюдь не праздный.

К сожалению, в научной литературе практически отсутствуют попытки проанализировать западноевропейскую интеграцию как развивающийся процесс<sup>6</sup>. В одном из последних немецких учебников читаем: интеграция — «мирное и добровольное соединение обществ, государств и экономик за пределами существующих национальных, конституционно определенных и экономических границ»<sup>7</sup>. Вряд ли имеет смысл писать, что общества, государства и экономики не одно и то же, что даже соединение экономик не означает интеграцию обществ, а соединение всех европейских обществ, эконо-

номик и государств невозможно. Подобные определения лишь усложняют ситуацию.

Не совсем ясно и то, что принять за точку отсчета в интеграционном процессе. Допустимы, по крайней мере, два подхода. Первый условное начало интеграции связывает с принятием плана Маршалла, последующим созданием Организации европейского экономического сообщества, Западного Союза и Совета Европы. В данном случае ее следует понимать как процесс, сплотивший западный лагерь. А развивалась она в русле политики Соединенных Штатов, как один из региональных интеграционных процессов; возможно, и не самый главный. В соответствии со вторым подходом, интеграция началась с выдвижения плана Шумана. В этом случае перспектива меняется; интеграционный процесс следует рассматривать как самостоятельный, обусловленный желанием западноевропейских стран решить собственные проблемы: Франции — не допустить конкуренцию с Западной Германией; ФРГ — вернуть суверенитет и лидерство; государствам Бенилюкса — закрепить равноправие в формирующихся организационных структурах, «привязать» к ним Францию и ФРГ. Всем вместе — гарантировать длительный экономический рост и выдержать конкуренцию с США.

Парадокс заключался в том, что интегрировать предстояло не просто полномочия суверенных государств: в первую очередь, нужно было создать наднациональный уровень, а только затем наполнять содержанием «соединение обществ, государств и экономик».

Поэтому с 1947 по 1957 г., в период «детства», можно выделить, как минимум, три понимания интеграции. Первое относится к периоду с 1947 по 1950 г., когда единый согласованный проект интеграции отсутствовал. Имела место европейская эйфория, наблюдалось участие в европеистском движении различных политических сил. Исследователи, как правило, выделяют два подхода в послевоенном европеизме: федералистский и функционалистский<sup>8</sup>. К приоритетным задачам федералистов относились создание Европейского Союза, избрание парламентских органов, интеграция экономики. Главный их принцип: сильная наднациональная структура способна интегрировать страны, политика «ведет» за собой экономику. Функционалисты первоначально возражали против полномасштабной экономической интеграции, выступая за отраслевую, или секторальную, интеграцию, что автоматически делало ненужным, по их мнению, наднациональные органы, в первую очередь, парламентские структуры. Они предлагали ограничиться одним-двумя органами с четко описанными полномочиями. План Шумана от 9 мая 1950 г. — это попытка европейской реформы в духе функционалистов. Второе понимание интеграции проявляется с 1950 по 1952 г., когда произошло выстраивание организационной структуры Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) и последующих сообществ. Интеграция в то время — это попытка образования наднациональных органов. Третье понимание интеграции связано с периодом с 1952 по 1957 г., в котором наблюдалась борьба между расширением и ограничением наднационального начала. Поэтому интеграция в этот период скорее всего, соглашение о возможном, но не необходимом.

Значимость европейской идеи в послевоенное время обуславливалась тем, что Западной Европе требовалось экономическое восстановление. Оно было возможно лишь путем объединения усилий различных стран, это заставляло согласовывать общие принципы сотрудничества, к которым среди прочего относилось равноправие участников.

1948—1949 гг. — время наибольшего влияния европеистов (общественного движения) на интеграционный проект. С 7 по 10 мая 1948 г. был прове-

ден Гаагский конгресс, в котором участвовали 750 представителей из 30 стран. После конгресса (19 июля) министр иностранных дел Франции Ж. Бидо предложил обеспечить в Западном Союзе <sup>9</sup> экономическое и политическое сотрудничество. 17 августа 1948 г. Международный комитет за единство Европы передал правительствам государств Западного Союза меморандум, в котором предлагалось «проверить практические меры, необходимые для того, чтобы обеспечить... политическую и экономическую интеграцию Европы». 26 октября Западный Союз образовал Комитет содействия европейскому единству с целью достижения высокого уровня «единства между европейскими странами»: 1—4 сентября 1948 г. в Интерлакене состоялся второй конгресс Европейского союза парламентариев. В согласованном на нем проекте речь шла о Соединенных Штатах Европы, двухпалатном парламенте, о независимой исполнительной власти, суде <sup>10</sup>. Большинство европейцев были согласны с федеративными принципами последующей интеграции.

Функционализм укрепляло участие государственных структур. В рамках Комитета содействия европейскому единству сразу же проявились различия в подходах к интеграции. Великобритания выступила против образования парламентских органов и допускала лишь регулярные встречи национальных министров; Франция и Бельгия, наоборот, захотели создать Совет министров и Европейское собрание. Впрочем, к 1950 г. французский подход претерпит изменения. Заседания Комитета прошли с 26 октября по 16 декабря 1948 года.

Компромиссным продуктом англо-бельгийско-французского спора в 1949 г. стал Совет Европы <sup>11</sup>, в котором только Комитет министров может единогласно принимать решения рекомендательного характера, Совещательное собрание (затем — Парламентская ассамблея) не избирается напрямую, а назначается из числа национальных депутатов, принятые ею решения подлежат утверждению в Комитете министров. Часть вопросов, например, военный не могут обсуждаться в Совете Европы. Федералисты добились включения в организационную структуру Совещательного собрания квази-парламента. Они верили, что в ходе работы Совета Европы удастся получить возможность для осуществления федералистских идей <sup>12</sup>.

Количество стран-участников ослабляло и функционализм. Чем больше государств, тем сложнее было согласовать единый подход к функциям создаваемого органа.

В 1949 г. стало очевидно, что состав активных участников интеграции будет сокращаться, а малая Европа, то есть Европа без Великобритании и скандинавских стран — реальность, с которой придется считаться <sup>13</sup>. Это наглядно проявилось в процедуре выдвижения плана Шумана. Официальный Лондон был проинформирован лишь после его одобрения американцами и предварительного согласия западных немцев. «Малый круг» означал среди прочего, что участие европейского движения больше не требовалось. С 1950 г. западноевропейская интеграционная политика — это исключительно компетенция национальных правительств, их политика.

С началом реализации концепции малой Европы произошел раскол в интеграции на европейскую в рамках Совета Европы и западноевропейскую (интеграционная шестерка). Лишь с Маастрихтским договором западноевропейская интеграция превратилась в европейскую, а Совет Европы стал «дискуссионным политическим клубом».

В переговорах по ЕОУС приняли участие Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Формальным поводом к их проведению стало заявление французского правительства от 9 мая 1950 г., в котором было записано: «Европу нельзя создать сразу... она возникнет с помощью конкрет-

ных дел, призванных сначала создать солидарность дела»<sup>14</sup>. Французы предложили поставить под контроль специального органа добычу угля, выплавку стали, а также их поставки. Наднациональное, по их мнению, должно было сформироваться через деятельность специализированных органов. О каком-либо разделении властей на наднациональном уровне речь не велась. В заявлении от 9 мая упоминался лишь один наднациональный орган, который следовало комплектовать правительствам на паритетной основе. Правительства, как значилось во французском заявлении, должны были также получить возможность возражать против принятых этим органом решений. Ж. Монне вспоминал ответ Шумана на вопрос одного из журналистов о ЕОУС: это ««прыжок в неизвестность»». Но мало кто был способен оценить истинность этого образа. Люди были склонны думать, что дело было тщательным образом подготовлено в техническом отношении»<sup>15</sup>.

К августу 1950 г. на переговорах по ЕОУС в Париже участники договорились создать уже целый «наднациональный организм»<sup>16</sup>. Правда, особой конкретики тогда еще не было. Было признано, что во главе должен находиться наднациональный орган «с исполнительными полномочиями» (французское предложение). Нидерланды, Бельгия и Люксембург высказались лишь за делегирование суверенных прав, но не за их окончательную передачу. Они не захотели отказываться от национального контроля над работой исполнительного органа. (В конечном итоге время действия договора было ограничено 50 годами.) ФРГ была сторонницей федеративных интеграционных структур, вплоть до проведения прямых выборов в европейский парламент. Цель Западной Германии достаточно очевидна: гарантировать возврат суверенитета, который в случае успеха интеграции в прежнем виде оказывался ненужным. Франция, желая иметь контроль над европейской организационной структурой, стремилась к сильной исполнительной европейской власти. Перспектива усиления влияния, по мнению большинства французских политиков, определялась наличием на наднациональном уровне одного органа, так как существенно упрощался процесс принятия решений<sup>17</sup>. Именно этим было обусловлено и скептическое отношение французов к иным наднациональным органам — Совету министров и Общему собранию. Более того, французы настаивали на рамочном договоре, который впоследствии дополнялся бы реальным содержанием с помощью специальных межправительственных соглашений<sup>18</sup>. Они не учли, что в некоторых странах, к примеру в ФРГ, и в случае подобных соглашений требовалась парламентская ратификация.

Любопытно, что некоторое время на переговорах о ЕОУС открытой оставалась возможность избрания в состав Верховного органа, исполнительного наднационального органа, профессионалов, неграждан государств-участников. Предположу, что речь, в первую очередь, шла об американских экспертах и о лицах, эмигрировавших в период господства национал-социализма в Соединенные Штаты и получивших американское гражданство.

Совет министров как особый орган власти в ЕОУС был предложен правительством Нидерландов. По мнению ее представителей, существовало три сферы полномочий ЕОУС: в первой должен был неограниченно действовать Верховный орган; во второй должны были доминировать национальные интересы. К сожалению, правительство Нидерландов так и не смогло четко определить, что являлось в соотношении национальное-наднациональное интересами одной страны-участника; в третьей должна была присутствовать особая «сфера европейской необходимости», в которой Верховный орган следовал бы указаниям Совета министров. К ней могли относиться европейская оборона, политика занятости, торговая политика. Немецкая делегация возражала против любого обсуждения на переговорах о ЕОУС вопросов оборо-

ны. Совет министров был для немцев только частью европейской федеративной системы. По их мнению, указания Верховному органу могли последовать со стороны Совета министров только, если подобные случаи вмешательства детально прописаны. Не случайно руководитель немецкой делегации В. Хальштейн предложил применять следующий принцип: голосование в Совете министров должно благоприятствовать решениям, которые содействуют интеграции Европы, и мешать тем из них, которые этому препятствуют<sup>19</sup>.

Бельгийцы высказались за то, чтобы в Совете министров все страны имели одинаковое количество голосов. Это стало бы для них компенсацией за неравное представительство стран в Общем собрании, которое во французском проекте получало единственное право — не одобрить годовой отчет Верховного органа и принудить его тем самым уйти в отставку. Немцы, желавшие видеть больший демократический контроль, выступили за расширение прав Общего собрания.

Участники переговоров достаточно быстро отказались от идеи третейского суда и решили заменить его постоянно действующим судом ЕОУС. Представители промышленности попытались отстоять идею сильных региональных промышленных групп, которые действовали бы не в границах одного государства, а могли бы устанавливать цены, регулировать технические вопросы и т.д. Впрочем, от региональных групп пришлось отказаться, так как, по мнению политиков, была реальная опасность того, что они смогут дублировать Верховный орган и приведут к возрождению картелей. Вместе региональных групп в договоре о ЕОУС появился Консультативный комитет в духе социального партнерства. В ст. 18 читаем: комитет «включает в себя равное число производителей, трудящихся, потребителей и коммерсантов»<sup>20</sup>.

Цель подписанного в Париже 18 апреля 1951 г. договора была определена следующим образом (ст. 2): «Европейское объединение угля и стали в полном соответствии с экономическими системами государств-членов имеет своей целью способствовать экономическому развитию, росту занятости и повышению жизненного уровня в государствах-членах путем учреждения общего рынка»<sup>21</sup> угля и стали. Никаких обязательных политических положений договор не содержал. Могло сложиться впечатление, что после войны страны не интегрировались, а лишь осуществляли знакомую до этого политику сотрудничества. На самом деле была создана целая наднациональная структура, которая лишь на первый взгляд напоминала Совет Европы. Принципы организационной структуры ЕОУС происходили из различных правовых источников. Так, Верховный орган и его полномочия близки французскому административному праву, черты федерации — американским образцам. Последнее вполне понятно, так как американские эксперты приняли активное участие в подготовке плана Шумана. Присутствовало и разделение властей: орган исполнительной власти — Верховный орган; парламент — Общее собрание; судебная инстанция и, по мнению некоторых юристов, федеративный орган — Совет министров<sup>22</sup>, который, однако, формировался по принципам, близким немецкому бундесрату. Парламент не мог принимать участия в выработке законодательных актов. Поэтому очень быстро «европарламентарии» включились в борьбу за расширение полномочий. Совершенно не ясно было, сможет ли работать данный симбиоз, построенный на различных правовых традициях. Да и экономическая эффективность отраслевого общего рынка внушала большие сомнения. Отказ же от национально-суверенитета произошел.

Подобные процедуры отказа от суверенитета нарушали основной постулат демократии — обращение к народу как к суверену. Ни в одной из стран-участников не был проведен референдум. Договор о ЕОУС и выработанные

принципы свидетельствовали о компромиссе элит, привели к тому, что интеграционный процесс длительное время оставался элитарным по содержанию и по группам влияния.

Политики сознательно не обращали внимания электората на то, что произошел отказ от части суверенитета. Аденауэр, к примеру, относительно плана Шумана постоянно подчеркивал тезис партнерства: «Мы были внушающим страх врагом, затем объектом оккупации, завтра мы будем партнерами других»<sup>23</sup>. Участие же Западной Германии означало, что страна не сможет в европейских структурах возродить прежний суверенитет.

При этом исключение народа не было результатом заговора элит. Трудности, которые предстояло решать на пути создания наднационального уровня, заставляли профессионализм экспертов предпочесть мнению народа, хотя подобные замечания не могут оправдать недостаточный уровень демократии при формировании интеграционных структур в Западной Европе. Для Оп-юхса, одного из участников европейских переговоров того времени от ФРГ, успехом ЕОУС стало то, что «Сообщество превратилось из административного в конституционное»<sup>24</sup>. То обстоятельство, что закладывались основы конституционного устройства, способно объяснить нелогичность организационной структуры ЕОУС, например, недостаточные полномочия парламента, его присутствие в экономической организации.

Ряд проблем в ходе переговоров по Европейскому объединению угля и стали так и остались нерешенными. Например, эффективность секторальной интеграции. Секторальный подход к интеграции создавал, как минимум, две трудности: в случае объединения разных по природе секторов (экономического и политического) возникало немало сложностей с их совместной работой, так как юридически каждый из них регламентировался бы собственным договором. Появлялась опасность лоскутной интеграции в форме сообществ; экономисты «терпели» секторальную интеграцию в ЕОУС только по политическим причинам. С их точки зрения, нужно было интегрировать всю экономику, протекционизм в отдельном секторе не имел смысла. В либеральном Министерстве экономики ФРГ протекционизм отрицался принципиально.

О продолжении секторальной интеграции свидетельствовала инициатива Франции от 24 октября 1950 года. Премьер-министр Франции Р. Плевен в Национальном собрании обосновал план европейской армии, Европейского оборонительного сообщества (ЕОС): «Союзные нации признали необходимость защищать Атлантическое сообщество... против любой возможной агрессии... С этой целью они приняли решение укрепить размещенные в Европе войска... Германия, которая не входит в Атлантический пакт, призвана принять участие в ... образуемой системе безопасности... Французское правительство предлагает создать для совместной обороны европейскую армию... Единный министр обороны мог назначаться правительствами... государств и быть ответственным перед европейским собранием... Выставленные участниками контингенты будут включены в европейскую армию... Финансирование европейской армии будет гарантироваться общим бюджетом... Государства-участники, которые располагают собственными национальными военными силами, сохраняют... власть над той частью своих войск, которые не интегрированы в европейскую армию...»<sup>25</sup>.

Секторальность в интеграции стала внушать все большие опасения. Еще до подписания договора о ЕОС интеграционная шестерка предприняла попытку решить с помощью Европейского политического сообщества (ЕПС) противоречия, ею вызванные. 10 марта 1953 г. комиссия из национальных парламентариев, созданная по инициативе глав государств и правительств,

представила проект конституции, которая должна была стать основой всего последующего развития, покончить с секторальностью. ЕОУС и ЕОС были бы автоматически включены в Европейское политическое сообщество. Проект во многих своих положениях — двухпалатный парламент, исполнительный совет, совет национальных министров, судебная палата — напоминал план 1948 г., согласованный европейцами в Интерлакене, то есть обращался к федералистской традиции европейского движения. Кстати, в ЕПС впервые было зафиксировано обязательство построить общий рынок во всей экономике.

До 1954 г., когда французы провалили ЕОС<sup>26</sup>, ситуация с секторальностью была неясной. Поэтому и открытой критики ее длительное время не было, имелись лишь экспертные заключения.

Некоторые из подобных общих заключений были подготовлены Министерством экономики ФРГ<sup>27</sup>. Оно было изолировано канцлером Аденауэром от активного участия в переговорах по плану Шумана и в вопросе общего рынка получило возможность взять инициативу в свои руки. Немецкий министр экономики Л. Эрхард специально уполномочил Научный и экспертный совет в своем министерстве заняться вопросом экономического развития западноевропейской интеграции. На заседаниях, прошедших в период с 24 апреля до 1 мая 1953 г., единства относительно того, какую линию следовало предпочесть, а также о том, что должна представлять собой экономическая интеграция в частности и интеграция в целом так и не удалось достигнуть. Поразительно, что спустя год после начала работы ЕОУС и его Верховного органа ни эксперты, ни политики не имели ясности касательно конечной цели интеграции. Совершенно серьезно обсуждался выбор между моделью общего рынка с едиными ценами и зарплатами и общим рынком, в котором различия в расходах остаются<sup>28</sup>. К спорным темам относились также применение и отказ от дирижизма в общем экономическом пространстве, опасность европейского протекционизма<sup>29</sup>, временность малой Европы.

Показательна и актуальна позиция Л. Эрхарда в той дискуссии. Он заявил: «Даже если создают европейские инстанции, договор ничем не сможет помочь, если с проблемами столкнется одна из стран-участников. Поэтому кооперация предпочтительнее. В случае интеграции следует четко установить компетенции, но тут же возникает вопрос, а как их приводить? Сегодня интеграция, по всей видимости, означает перенапряжение европейской мысли... Сомнительно, желательна ли вообще стерилизация национальных правительств по причине того, что Европа слишком разнообразна. Создайте сколь угодно много общего, но оставьте и столько национального, сколько возможно»<sup>30</sup>. Эрхард дал тем самым понять: во-первых, интеграция ради простого единства бессмысленна; во-вторых, «европейская мысль» (политики, ученые) не в состоянии выработать общее мнение и зафиксировать все риски интеграции; в-третьих, он не был согласен с тем, что национальное государство исчерпало свои возможности.

Эрхард как экономист являлся противником малой Европы, не обеспечивавшей, по его мнению, в достаточной мере конкуренцию между странами и рынками. Однако в личном письме Аденауэру от 22 декабря 1954 г. он попытался обосновать, что для него не только «благополучие и сытая жизнь [немцев] имели значение», но и принципы, «которые наполняют человеческое бытие в божьем смысле». В том же письме Эрхард обязался помогать канцлеру в его политике, насколько это окажется в его силах<sup>31</sup>. Обещание он свое не сдержал.

Министр иностранных дел Нидерландов Д.У. Бейен в апреле-мае 1955 г. составил «Меморандум стран Бенилюкса к шести странам-участницам Евро-



пейского объединения угля и стали». В нем речь шла о необходимости построить экономическое сообщество. Голландцы предложили пригласить в состав участников и Великобританию. 21 апреля 1955 г. Бейен охарактеризовал проект следующим образом: «Если мы хотим добиться политического объединения, мы должны рассмотреть проблему под углом зрения общей экономики, так как экономическая власть представляет необходимую инфраструктуру в деле поддержания политического единства Европы»<sup>32</sup>. После краха ЕПС и ЕОС стало очевидным, что экономическая интеграция будет доминировать, а политическая, хотя она и была необходима, не осуществима.

В июне 1955 г. министры иностранных дел ЕОУС встретились в Мессине и приняли решение о проведении правительственной конференции по вопросам общего рынка, создания организации по развитию и использованию атомной энергии (Евратома). На первый взгляд, налицо явный парадокс: одновременно декларировался отказ от секторальной интеграции и готовилось ее продолжение в сфере атома. С 1955 г. политические вопросы в интеграции могли решаться только секторально и бессистемно, экономика же интегрировалась системно, как единое целое. От соотношения между политическими и экономическими вопросами зависело продолжение западно-европейской интеграции, а оно было слабо прогнозируемым.

К 21 апреля 1956 г. форма будущего объединения была озвучена — общий рынок в форме Таможенного союза. Не исключалась возможность создания зоны свободной торговли с другими странами. Институциональная структура была оставлена прежняя: Совет министров, Европейская комиссия (ранее — Верховный орган), Судебная палата, парламентский контроль и инвестиционный фонд.

К осени 1956 г. обозначались следующие проблемы: Франция захотела сначала заняться проектом Евратома, а общий рынок отодвинуть на позднее время. В Западной Германии ситуация была обратной: присутствовал интерес к общему рынку, а относительно Евратома наблюдался скептицизм. К. Карстенс, в то время высокопоставленный чиновник МИД ФРГ, настаивал позднее, что противоречия в переговорном процессе были исключительно франко-германскими<sup>33</sup>. Суть их заключалась в следующем: французы потребовали унифицировать некоторые части социальной политики до того, как общий рынок начнет работать. Речь шла о заработной плате, продолжительности рабочей недели, единых правилах доплаты за переработку. Обоснование — французская социальная система более прогрессивна, чем в других странах, поэтому при конкуренции французская экономика окажется в менее выгодном положении. Немцы отклонили это требование, так как в ФРГ за развитие социальной сферы отвечают тарифные партнеры; французы потребовали сохранить после введения общего рынка адресную экспортную помощь и налоги на импорт. Немцы отклонили и это требование, так как нарушался основной принцип общего рынка — равенство; Франция захотела сохранить право одностороннего установления в случае кризиса, связанного с платежным балансом, защитных мер, которые ограничивали бы импорт во Францию.

Конференция министров иностранных дел, в которой от немцев приняли участие фон Brentано (министр иностранных дел), Эрхард и Штраус (министр по атомной энергетике), прошла 20—21 октября 1956 г. и закончилась провалом, так как не удалось согласовать ни один из спорных вопросов. После заседания Эрхард, который был противником общего рынка, торжествовал. Вечером во время обсуждения, состоявшегося в отеле «Бристоль», он предложил подготовить новый рамочный договор из 15 статей<sup>34</sup>. Следует заметить, что еще 31 августа 1956 г. Мюллер-Армак, одно из доверенных лиц

министра экономики ФРГ, подготовил по его поручению тезисы, критиковавшие переговоры о ЕЭС в Брюсселе<sup>35</sup>. Оба политика стремились вместо интеграции в форме общего рынка к зоне свободной торговли<sup>36</sup> с большим составом участников.

Сторонники общего рынка в Западной Германии (Хальштейн, Этцель, фон дер Гроэбен, Опхюльс и Карстенс) после возвращения в Бонн связались с Аденауэром и уговорили его лично приняться за дело, провести переговоры с французским премьер-министром. Переговоры были назначены на 6 ноября. Два внешнеполитических события того времени определили их успех — ситуация вокруг Суэцкого канала и Венгрия. Переговоры с французами начались 6 ноября 1956 г. в 10 ч. утра в резиденции премьер-министра. Г. Молле, как вспоминают очевидцы, встретил Аденауэра с серьезным лицом. Французское правительство всю ночь совещалось относительно Суэца. Решение до встречи с Аденауэром так и не было принято французской стороной<sup>37</sup>. Аденауэр и Молле уже к 7 ноября согласовали имевшиеся спорные вопросы.

Договоры о ЕЭС и Евратоме были подписаны 25 марта 1957 г. в Риме. К этому времени страны-участники стали осторожнее, они не хотели, чтобы проект общего рынка завершился провалом как ЕОС и ЕПС, поэтому отказались от наднациональной терминологии. Комиссия в списке основных институтов оказалась только на третьем месте<sup>38</sup>. Было расширено корпоративное участие в ее деятельности, появился специальный Экономический и социальный комитет. Большую роль в управлении ЕЭС и Евратомом получил Совет министров. Парламент был общим для всех трех сообществ.

Опхюльс считает необходимым исходить из того, что договоры о ЕОУС, ЕЭС и Евратоме создали европейскую конституцию<sup>39</sup>. Ключевым для него стали самостоятельные полномочия органов власти на наднациональном уровне. По его мнению, с 1957 г. начала утверждаться немецкая модель делегирования полномочий государствам-участникам<sup>40</sup>, субъектам европейской федерации. Американская модель федерализма перестала играть существенную роль. Данное делегирование привело к усилению текущей работы национальных государств с органами сообществ.

Л.М. Энтин полагает, что в «рамках сообществ... решается задача не предотвращения узурпации власти, а обеспечения сбалансированного сочетания властных полномочий государств-членов и образованных ими интеграционных объединений. В результате... можно говорить не о разделении властей, а о распределении суверенных полномочий... Соответственно, в основе... лежит не концепция разделения властей, а концепция распределения полномочий»<sup>41</sup>. С этой позицией можно согласиться лишь отчасти. Интеграционный проект не осуществлялся по заранее утвержденному плану. Вынужденность в выдвижении первых инициатив (желание сделать немецкий уголь и немецкую сталь европейскими; не допустить возрождения немецкой армии; наконец, желание продолжить интеграцию, чтобы не дать выйти из нее ни одной из стран интеграционной шестерки) способствовала хаотичности большинства интеграционных шагов. Сторонники федералистской концепции среди национальных политиков стремились создать систему конституционных договоров, сторонники функционалистского подхода сделали ставку на самостоятельность отдельных сообществ. И те, и другие оттеснили от принятия решения европейское общественное движение, собственный народ. В конечном итоге, была согласована интеграция экономики с квази-государственными органами на наднациональном уровне, которые в экономических объединениях были совершенно излишни.

Следует подчеркнуть, что новизна западноевропейской интеграции заключалась в присутствии наднационального уровня. Создавался он с един-

ственной целью — оказывать помощь национальным правительствам, компенсировать их недостатки. Мало кто из политиков понимал до конца суть наднационального, те опасности и сложности, которое оно могло с собой принести в последующем. Нелогичность конструкции заключалась в том, что на наднациональный уровень была перенесена модель государства, но не были признаны за ней самостоятельные функции, наоборот были созданы многочисленные балансы, мешающие эффективной работе. Интеграционная шестерка сформировала новое государственное образование, не желая этого осознать.

Не следует забывать и то обстоятельство, что многие политики, которые участвовали в согласовании первых интеграционных договоров, были европейцами до второй мировой войны, а после ее окончания находились в эйфории от столь значимого проекта, который им предстояло осуществить. В ситуации спешки и внешнего давления продумывать сценарии развития было некогда. При анализе источников складывается впечатление, что на уровне экспертов шла обыкновенная бюрократическая работа. Последующие интеграционные теории — продукт политологического научного сознания, но не политической действительности того времени.

С 1947 по 1957 г. присутствовало желание провести разделение властей и распределить полномочия. Системные действия отсутствовали. Возможно, в иных условиях проект западноевропейской интеграции не мог бы осуществиться. С точки зрения успеха он случаен. Его основная проблема заключается в том, что наднациональный уровень чрезвычайно быстро стал разрастаться. Национальная бюрократия столкнулась лицом к лицу с европейской бюрократией, борющейся за дополнительные политические права.

Европейский проект показал, что французы первоначально постоянно «отступали», а западные немцы, наоборот, «наступали». Причина проста: у западных немцев был план — не только вернуть суверенитет, но и изменить Западную Европу. Без серьезной исторической проработки ранних этапов западноевропейской интеграции, вряд ли можно полностью понять суть имеющихся ныне проблем и найти пути их решения.

### Примечания

1. См., напр.: HÄUBERMANN H., SIEBEL W., OSSIETZKY v. C. *Soziale Integration und ethnische Schichtung: Zusammenhänge zwischen räumlicher und sozialer Integration* (Gutachten). Berlin; Oldenburg. 2001; SCHREMMER E. (Hg.) *Wirtschaftliche und soziale Integration in historischer Sicht: Arbeitstagung der Gesellschaft für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte in Marburg 1995*. Stuttgart. 1996.
2. LOCKWOOD D. *Soziale Integration und Systemintegration*. In: ZAPF W. (Hg.). *Theorien des sozialen Wandels*. Köln. 1969, S. 124—137. См. одну из относительно недавних интерпретаций системной и социальной интеграции: ESSER H. *Integration und ethnische Schichtung: Arbeitspapiere* — Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung. 2001. Nr. 40, S. 3—8.
3. TÖNNIES F. *Soziologische Schriften (1889—1905)*. München; Wien. 2008.
4. Это и происходит в большинстве работ, где 1957 год с договорами о Европейском экономическом сообществе и Европейском агентстве атомной энергии принимается за начало интеграции. Политики поддерживают подобный миф. Достаточно вспомнить праздники, прошедшие в юбилей Римских договоров. См. один из многих сайтов, посвященных этому событию: [www.europa.eu/50/index\\_de.htm](http://www.europa.eu/50/index_de.htm).
5. См.: ШЕМЯТЕНКОВ В.Г. *Европейская интеграция*. М. 2003, с. 317—350; BRÜCKNER U. *Europäische Integrationstheorien und ihre Erklärungsleistungen*. Brandenburg. 2005.
6. Основная тенденция — анализ отдельных направлений интеграции: торговой политики, сельскохозяйственной, транспортной и т.д. Исключением стала книга Г. Брунна: BRUNN G. *Die Europäische Einigung von 1945 bis heute*. Stuttgart. 2002 (по периоду 1947—1957 гг. см. S. 34—124).
7. KOHLER-KOCH B., CONZELMANN T., KNOTT M. *Europäische Integration — Europäisches Regieren: Lehrbuch*. Wiesbaden. 2004, S. 28.

8. BELLERS J. Integrationstheorien In: Pipers Wörterbuch zur Politik. Bd. 3. München. 1985, S. 354—362; LOTH W., WESSELS W. (Hg.). Theorien europäischer Integration. Leverkusen. 2001.
9. Западный Союз был создан 17 марта 1948 г. Францией, Великобританией, государствами Бенилюкса. Представлял собой военную организацию, должен был подготовить трансатлантическое партнерство (НАТО). В 1954 г. был преобразован в Западноевропейский Союз, в который вошли Италия и ФРГ.
10. SIEGLER H. Dokumentation der Europäischen Integration, 1946—1961: unter besonderer Beachtung des Verhältnisses von EWG-EFTA. Bonn; Wien; Zürich. 1961, S. 19—24.
11. Satzung des Europarates vom 5. Mai 1949. In: GASTEYGER C. (Hg.) Europa zwischen Spaltung und Einigung, 1945—1993: Eine Darstellung und Dokumentation über das Europa der Nachkriegszeit. Köln. 1990, S. 69—78.
12. Еще 6 апреля 1956 г. на Совещательном собрании Совета Европы депутат от Нидерландов Кломпе заявила, что Совет Европы не потерял своей роли как центра создания новых идей.
13. Один из предпринимателей послевоенного времени, депутат бундестага и советник Аденауэра Хенле в записке от 10 июня 1950 г. писал, что неучастие Великобритании в ЕОУС «повышает значение Германии... внутри ЕОУС» (Gedanken und Überlegungen zum Schuman-Plan, Aufzeichnung, den 10.06. 1950. In: Die Bundesrepublik und Frankreich: Dokumente, 1949—1963. Wirtschaft. München. 1997, S. 610).
14. Erklärung der französischen Regierung über eine gemeinsame deutsch-französische Schwerindustrie (Schuman-Plan), 9. Mai 1950. In: Dokumente zum Europäischen Recht. Berlin. 1999. Bd. 1, S. 8.
15. МОННЕ Ж. Реальность и политика. Мемуары. М. 2001, с. 376.
16. Institutionen des Schuman-Plans — Stand vom 10. August 1950 In: Dokumente zum Europäischen Recht., S. 136 (Politisches Archiv des Auswärtigen Amts. Bonn: Sekretariat für Fragen des Schuman-Plans. Bd. 102).
17. Первоначально эта была идея Монне. После заключения договора о ЕОУС он, возглавив Верховный орган, настаивал на его независимости в отношении с национальными правительствами. Проявлением данной независимости стало то, что Монне с большой неохотой прибегал при подготовке решений к помощи правительственных экспертов.
18. Institutionen des Schuman-Plans — Stand vom 10. August 1950., S. 137.
19. Ibid., S. 140.
20. Ibid., S. 137, 145—148; Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали. В кн.: Договоры об учреждении Европейских сообществ. М. 1994, с. 32.
21. Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали, с. 24. Под общим рынком понимается свободное движение товаров, услуг, людей и капиталов, в данном случае в сфере угля и стали.
22. OPHÜLS C.F. Zur ideengeschichtlichen Herkunft der Gemeinschaftsverfassung. In: Probleme des europäischen Rechts: Festschrift für Walter Hallstein zu seinem 65. Geburtstag, S. 394, 395.
23. См. отрывок из стенограммы трехдневных дебатов в бундестаге: «Der Spiegel», 1952, Nr. 3, S. 4—5.
24. OPHÜLS C.F. Op. cit., S. 392.
25. Цит. по: MITTENDORFER R. Robert Schuman — Architekt des neuen Europa. Hildesheim; Zürich; N.Y. 1983, S. 301—302.
26. Договор о Европейском оборонительном сообществе был подписан в конце мая 1952 года. Все страны-участники кроме французов его ратифицировали. 30 августа 1954 г. голосование по договору прошло в Национальном Собрании Франции и завершилось провалом. Позднее в военную интеграцию в Западной Европе «вмешались» англичане, предложили преобразовать Западный Союз в Западноевропейский Союз и принять в него ФРГ. Проект Европейского политического сообщества был напрямую связан с ЕОС, так как мог осуществиться только при условии построения европейской армии. В противном случае пришлось бы проводить дополнительные переговоры и заключать особый договор.
27. См.: Protokoll der 24. Tagung des Wissenschaftlichen Beirats beim Bundeswirtschaftsministerium vom 24. April bis 1. Mai 1953 im Hotel Margarethenhof (Siebengebirge); Fragen des Gemeinsamen Marktes (Stellung des Wissenschaftlichen Beirats, 26. Tagung vom 3. bis 11. Oktober 1953); Zur Verwirklichung der ersten Phase des gemeinsamen Marktes der Europäischen Politischen Gemeinschaft: erforderliche Maßnahmen. Bonn, den 3. Februar 1954. — Archiv der Christlich-Demokratischen Politik (ACDP). Bestand 01-659-070/1.
28. Protokoll der 24. Tagung des Wissenschaftlichen..., bl. 7—8.
29. Эксперт Министерства экономики доктор Гохт: «В стремлении интегрировать исключительно Европу скрывается опасность... самоотторжения от мировой экономики». См.: Ibid., bl. 11.
30. Ibid., bl. 16.
31. Privatbrief von Prof. Dr. Ludwig Erhard an Herrn Bundeskanzler Adenauer. Bonn, den 22.12.1954. In: Stiftung Bundeskanzler-Adenauer-Haus. Bad Honnef-Rhöndorf. Bestand III/23. Bl. 404b, 404c (рукописный текст). Письмо написано после неудачи с ЕОС.

32. Цит. по: GASTEYGER C. (Hg.) Op. cit., S. 151.
33. CARSTENS C. Erinnerungen und Erfahrungen. Boppard am Rhein. 1993, S. 203.
34. Ibid., S. 204.
35. Vorläufiger Entwurf von Thesen zu den Brüsseler Integrationsverhandlungen (vertraulich). Bonn, den 31.08.1956. — ACDP. Bestand 01-659-071/2.
36. Под зоной свободной торговли следует понимать объединение стран, которые во взаимной торговле отказываются от взимания таможенных пошлин или устанавливают общие таможенные пошлины, но сохраняют за собой право в торговле с другими странами, не входящими в зону, проводить самостоятельную торговую политику. Соглашение по ГАТТ предоставило возможность проводить интеграцию экономик как в форме зоны свободной торговли, так и в форме общего рынка.
37. CARSTENS C. Op. cit., S. 206.
38. См. отд. 3 ст. 155—163 Договора об учреждении Европейского экономического сообщества. — Договоры об учреждении..., с. 209—213. В Договоре о ЕОУС Верховный орган был упомянут на первом месте.
39. OPHÜLS C.F. Op. cit., S. 387.
40. Ibid., S. 404. Более оптимистической точки зрения относительно полномочий придерживается профессор Х. Вагнер. Он считает, что особенность ЕС заключена не в суверенности, а в субсидиарности. На наднациональном уровне оказываются лишь те полномочия, которые национальные государства не в состоянии исполнить самостоятельно. См. подробнее: WAGNER H. Die Originalität der Europäischen Union: ihre einzigartige Organisationsform: Text des Beitrages zum Buch «Wer regiert die EU?» (Arbeitstitel). Berlin. 2008. Вряд ли можно согласиться с отделением субсидиарности от суверенности: в той мере, в какой интеграционные органы действуют субсидиарно, они суверенны.
41. Европейское право. М. 2001, с. 212.

# Международный фактор Синьхайской революции в Китае

О.И. Макарчук

Революция 1911—1913 гг. в Китае оказала огромное влияние на международные отношения на Дальнем Востоке. Причины, приведшие к созданию революционной ситуации в Китае, определялись не только его внутренним социально-экономическим развитием, но и международной ситуацией, сложившейся вокруг этого государства в начале XX в., и ролью великих держав в экономике и внутренней политике.

Иностранный капитал контролировал железные дороги Китая, значительную часть торговли, важные отрасли промышленности, страховое дело и т.д. В 1911 г. протяженность железных дорог Китая достигала 9618 км, из которых только 6,9% находилось под управлением китайцев; 39,1% железных дорог принадлежали иностранному капиталу и 54% эксплуатировались под контролем иностранных компаний<sup>1</sup>. В 1914 г. иностранные капиталовложения в Китае составляли 1610 млн долларов, из которых 496 млн составляли правительственные займы<sup>2</sup>.

На первом месте по капиталовложениям в Китае стояла Англия, затем шла Россия. Причем из 269,3 млн долларов русских капиталовложений в Китае 189,3 млн составляла стоимость КВЖД, 32,8 млн приходилось на правительственные займы Китая и в 4,1 млн долларов определялась стоимость торговых предприятий русских купцов в Монголии. Следовательно, на долю русских капиталовложений в различные отрасли промышленности и торговли Китая приходилось около 44 млн долларов. Из прямых деловых капиталовложений России в Китае в 1914 г. 98% приходилось на Маньчжурию. Поэтому в ходе китайской революции российское правительство стремилось прежде всего оградить свои экономические интересы в Северной Маньчжурии. Что касается Японии, то 68,9% ее деловых капиталовложений приходилось на Маньчжурию, где были созданы крупные японские железнодорожные и горно-рудные предприятия<sup>3</sup>. Японские монополии имели значительные вложения в обрабатывающую промышленность и внешнюю торговлю Южного Китая.

Наибольшие капиталовложения в южных и центральных районах Китая, ставших основными центрами революционного движения, принадлежа-

ли Англии, Германии, Франции и США. Следует отметить, что США, имевшие в Китае меньшие вложения капиталов по сравнению с другими великими державами, оказывали большое влияние на цинское правительство, а затем правительство Юань Шикая. С этой целью американская дипломатия использовала либеральную фразеологию и через средства массовой информации и многочисленную агентуру стремилась внушить населению Китая, что Соединенные Штаты защищают суверенитет и территориальную неприкосновенность этой восточной страны.

Большие доходы приносили предприятия иностранного капитала и отделения иностранных компаний, открытых в Китае. В благоприятные годы доходы иностранных компаний от вложений в частные предприятия Китая достигали 10—15% <sup>4</sup>.

В 1912 г. «Японский финансовый и экономический ежемесячник» опубликовал сводную таблицу, посвященную итогам хозяйственной деятельности 52 иностранных компаний в Китае. Все компании выплачивали ежегодные дивиденды держателям акций не ниже 5%, а у большинства компаний дивиденды колебались от 10 до 40% вложенного капитала. Прибыли страховых компаний были наиболее высокими. Их дивиденды составляли 20—50%. Японский журнал отмечал, что большинство компаний либо принадлежали англичанам, либо контролировались их Гонконг-Шанхайским банком. «Действительно завидно видеть, — писал японский автор, — как британцы всегда полны энтузиазма в осуществлении своего финансового империализма» <sup>5</sup>.

В 1913 г. фабрика английской компании «Джардайн-Мэтисон», основной капитал которой превышал 2 млн юаней, дала прибыль свыше 772 тыс. юаней, что составляло 36,8% вложенного капитала <sup>6</sup>. С 1902 г. сумма прибылей и проценты по займам <sup>7</sup>, ежегодно вывозившихся из Китая превышали ввоз капитала из-за границы.

Положение цинского правительства в стране все больше подрывалось его непрерывными уступками в пользу великих держав. Большое возмущение вызывали: захват железных дорог Китая иностранными компаниями, деятельность консорциума, уступки маньчжурской династии в пользу Японии, агрессивные действия Англии в Тибете и на Бирманско-китайской границе. В июне 1911 г. американский посланник в Китае Кальхун сообщал в Вашингтон: «В настоящее время нет недостатка в признаках возобновившегося и до некоторой степени широко распространившегося недовольства среди китайцев к их правителям — маньчжурской династии. Это чувство, кажется, возникло вначале вследствие слабости правительства в делах с Россией и Японией о территориальной юрисдикции в Монголии и управлением Маньчжурии и в конфликте с Великобританией о Юньнань-Бирманском разграничении и договорах по торговле опиумом». Затем, коротко осветив события в Китае, Кальхун сделал вывод о том, что положение в стране «легко может стать критическим» и предлагал установить тщательное наблюдение <sup>8</sup>.

Великобритания, опираясь на тибетскую феодальную элиту, продолжала активно вмешиваться в дела Тибета, добиваясь его отторжения от Китая. В сентябре 1910 г. правительство Великобритании поставило в известность Россию, что оно считает утратившим силу соглашение от 31 августа 1907 г. относительно обязательства двух стран не допускать в течение 3-х лет научных экспедиций в Тибет. Правда, при обмене мнениями по этому вопросу представители двух правительств отметили, что ни та, ни другая сторона не собираются посылать туда экспедиций <sup>9</sup>. Но, тем не менее, Англия использовала все возможности для осуществления различных интриг в Тибете. В начале 1911 г. правительство Великобритании стало добиваться от Китая разрешения на продолжение английской железной дороги от Бирмы в провин-

цию Юньнань. Британия стремилась укрепиться в пограничном районе между Бирмой и провинцией Юньнань, откуда лежал наиболее удобный путь в Тибет. Встретив сопротивление Китая, английское правительство сосредоточило на бирманско-китайской границе двухтысячный отряд своих войск, разместив их в районах Бамо (Бянь-ма)<sup>10</sup>. Возник длительный англо-китайский конфликт. В это же время Франция концентрировала свои войска на границе между Индокитаем и провинцией Юньнань и нарушала неприкосновенность китайских границ.

В связи с агрессивной политикой Англии в Тибете и на бирманско-китайской границе в Китае произошел ряд антибританских выступлений. В январе 1911 г. в Ханькоу толпа китайцев, возмущенная действиями английского инспектора полиции, убившего рикшу, напала на английскую концессию. Для защиты концессии были использованы английский и германский десанты, высаженные с военных судов<sup>11</sup>. По сведениям газеты «Пекин дейли ньюс», патриотические организации в Юньнани обратились к шанхайским коммерческим организациям с призывом организовать бойкот английских товаров<sup>12</sup>. Китайские студенты, обучавшиеся в Японии, призывали создать народное ополчение для борьбы против английского империализма<sup>13</sup>. Все чаще вспыхивали революционные выступления в различных провинциях Китая.

Поводом для начала революций в Китае послужила «национализация» частных китайских железных дорог, осуществленная с целью облегчения железнодорожного строительства участникам хугуанского железнодорожного займа<sup>14</sup>. Эта «национализация» задевала интересы китайской национальной буржуазии, наносила ущерб держателям акций и вызвала взрыв возмущения буржуазных и мелкобуржуазных кругов. В таких условиях Союзная лига подготовила революционное восстание воинских частей в Учане, начавшееся 10 октября 1911 года. Восстание в Учане победило. Вскоре власть цинского правительства была свергнута в Ухани, а затем революция быстро распространилась на другие районы Китая.

Империалистические державы не смогли предотвратить революцию, но они внимательно следили за развивающимися событиями и принимали все меры к тому, чтобы не только отстоять свои позиции в Китае, но и расширить их. Руководители китайской революции, в том числе и Сунь Ятсен, опасались возможной интервенции, в случае если революция примет антиимпериалистическую направленность. Поэтому они принимали все меры к тому, чтобы направить революционные события в русло борьбы против маньчжурской династии и дали заверения великим державам в том, что интересы последних в ходе революции не пострадают. 2 января 1912 г. временное правительство, образованное в Нанкине, обратилось с манифестом ко всем государствам. В документе указывалось, что оно признает все договоры, заключенные цинским правительством с другими государствами и будет «погашать долги по всем займам и контрибуциям, полученным и признанным маньчжурским правительством до революции, оставляя без изменения условия этих займов и контрибуций»<sup>15</sup>.

Накануне революции представители Англии, США и Германии поддерживали маньчжурскую династию, настаивали на большей централизации Китая, выступали против предоставления значительных прав провинциальным властям, считая, что для осуществления планов консорциума и участников хугуанского займа удобнее иметь дело со слабым цинским правительством<sup>16</sup>. Однако, вследствие острого соперничества, великие державы не только не смогли сохранить маньчжурскую династию на престоле, но своим наступлением на Китай способствовали ее падению.

Политика Великобритании по отношению к китайской революции определялась интересами торгово-промышленных кругов и банков, имевших



значительные капиталовложения в Китае, а также международным положением Англии, которая к этому времени стала наиболее влиятельной силой в блоке стран Антанты.

Английское правительство стремилось поддержать статус-кво в Китае, что давало возможность сохранить свои зоны влияния и преобладающие экономические позиции. Принцип сохранения статус-кво соответствовал также интересам британской международной политики, так как создавал предпосылки для укрепления союзнических отношений с Францией и Россией на почве дальневосточных дел. Революция в Китае, начавшаяся в сфере влияния Англии, вызвала серьезные опасения правящих кругов Великобритании за судьбу английских капиталовложений. Английская дипломатия с самого начала революции прилагала все усилия, чтобы не допустить ее разветвления. В ходе революции Великобритания отказалась от поддержки маньчжурской династии, так как считала ее дело безнадежным. Английское правительство добивалось того, чтобы революция не пошла дальше свержения цинской династии и оставила в неприкосновенности социально-экономические отношения в полуфеодальном Китае. Победа революции могла бы создать сильное, централизованное китайское государство, способное изгнать иностранное экономическое присутствие из страны.

Победа китайской революции также противоречила интересам других держав, что дало возможность Англии, несмотря на наличие межгосударственных противоречий, отстоять свою политику по отношению к китайской революции. 18 октября 1911 г. консулы иностранных держав в Ханькоу опубликовали заявление о том, что их правительства будут соблюдать нейтралитет по отношению к китайским внутренним событиям<sup>17</sup>. Сделав формальное заявление о нейтралитете, английское правительство стало поддерживать консервативные и контрреволюционные силы во главе с Юань Шикаем. 15 ноября 1911 г. министр иностранных дел Англии Э. Грей сообщил британскому посланнику в Пекине Джордану о том, что Великобритания готова оказывать помощь Юань Шикаю с целью создания правительства, которое «могло бы поддерживать порядок внутри страны, а также создать благоприятные условия для развития торговли»<sup>18</sup>. В соответствии с этим указанием Джордан посредничал во время переговоров революционного правительства с Юань Шикаем, добиваясь быстрой передачи власти последнему<sup>19</sup>.

Что касается Франции, то она по основным вопросам политики в Китае сотрудничала с Великобританией и совместно с последней пыталась установить англо-французский финансовый контроль в Китае<sup>20</sup>. Французские правящие круги добивались прекращения китайской революции для того, чтобы сохранить свои капиталовложения и не дать распространиться революционному движению на Индокитай. Французская дипломатия опасалась, что в случае углубления революции силы ее союзников будут надолго отвлечены на Дальний Восток, что могло бы повести к установлению господства германо-австрийского блока в Европе. Следует учитывать, что революция в Китае началась раньше, чем был урегулирован второй марокканский кризис, заставивший Францию и Англию сконцентрировать силы для борьбы против Германии.

Правящий класс Японии весьма враждебно отнесся к китайской революции. Еще летом 1909 г. премьер-министр Японии Кацура Таро в беседе с английским послом в Токио Макдональдом высказывался против конституционных преобразований, заявив, что «Китай не был достаточно готов для этих учреждений»<sup>21</sup>. Наиболее непримиримую позицию по отношению к революции заняла военно-бюрократическая группа, возглавлявшаяся Кацура и Ямагата. Правда, буржуазно-помещичья партия «Риккэн кокуминто» (Национальная партия конституционного правления) и представители японских

торгово-промышленных кругов, оперировавших в южных провинциях Китая, поддерживали антиманьчжурское движение на юге Китая, надеясь использовать связи с революционным движением в целях укрепления своих экономических позиций<sup>22</sup>.

Когда начались революционные события в Китае, японское правительство предприняло энергичные дипломатические меры с целью взять в свои руки инициативу в подавлении революционного движения. Русский посол в Токио сообщал: «С самого начала китайской революции здесь создалось такое настроение, что наступил момент, когда Япония должна пожать в Китае плоды своего союза с Англией и своих соглашений с Россией и Францией»<sup>23</sup>. В связи с начавшейся революцией, японское правительство довело до сведения американского поверенного в делах в Токио о том, что Япония ожидает просьбы со стороны цинского правительства о помощи в подавлении антиманьчжурских выступлений. Японское правительство стремилось заручиться поддержкой великих держав, поэтому подчеркивалось, что Япония выступит со своими войсками в Китае лишь по поручению заинтересованных государств. Представителю США было указано, что «20 тыс. японских солдат смогут достичь Пекина прежде, чем какие-либо другие страны смогут иметь там хоть одного человека». Исполняющий обязанности министра иностранных дел Японии заявил американскому поверенному в делах, что «Япония и Соединенные Штаты — единственные государства, которые были в состоянии действовать быстро». Несмотря на заверения японского правительства о том, что Япония введет в Китай свои войска лишь с одобрения других государств, американский поверенный в делах сделал вывод, что «Япония будет действовать независимо от других стран»<sup>24</sup>.

Японское правительство сделало попытку сблизиться с Соединенными Штатами на почве общности интересов в подавлении китайской революции и нашло в этом отношении определенное взаимопонимание со стороны правящих кругов США. Япония усилила свои военно-морские силы в прибрежных водах Китая, подготовила отправку трех канонерских лодок на реку Янцзы и предложила американскому правительству также послать несколько легких канонерских лодок для «сотрудничества с японскими судами, чтобы поддерживать коммуникации» по реке Янцзы открытыми. Министерство иностранных дел Японии заверило американского поверенного в делах в том, что дальнейшие действия в Китае будут предприняты лишь после «предварительного совета» с представителем США<sup>25</sup>.

Во второй половине октября 1911 г. «The Japan Times» поместил статью, в которой отмечалось, что если китайское правительство не сможет восстановить порядок в стране, то Япония предпримет самостоятельные меры для охраны своих интересов в Китае<sup>26</sup>. Затем в газетах появились заметки о предстоящем вводе японских войск в Китай с целью поддержания маньчжурской династии. Японское правительство, стремившееся во что бы то ни стало обеспечить благоприятное отношение правительства США к своим действиям в Китае, обратилось через американского представителя в Токио в государственный департамент с необычным в дипломатической практике заявлением. Оно было «очень обеспокоено о том, чтобы правительство Соединенных Штатов признавало Японию абсолютно искренней и прямой в ее китайской политике и в желании защищать только японских подданных». Через несколько дней Нокс поручил сообщить в министерство иностранных дел Японии о том, что государственный департамент положительно оценивает японскую политику в Китае<sup>27</sup>.

Если в переговорах с господом США японское правительство подчеркивало готовность действовать в Китае совместно с американцами, то в перего-

ворах с Россией отмечалась прежде всего общность интересов России и Японии и проявлялось стремление последней подтолкнуть российское правительство на сепаратные действия в Китае для того, чтобы создать необходимый прецедент для японской интервенции. 19 октября 1911 г. японский посол в Петербурге И. Мотоно передал товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову памятную записку, в которой говорилось о «необходимости для обоих правительств доверчиво помогать друг другу для защиты их тогдашних интересов в Маньчжурии»<sup>28</sup>. Среди правящих кругов Японии имелись противоречия относительно характера действий в Китае.

Военные круги во главе с Кацура настаивали на интервенции. 1 ноября 1911 г. представитель японского военного министерства поставил в известность русское посольство в Токио о том, что японское правительство предполагает с согласия России и Англии переправить с Квантунского полуострова морем на Таку или Шанхайгуань одну бригаду японской пехоты. Она должна была занять Тяньцзинь или Пекин и железную дорогу от Шанхайгуаня. Указывалось, что японский МИД должен согласовать этот вопрос с союзной державой (имелась в виду Англия). Японские войска предполагалось использовать для поддержки маньчжурской династии. Однако ни Россия, ни Англия не одобрили этот план, да и японское правительство считало, что еще не настало время для интервенции. Поэтому два дня спустя министр иностранных дел Японии Утида заявил русскому поверенному в делах, что Япония не намерена посылать войска в Китай и будет выжидать дальнейшего разворачивания событий<sup>29</sup>.

Следует отметить, что Япония в связи с революцией в Китае вела двойную игру, стремясь завоевать симпатии обоих борющихся лагерей для того, чтобы обеспечить свой позиции при любом исходе. 16 января 1912 г. лидер партии «Риккэн кокуминто» Инукаи, выступая в японском парламенте, заявил, что несколько недель тому назад, накануне его поездки в Шанхай и Нанкин, министр иностранных дел Утида дал ему поручение — привлечь симпатии революционного Нанкинского правительства на сторону Японии. Но вскоре после этого стало известно, что японское правительство поддерживает маньчжурскую династию. Сделанный по этому поводу запрос в нижней палате японского парламента вызвал скандал и обсуждался в закрытом заседании<sup>30</sup>.

Заявляя о нейтралитете, японское правительство передало цинским генералам транспорт оружия стоимостью почти в 2 млн иен<sup>31</sup>. Правящие круги Японии опасались, что свержение маньчжурской династии в Китае усилит антимоноархическое движение в Японии. 7 декабря 1911 г. министерство иностранных дел Японии просило американского посла в Токио довести до сведения государственного департамента, что в связи с ухудшением обстановки в Китае «японское правительство может считать интервенцию необходимой»<sup>32</sup>. Правительство США, не возражавшее в принципе против интервенции, считало, что в случае необходимости ее следует осуществить коллективно, путем привлечения войск заинтересованных держав. Однако это противоречило интересам Японии, так как могло подорвать ее позиции в Китае.

16 декабря 1911 г. японское посольство в Петербурге передало в МИД памятную записку, в которой излагался план спасения монархии в Китае. Японское правительство утверждало, что ни маньчжуры, ни революционеры не в состоянии своими собственными силами «восстановить порядок во всех частях империи... Если такое положение продлится в течение некоторого времени, иностранная торговля, без сомнения, пострадает, и враждебные по отношению к иностранцам чувства, еще не проявившиеся открыто, могут снова вспыхнуть, как во времена боксерского восстания». Япония предлагала,

чтобы державы, «имеющие наиболее крупные интересы в Китае», совместно оказали давление на враждующие стороны, заставив маньчжурскую династию соблюдать конституцию и права китайцев, а революционеров принудить к прекращению борьбы. В памятной записке утверждалось, что установление республиканского правительства в Китае «будет фактически невозможно». Японские власти направили свою агентуру не только к цинскому двору, но и в лагерь революционеров для того, чтобы примирить враждующие стороны на выгодных для себя условиях. Однако инициативу «миротворца» перехватила Великобритания, которая таким путем надеялась утвердить у власти Юань Шикая. Японское правительство приняло предложение Англии о том, чтобы «совместно предложить свои добрые услуги двум воюющим партиям в Китае»<sup>33</sup>.

Другие державы также стремились к скорейшему подавлению социальных волнений в Китае, и в этом направлении действовали консулы шести держав в Ханькоу, оказывавшие давление на республиканское правительство. Однако организовать коллективные действия великих держав с целью сохранения монархии японскому правительству не удалось. Против этого выступила Великобритания, желавшая сохранить инициативу в своих руках. Японское правительство официально уведомило Россию о том, что оно берет назад свое предложение о посредничестве<sup>34</sup>. В Японии выражали большое недовольство тем, что главная роль «в устройстве» китайских дел перешла к Англии, которая действовала в контакте с Францией и США. В Японии опасались, что подобная ситуация приведет к подрыву японского влияния не только в Китае, но и на всем Дальнем Востоке. В связи с тем, что Юань Шикая поддерживали Англия и Соединенные Штаты, Япония отказала ему в протекции. В японской прессе Юань Шикая характеризовали как извортливую политику, склонную к диктатуре<sup>35</sup>. В военных кругах Японии продолжали сохранять надежду на то, что развитие событий приведет к интервенции в Китае. Князь Кацура заявил, что китайский вопрос «должен быть разрешен с одобрения иностранных держав, в особенности же Японии, которая имеет в Китае особые экономические, политические и военные интересы»<sup>36</sup>. Лидеры японского военного лобби добивались раздела Китая между великими державами, надеясь аннексировать Южную Маньчжурию. На этот раз японская дипломатия пыталась достигнуть соглашения с Германией относительно интервенции в Китае<sup>37</sup>.

Российское правительство стремилось использовать революцию в Китае для сохранения и упрочения своих позиций в Маньчжурии и Внешней Монголии, а также для продления торгового договора 1881 года. Рассматривались несколько вариантов возможных действий. Кроме того, проводились предварительные военные меры на случай, если была бы сделана попытка нарушить сообщение по КВЖД. Приняв предложение Японии относительно координации действий в Китае, Россия в дальнейшем заняла выжидательную позицию. В ответ на запрос государственного департамента о позиции России, Нератов ответил, что интересы России в районах, охваченных революцией, весьма незначительны, и что, по его мнению, в «настоящий момент» нет необходимости во вмешательстве держав в китайские дела<sup>38</sup>.

15 ноября 1911 г. русский посланник в Пекине И.Я. Коростовец в телеграмме на имя Нератова предлагал установить «дружественные отношения с революционным правительством Китая», указывая, что из этого факта Россия могла бы извлечь значительные выгоды. Коростовец также считал, что России не следует руководствоваться точкой зрения Японии относительно политики в Южном Китае, где у Японии имелись «особые интересы», а у России таковых не было. Предложение Коростовца было одобрено Нерато-

вым, однако последний указал, что и в дальнейшем при определении политики необходимо считаться с ходом событий в Китае и с отношением к этим событиям великих держав<sup>39</sup>. 13(26) апреля 1912 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов, выступая в Государственной думе, заявил, что Россия с самого начала кризиса в Китае решила «держаться нейтрально по отношению к происходящей там борьбе, стремясь лишь к ограждению» собственных интересов<sup>40</sup>.

Правительство США изначально выступило инициатором политики коллективных действий в борьбе против китайской революции. 14 октября 1911 г. Нокс направил телеграмму американским представителям за границей, в которой сообщал о том, что правительство США «ввиду серьезности настоящих волнений в Китае» считает желательным, чтобы американские подданные «сконцентрировались в открытых портах, легко доступных для иностранных военных кораблей». Нокс предложил американским дипломатам выяснить, считают ли другие правительства целесообразным такой шаг и «требует ли обстановка дальнейших мер государств для защиты иностранных интересов». Правительства Франции и России высказались против. В дальнейшем США принимали активное участие в совместных акциях империалистических держав в Китае, предпринимавшихся по инициативе Англии. В частности, американское правительство приняло предложение об охране железной дороги, связывавшей Пекин с морем и решило послать один батальон морской пехоты в Тяньцзинь<sup>41</sup>. В воды Китая были направлены корабли американского военно-морского флота.

Участвуя в коллективных действиях против китайской революции, США продолжали предпринимать попытки занять руководящую роль среди держав, вмешавшихся во внутренние дела Китая. С этой целью американская дипломатия решила опереться на Германию, правящие круги которой в первые месяцы китайской революции оказывали поддержку Маньчжурской династии (поставками оружия и отправкой инструкторов в армию)<sup>42</sup>. Однако когда выяснилась неизбежность падения монархии, германская дипломатия попыталась отмежеваться от маньчжурской династии и статс-секретарь по иностранным делам Кидерен-Вехтер стал утверждать, что правительство Германии «с самого начала китайских беспорядков строго придерживалось принципов невмешательства»<sup>43</sup>.

В первой половине декабря 1911 г. Нокс в беседе с германским послом в Вашингтоне Бернсторфом сообщил последнему, что, по сведениям американского посольства в Токио, Япония ставит вопрос об интервенции в Китае. Затем государственный секретарь сослался на заявление Сазонова, который во время интервью в период пребывания в Париже заявил, что Россия, Япония, Англия и Франция имеют соглашение относительно китайского вопроса и не допустят там преждевременной интервенции. Нокс расценил заявление Сазонова как направленное против США и Германии с целью подрыва их влияния на Дальнем Востоке. По его мнению, Япония добивалась «мандата остальных держав» на проведение интервенции. Государственный секретарь выразил Бернсторфу пожелание американского правительства установить с Германией «тесное сотрудничество и совместные действия» в восточно-азиатских делах<sup>44</sup>.

Кидерлен-Вехтер отнесся к предложению Нокса настороженно. Германское правительство только что убедилось в своей изоляции на международной арене в связи со вторым марокканским кризисом. Кроме того, германские дипломаты не забыли ранее предпринимавшиеся неудачные попытки достигнуть соглашения с США по вопросам дальневосточной политики. Поэтому германский статс-секретарь по иностранным делам на полях донесения Бернсторфа сделал следующее замечание: «Да, но в таком случае аме-

риканцы должны идти вперед и проводить ясную политику, а не стремиться послать нас вперед, чтобы потом оставить одних»<sup>45</sup>. Германия и Соединенные Штаты продолжали обмен мнениями. 23-го декабря 1911 г. американский посол в Берлине передал Циммерману записку, в которой заявлялось, что государства, «имеющие важные интересы в Китае», должны рассмотреть вопрос о том, «какие дальнейшие меры могут способствовать созданию устойчивого и ответственного правительства в Китае». При этом правительство США подчеркивало, что оно считает необходимым коллективными мерами добиваться быстрой ликвидации революционного движения в Китае и положительно оценивает выступление представителей шести держав в Шанхае, настаивавших на прекращении гражданской войны. В записке указывалось, что с подобной точкой зрения США ознакомило японское правительство в связи с его соответствующим запросом. Циммерман заявил американскому послу, что его правительство будет придерживаться той же точки зрения, что и Соединенные Штаты<sup>46</sup>.

Государственный департамент, заручившись обязательством Германии выступить совместно с Соединенными Штатами, в то же время получил заверения со стороны России и Англии о том, что названные государства будут придерживаться принципа совместных действий великих держав в Китае<sup>47</sup>. Тем временем революционные события в Китае продолжали нарастать. Определенная неизбежность падения цинской династии. В ходе революции все больше проявлялась ее антиимпериалистическая направленность. В январе 1912 г. министр иностранных дел Франции Сельв писал о возможности интервенции держав в Китае в связи с выявившейся, по его мнению, «полной дезорганизацией Китайской империи»<sup>48</sup>. В таких условиях правительство Соединенных Штатов решило публично объявить о достигнутой им договоренности с другими державами относительно проведения политики «согласованных действий». С этой целью было использовано обращение германского посла в Вашингтоне Бернсторфа, который по поручению своего правительства просил дать «конфиденциальную информацию» об отношении США к последним событиям в Китае<sup>49</sup>.

3 февраля 1912 г. государственный департамент передал германскому послу ноту по вопросам политики в Китае. Затем она была опубликована в американских газетах и передана представителям других держав. Содержание ее сводилось к предложению действовать совместно в борьбе против китайской революции. Кроме того, в этой ноте правительство США выступало против предоставления борющимся сторонам в Китае займов как честных, так и правительственных, без согласования «с другими заинтересованными державами»<sup>50</sup>.

Правительство США, опубликовав ноту от 3 февраля 1912 г., преследовало, прежде всего, цель оказать давление на революционно-демократическое крыло китайских революционеров, угрожая возможностью интервенции в случае, если революция приобретет неприемлемое для великих держав направление. Это была прямая поддержка Юань Шикая. Нокс убеждал посла Франции в Вашингтоне поддерживать правительство Юань Шикая и в то же время отказался от встречи с Сунь Ятсеном, который был проездом в США<sup>51</sup>. Государственный департамент, взяв на себя инициативу в определении политики великих держав в Китае, надеялся поднять роль США на Дальнем Востоке. В связи с опубликованием ноты от 3 февраля русский посол сообщил из Вашингтона: «Вся печать гордится „первенствующей“ ролью, сыгранной Соединенными Штатами, радуясь, что принцип открытых дверей вновь получил применение „на практике“ под лозунгом „руки долгой“ и под покровительством двух держав, твердо идущих заодно в дальневосточных делах»<sup>52</sup>.

Вопрос о займах был поднят в американской ноте в связи с тем, что банки из политических и экономических соображений предоставляли займы обоим лагерям, борющимся в Китае, что подрывало монополию консорциума на предоставление китайских займов. По сведениям русского министерства иностранных дел, германская фирма «Арнольд Карберг» предоставила ссуду Юань Шикаю. Гонконг-Шанхайский банк вел переговоры с представителями пекинского правительства о новом значительном займе. Японский концерн Окура организовал заем для республиканцев юга <sup>53</sup>.

Все державы с теми или иными оговорками согласились признать за основу дальнейшей политики в Китае принципы, провозглашенные в американской ноте от 3 февраля. Правительство Германии выразило «особое удовлетворение» тем, что американская позиция в отношении Китая полностью соответствует «немецким целям» <sup>54</sup>. В данном случае для германского правительства особое значение имело то, что устанавливались более близкие отношения с Соединенными Штатами по вопросам дальневосточной политики. Р. Пуанкаре весьма четко сформулировал суть достигнутого соглашения, указав, что поводом для «коллективной и согласованной интервенции» может явиться «угроза жизни и имуществу иностранцев» или длительная гражданская война. Грей согласился с формулировкой, предложенной Пуанкаре относительно интервенции в Китае <sup>55</sup>.

Российское правительство в ответе на американскую ноту заявило, что оно сохраняло и будет сохранять нейтралитет по отношению к «двум партиям», борющимся в Китае. Оно выразило согласие вступить в переговоры с другими державами в случае, если интересы иностранцев окажутся под угрозой. Затем указывалось, что Россия выступает против предоставления займов как сторонникам монархии, так и сторонникам республики в Китае <sup>56</sup>.

Таким образом, по инициативе США, державы достигли соглашения о коллективной интервенции на тот случай, если бы другими путями не удалось сохранить полуколониальное положение Китая. Японское правительство решило использовать ноту Нокса для того, чтобы добиться признания своих захватов в Китае от китайского правительства при помощи совместного выступления держав. 23 февраля 1912 г. японское посольство в Вашингтоне передало меморандум государственному департаменту, в котором предлагалось распространить «принцип совместного действия» держав на признание будущего правительства Китая. Япония предлагала, чтобы державы в вопросе о признании нового правительства выступили коллективно и добились обязательства Китая сохранить право экстерриториальности, соблюдать все договоры и обязательства, заключенные в период правления маньчжурской династии. Великобритания поддержала точку зрения Японии, затем формально с ней согласилась и правительство США <sup>57</sup>.

Между тем, интервенция в Китае начала осуществляться. Дипломатический корпус в Пекине в начале ноября 1911 г. принял решение довести охранные отряды каждой иностранной миссии в Пекине до предельной нормы — 300 человек на миссию <sup>58</sup>. В середине ноября в водах Китая было сосредоточено 51 иностранное судно, в Шанхае — 3350 иностранных солдат и офицеров. В 1912 г. вооруженные силы держав в Китае были увеличены. В Пекине, Тяньцзине и Шанхайгуне действовали 2440 японских солдат и офицеров. США перебросили батальон солдат с Филиппин в Китай для охраны железной дороги <sup>59</sup>. Германское правительство увеличило свои войска в Циндао, Англия в Гонконге, а Франция на границе Китая с Индокитаем, Япония и Россия внимательно следили за событиями в Северо-Восточном Китае.

Когда стало известно о помощи оружием, которую оказала Германия маньчжурам, то в Китае с конца 1911 г. началась пропаганда организации

антигерманского бойкота. После того, как в Шанхае и других южных портах Китая бойкот начал осуществляться, германская пресса стала объяснять его организацию происками японцев. Японские газеты в свою очередь разъясняли, что причиной антигерманского бойкота являются поставки оружия пекинскому правительству, которое решило оплачивать их, передав под контроль Германии доходы с Пекин-Калганской железной дороги<sup>60</sup>.

Деятельность Японии в Южной Маньчжурии, в том числе пропаганда, которая велась в японской прессе за включение Ляодунской арендованной территории в состав японской империи, привели к антияпонскому бойкоту. Начавшийся в Южной Маньчжурии летом 1912 г. бойкот японских товаров осенью распространился на Гонконг, Кантон, а также на Сингапур. Газета «Пекин дейли ньюс» писала: «Недалеко то время, когда Китай властно потребует пересмотра всех существующих договоров и соглашений; тогда резко изменится соотношение сил на Дальнем Востоке и отойдут в область предания так называемые принципы наибольшего благоприятствования держав и консульские юрисдикции»<sup>61</sup>.

Патриоты Китая с большим опасением отнеслись к ноте Нокса от 3 февраля, усматривая в ней подготовку держав к расширению интервенции в Китае. Противоречия между государствами ослабляли их натиск на Китай, однако деятельность американской дипломатии способствовала созданию очень сильного средства давления на китайскую революцию в виде Четверного консорциума и принципа «совместных действий». В ходе революции все более давал о себе знать национальный фактор — стремление населения Китая освободиться от неравноправного положения: «Во всех газетах и на митингах усиленно пропагандируется необходимость прекратить все внутренние раздоры, сплотиться против иностранцев, имеющих намерение разделить Китай»<sup>62</sup>.

Основная цель, которой добивались великие державы во время Синьхайской революции, заключалась в том, чтобы не допустить ее дальнейшего развертывания и превращения социальных волнений в антиимпериалистические. Для этого правительства держав оказывали активную поддержку тем силам в Китае, которые лояльно смотрели на иностранное присутствие. Несмотря на большую активность, которую проявляла Япония в Китае, ведущая роль в борьбе против революции оказалась в руках Великобритании и США.

### *Примечания*

1. CHANG KIA-NGAU. *China's Struggle for Railroad Development*. N.Y. 1994, p. 183.
2. ВЭЙ ЦЗЫ-ЧУ. Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945). М. 1956, с. 27.
3. REMER С. *Foreign Investments in China*. N.Y. 1933, p. 338, 407, 426, 553, 585—587, 618, 636, 652.
4. *Ibid.*, p. 336.
5. «The Japan Financial and Economic Monthly». 1910, № 10, p. 69—76, 234—235.
6. *Ibid.*, p. 262.
7. Общая сумма задолженности Китая по займам все время изменялась в связи с погашением одних и заключением других. По данным газеты «Чжэнфугунбао» от 14 ноября 1916 г., Китай при цинской династии заключил займов на сумму в 1 млрд долларов. Газета «China Advertiser» № 39 за 1916 г., ссылаясь на китайские источники, утверждала, что ко времени установления республики в Китае сумма всех правительственных иностранных займов составляла 1358 млн долларов. См.: «Китай и Япония», № 245, 1916.
8. *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1912—1917)*. Washington. 1912, p. 46—47. Кальхун — государственному секретарю, 5 июня 1911 г.
9. LIU YINGHONG. *The Far Eastern international relations and the Northeastern new politics at the end of Qing dynasty*, p. 189.
10. «Китай и Япония». 1911, № 24, с. 6.



11. SOOTHILL W. China and the West. L. 1925, с. 154—155.
12. «Китай и Япония». 1911, № 28, с. 13.
13. «Вестник Азии». 1911, № 9, с. 194.
14. 9 мая 1911 г. был издан декрет о «национализации» железных дорог, а 20 мая этого же года было подписано окончательное соглашение о хугуанском железнодорожном займе, в котором принимали участие Англия, Франция и Германия.
15. «Китай и Япония». 1911, № 28, с. 189.
16. REID J. The Manchu abdication and the powers, 1908—1912. An episode in pre-war diplomacy. A study of role of foreign diplomacy during the reign of Hsuan-Tiung. Westport. 1973, p. 29.
17. «Китай и Япония». 1911, № 28, с. 182.
18. REID J. Op. cit., p. 283.
19. HAUSER O. Deutschland und der Englisch-Russische Gegensatz 1900—1914. Göttingen, Berlin, Frankfurt. 1958, S. 72.
20. Documents diplomatiques français, 1871—1914. Ser. 3. T. 1, p. 457—458.
21. British Documents on the Origins of the War 1898—1914. V. VIII, p. 469.
22. История Японии. М. 1999. Т. 2, с. 240—241.
23. Архив внешней политики Российской империи, ф. Японский стол, д. 920, л. 254. Малевский-Малевич — Сазонову, 28 декабря 1912 г.
24. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1912—1917). 1912, p. 50.
25. Ibid., p. 163.
26. МО. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. II, с. 248.
27. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1912—1917). 1912, p. 51, 52.
28. МО. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. II, с. 187.
29. Там же, с. 293, 305.
30. «Китай и Япония». 1912, № 75, с. 3—4.
31. МО. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. II, с. 183.
32. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1912—1917). 1912, p. 55.
33. МО. Сер. 2. Т. XIX. Ч. 1, с. 199—200, 214.
34. Там же, с. 265.
35. «The Japan Times». February 9, 1911.
36. «Китай и Япония». 1912, № 69, с. 58—59.
37. Documents diplomatiques français, 1871—1914. Ser. 3. T. 1, p. 259, 562, 588.
38. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1912—1917). 1912, p. 163.
39. МО. Сер. 2. Т. XVIII. Ч. II, с. 13, 56.
40. Стенографический отчет Думы. 3-й созыв. Сессия 5. Ч. III, стб. 2165.
41. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1912—1917). 1912, p. 162, 163.
42. МО. Сер. 2. Т. XIX. Ч. 1, с. 182—183.
43. Die GroÙe Politik der Europaischen Kabinette 1871—1914. Bd. XXXII, S. 241.
44. Ibid., S. 239—240.
45. Ibid., S. 240.
46. Ibid., S. 241—242.
47. Ibid., S. 247.
48. Documents diplomatiques français, 1871—1914. Ser. 3. T. 1, p. 457.
49. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1912—1917). 1912, p. 63.
50. МО. Сер. 2. Т. XIX. Ч. II, с. 114.
51. Documents diplomatiques français, 1871—1914. Ser. 3. T. 1, p. 576—577.
52. МО. Сер. 2. Т. XIX. Ч. I, с. 112.
53. Там же, с. 143.
54. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1912—1917). 1912, p. 66.
55. Documents diplomatiques français, 1871—1914. Ser. 3. T. 1, p. 607, 612.
56. МО. Сер. 2. Т. XIX. Ч. 1, с. 144.
57. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1912—1917). 1912, p. 68.
58. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 3, л. 726, л. 568.
59. МО. Сер. 2. Т. XIX. Ч. 1, с. 21.
60. «Китай и Япония». 1912, № 69, с. 45; № 74, с. 28—29.
61. Там же, № 112, с. 40; № 113, с. 28.
62. РГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 727, л. 200.

# Европейские религиозно-политические организации в Палестине во второй половине XIX в.

М.Ю. Половникова

Палестина — особый регион, отличающийся богатой историей и сложным переплетением религиозных направлений. С 1517 г. Иерусалим, центр трех религий, находился под властью Турецкой империи. После неудачной экспедиции Наполеона на Восток в конце XVIII в. происходит рост интереса европейцев к святым местам. Монархи и принцы Европы, политические и религиозные деятели стремились увидеть мировые святыни собственными глазами. В XIX в. в Святую Землю потянулись многие европейские ученые, художники, писатели, путешественники.

В период религиозных праздников, особенно на Пасху, в Иерусалим прибывали тысячи паломников, а в остальное время в городе проживало 8—10 тыс. человек, представляя пестрое население святого города.

Переход Иерусалима из одних рук в другие в первой половине XIX в. (из состава турецкого Дамасского пашалыка к могущественным правителям Акко) нанес городу еще более значимый ущерб и усилил европейское влияние в Святой Земле. К 40-м гг. XIX в. Палестина стала важным вопросом, обсуждаемым в европейских политических кругах.

С середины XIX в. начинается соперничество между государствами за усиление собственных позиций на Ближнем Востоке. Европейские страны в кратчайшие сроки основывают свои консульства в Иерусалиме и способствуют проникновению политических, миссионерских и научно-просветительских организаций в библейский регион. Позднее к борьбе присоединяются Соединенные Штаты Америки.

К середине XIX в. в Иерусалиме насчитывалось шесть консульств. Консульство Великобритании было открыто в 1838 г., Пруссии — в 1842, Франции и Сардинии — в 1843, США — в 1844, Австрии — в 1849, Испании — в 1854 году. Рим также не остался в стороне: в 1847 г. Папа Римский Пий IX восстановил латинский патриархат в Иерусалиме, где постоянно находился представитель Папы и следил за усилением католичества. Россия, несмотря на открытие Русской Духовной Миссии, имела генеральное консульство в Бейруте и вице-консульство в Яффе. Только в 1858 г. русское консульство было учреждено в Иерусалиме.

Россия значительно отставала в темпах проникновения и становления своего влияния на Ближнем Востоке от европейских государств. Этому способствовало противодействие усилению России, главным образом со стороны Англии. Кроме того, причинами опоздания стали не только длительная разработка планов организации российских обществ в библейском регионе и расхождение во мнениях в правящих кругах империи, но и внутренние и внешние политические проблемы.

Значимость Палестины заключается в том, что она является одним из главных религиозных центров, и в середине XIX в. за эту территорию велась острая политическая борьба. В Палестине находились главные христианские святыни зародившихся здесь религиозных течений. В XIX в. политическая борьба между западноевропейскими державами (главным образом, в лице Англии и Франции), и Российской империей приняла новый характер — религиозно-политический.

Так, например, Франция в 1851 г. через своего посла в Турции требовала предоставления католикам в Иерусалиме гробниц и куполов в церкви Святого Гроба, владения гробницами королей-крестоносцев и совместного обладания голгофским алтарем, владения Гефсиманской церковью, гробницей Пресвятой Девы, верхней Вифлеемской церковью и примыкавшими к ней кладбищами и садами. Султан Турции признал справедливость французских требований, но под давлением России в целях сохранения собственного контроля оставил в неприкосновенности существовавшее положение вещей.

Еще раньше, в 1830-е гг., в прибрежных городах Сирии (главным образом, в Бейруте) была создана сеть католических и протестантских школ. Французские католики-иезуиты и протестантские миссионеры Америки соперничали между собой в просветительской и миссионерской деятельности среди сирийских христиан. Престижность этих школ быстро повышалась. Здесь обучались дети представителей различных конфессий, в частности, православной. Кроме того, Франция стремилась привлечь как можно больше учеников, и с этой целью были открыты светские школы.

Протестантство для Святой Земли было привнесенной религией, как, впрочем, в значительной мере и католичество, в отличие от православия, которое зародилось на палестинской территории еще в I тысячелетии нашей эры. На протяжении веков именно представители православной веры притеснялись и искали поддержки и защиты у других государств.

После победы в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Россия настаивала на том, чтобы охрана святых мест была предоставлена именно Православной церкви, как и закрепление за ней покровительства православным подданным Турции. Но Запад стремился укрепить свои позиции в обход России, поэтому русское правительство должно было незамедлительно принять меры для восстановления своего влияния и оттеснения западных государств.

Во второй половине XIX в. наиболее влиятельными европейскими державами в библейском регионе являлись Великобритания, стремившаяся установить английское господство в Восточном Средиземноморье, и Франция. Правители Палестины опирались на поддержку Франции, что не нравилось английским властям. Франция в то время захватила торговые позиции в Египте и Сирии, которые Лондон стремился включить в собственную сферу влияния.

Еще одним противником Великобритании являлась Российская империя. Для Англии русско-турецкое сближение 1833 г. было крайне невыгодно, поэтому в Лондоне развернули антирусскую кампанию, намереваясь превратить Порту в форпост борьбы против России.

В июле 1840 г. была подписана Лондонская конвенция, которую приняли Австрия, Великобритания, Пруссия и Россия, а позднее Турция. Франция была

исключена из этого политического объединения, а Россия теряла ряд преимуществ в отношении черноморских проливов. Тем самым Великобритания устранила главных соперников и оказалась хозяйкой положения. Это привело к обострению в отношениях между европейскими странами на Ближнем Востоке.

В Палестине, кроме неблагоприятных экологических и санитарных условий, ситуацию усложнял гнет мусульманских властей. Немусульманское население подвергалось дискриминации, хотя именно христианские святые-ни, точнее посещения их паломниками, платившими за это, приносили доход: при пересечении определенных местностей необходимо было платить специальные пошлины. Также «любой мусульманский чиновник — паша, мулла, муселим — мог произвольно оштрафовать иноверца»<sup>1</sup> за драку или другое мнимое или реальное действие и взять уплаченную сумму в свое распоряжение. Кроме того, за построение нового христианского здания или его починку традиционно взимались огромные поборы.

В таких условиях европейские страны, оценив сложившуюся ситуацию, сделали ставку не на военное или исключительно политическое преобладание, а на религиозное противостояние. Европейские державы вспомнили об истории библейского региона и собственном христианском настоящем, что и послужило предлогом для проникновения в Палестину. За благовидными религиозными порывами стояли трезвые расчеты политического плана. В сентябре 1841 г. британский парламент принял специальный билль, который учреждал в Иерусалиме протестантский епископат. Турецкие власти разрешили строительство первой протестантской церкви — церкви Христа вблизи английского консульства у Яффских ворот, которая была освящена в январе 1849 г., через несколько лет после начала строительства.

Усилив свои позиции, Великобритания под предлогом предупреждения произвола турецких властей предложила разделить территорию святых мест на три независимые области — католическую, православную и протестантскую, причем разделить их предполагалось между пятью державами — Австрией, Францией, Россией, Англией и Пруссией. Эта попытка «была решительно отвергнута в 1841 г. русским правительством»<sup>2</sup>. Для России было выгоднее видеть Палестину под слабым контролем Константинополя, чем ее разрозненные части, переданные под власть европейских держав.

Натиск Европы на Святую Землю был явным, в то время как Россия старалась завуалировать свои намерения, боясь соперников. Российский император Николай I надеялся на разрешение Восточного вопроса совместно с Великобританией, поэтому Россия демонстрировала сдержанность в отношении Палестины. Но здесь в расчетах была допущена ошибка, которая привела к целому ряду внешнеполитических проблем. Слабые позиции Российской империи в Святой Земле привели к тому, что после Крымской войны Россия отставала от других европейских держав в упрочении связей с Палестиной. Миссия Порфирия Успенского 1848 г. сыграла свою положительную роль, но война перечеркнула все достижения предыдущего периода. Таким образом, Россия оказалась в невыгодном и ослабленном положении на Ближнем Востоке и стремилась вновь завоевать влияние на Святой Земле.

Российские миссионеры в Палестине занимались, в основном, обеспечением паломников, созданием для них приютов, распространением просвещения среди местного населения. Вот как характеризует деятельность архимандрита Порфирия в этой области А.А. Дмитриевский: «...в греческую, открытую патриархией богословскую школу, по его (Успенского) настоянию, были определены им 12 молодых туземцев для приготовления из них образованных сельских пастырей; в школе этой катехизис и арабская словесность преподавались на арабском языке нарочито приглашенным из Бейрута арабом

отцом Спиридонием; в приходских школах Иерусалима назначены были учителя из арабов для обучения детей чтению и письму арабскому...»<sup>3</sup>. Кроме того, именно представители Миссии начали научное изучение библейского региона, хотя это не входило в их задачи. Однако их усилий не хватало для того, чтобы охватить весь круг проблем, сложившихся на протяжении веков.

Со временем у Духовной Миссии в Палестине появился необычный конкурент. В 1856 г. в Петербурге было создано Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), которое стремилось увеличить капиталы за счет расширения своего влияния. Именно Общество взяло на себя обязанности по доставке паломников в Палестину, их дальнейшее обустройство и возведение специальных зданий. «Для этой цели в 1858 г. был создан специальный Палестинский комитет, во главе которого был поставлен великий князь Константин Николаевич, при том что инициатором и душой предприятия стал чиновник особых поручений Морского министерства Б.П. Мансуров»<sup>4</sup>. Мансуров побывал в Палестине и представил записку о том, что стремится слить воедино заботы о паломниках и наращивание капитала. При этом он рассчитывал на добровольные пожертвования, которые в скором времени поступили от титулованных особ и простого народа путем кружечного сбора в церквях.

В деловой сфере Палестинский комитет оттеснил Духовную Миссию на второй план, скупая земельные участки и строя новые здания. Средства же, ранее выделяемые Миссии, теперь поступали на нужды Палестинского комитета. Этот комитет просуществовал шесть лет, а в 1864 г. его заменила Палестинская комиссия, состоявшая непосредственно при Министерстве иностранных дел и включавшая в свой состав директора Азиатского департамента МИД, позже обер-прокурора Синода или его товарища и персонально Мансурова. Палестинская комиссия, фактически возглавляемая Мансуровым, просуществовала до 1888 года. Она также занималась улучшением условий быта паломников, хотя и неудачно.

Таким образом, в Святой Земле одновременно существовали следующие российские организации — Русская Духовная Миссия и Палестинский комитет. Перед этими организациями были поставлены схожие задачи. Они заключались, во-первых, в доставке паломников в Палестину, дальнейшем их размещении и обеспечении всем необходимым, а также организации паломничества по святым местам. Для Духовной Миссии главным камнем преткновения в решении этой задачи было слабое финансирование и нехватка средств на достойное обеспечение паломников и строительство новых подворий. Кроме того, с созданием Палестинского комитета значительная часть средств для финансирования Миссии была перенаправлена на нужды комитета. В итоге, именно Палестинский комитет отвечал за создание комплекса русских построек, воздвигнутых в 1860—1864 гг. и включивших в себя Троицкий собор, ставший главным храмом Палестины, зданием Русской Духовной Миссии, здания Елизаветинского и Мариинского подворий и другие постройки.

Палестинский комитет старался полностью взять на себя организацию паломничества в Святую Землю, так как руководители комитета, главным образом, Мансуров, старались извлечь из этого финансовую выгоду. Огромные средства, поступающие в распоряжение Палестинского комитета, были израсходованы на покупку земель в Иерусалиме и за его стенами и на возведение русских построек. Но комитет, несмотря на выполнение поставленной перед ним задачи, полностью не выполнил своих функций, так как строительство обошлось значительно дороже, чем было запланировано первоначально, а постройки не были должным образом отделаны и обустроены.

Русская Духовная Миссия также стремилась обеспечить паломников хотя бы самым необходимым, но скудное финансирование плохо сказывалось на

решении этой проблемы. По мнению А. Дмитриевского, Миссия «...из мнительной осторожности, с целью образовать “запасный капитал” про черный день, спокойно обрекла наших паломников на печальную необходимость валяться в коридорах и под нарами наших приютов или еще хуже, искать себе приюта в забракованных некогда сырых и холодных греческих монастырях, турецких духанах или даже грязных подвалах...»<sup>5</sup>. Вполне понятны были потребности таких заведений в надстройке вторых этажей над приютами, в подземной канализации, расширении водоемов и госпиталей, постройке русских постоянных приютов в Назарете и улучшении быта русских паломников.

Кроме того, российские организации должны были наладить связи между Иерусалимской, Антиохийской и Русской церквями, а также обращение местного населения в православие. Решение этих задач легло на плечи Духовной Миссии, так как Палестинский комитет, а затем и Палестинская комиссия больше занимались строительством и коммерческой деятельностью. С одной стороны, в состав Духовной Миссии входили представители духовенства, поэтому им было проще наладить контакт с представителями церквей и местным населением. Но, с другой стороны, изначально Миссия не имела в своем распоряжении ни помещения, ни храма для богослужений. Постепенное приобретение земель и зданий помогло частично решить проблему, но сказывался недостаток финансирования. В итоге, Русская Духовная Миссия решила вопрос с представительством Русской церкви в Палестине и занялась проведением служб и занятий для местного населения.

Многие российские организации, созданные во второй половине XIX в., просуществовали лишь несколько лет. Исключением стала Русская Духовная Миссия. В 1860-е гг. деятельность Антонина Капустина, возглавившего организацию, привела к упрочению позиций Миссии, расширению круга ее целей и задач, а также росту активности ее членов.

Кроме того, в 1882 г. император после длительного обсуждения и рассмотрения ряда проектов учредил Православное палестинское общество, которое возглавил великий князь Сергей Александрович Романов. Это Общество, базируясь на результатах деятельности Палестинского комитета и Палестинской комиссии, быстро расширяло сферу своего влияния, опираясь на авторитет его членов и их финансовую поддержку. В состав Общества входили члены императорской семьи, видные деятели, а также выдающиеся ученые и исследователи того периода.

Православное палестинское общество, с 1889 г. ставшее Императорским, заняло видное место в религиозно-политической жизни Палестины, Российской империи и мира в целом, так как круг его целей и задач включал не только ведение миссионерской деятельности, распространение православия, но и научное исследование библейского региона и просветительскую деятельность в целом. Императорское православное палестинское Общество и Русская Духовная Миссия стали серьезными соперниками европейских держав в борьбе за влияние в Святой Земле.

Православное Общество, имевшее достойную финансовую поддержку, начало активно заниматься обустройством подворий для паломников. Здесь было организовано шесть подворий: Александровское, Сергиевское, Николаевское, Вениаминовское и другие. Устав 1882 г. определял, что Общество может иметь собственные средства для организации своей деятельности. Общество действительно получало внушительные пожертвования от состоятельных людей Российской империи. Кроме того, ежегодно в Вербное воскресенье во всех храмах и монастырях страны осуществлялся кружечный сбор на нужды Императорского Православного палестинского общества и Русской Палестины. Таким образом, пожертвования верующих были одним из

главных источников финансирования Палестинского Общества. Государство также не осталось в стороне от деятельности Общества, включаясь в его работу за счет государственной дотации. В 1907 г., когда отмечался 25-летний юбилей Общества, Николай II в рескрипте подвел итог его деятельности, отмечая, что в Палестине Общество владеет территориями, оцененными почти в два миллиона рублей. Кроме того, в Палестине было организовано восемь подворий для приема паломников. Более десяти тысяч человек пользовались услугами этих приютов. Здесь были построены больница, шесть лечебниц для приходящих больных и 101 учебное заведение.

Таким образом, Православное палестинское общество и Русская Духовная Миссия сыграли важную роль в укреплении позиций Российской империи в библейском регионе.

Западноевропейские страны и США также занимались организацией различных обществ и учреждений в Сирии и Палестине. Многие организации просуществовали лишь несколько лет, сменяясь новыми. Особенно активными в создании различных исследовательских и религиозных образовательных были Великобритания, а позднее США.

В 1871—1878 гг. исследованием Западной Палестины занимался Палестинский исследовательский фонд (The Palestine Exploration Fund), в ходе работы которого были достигнуты значительные результаты в изучении региона (археологические исследования, открытие новых святых мест, изучение старинных текстов и др.). Фонд был основан Великобританией в 1865 г. для изучения Палестины, а также для упрочения позиций самой Великобритании в библейском регионе.

Деятельность Палестинского исследовательского фонда была тесно связана с фигурой Чарльза Джорджа Гордона, видного деятеля викторианской эпохи, который принимал участие в Крымской войне и получил прозвище «Китайский» за свою службу в Китае в начале 1860-х годов<sup>6</sup>. На протяжении всей своей жизни он занимался благотворительностью, выступал против рабства и угнетения. В Святой Земле он проявил себя не только как военный, но и как исследователь, имеющий весьма специфический взгляд на многие вопросы исторического характера. В его переписке с другими членами Фонда и английскими исследователями сохранились ценные сведения, касающиеся археологического исследования Святой Земли.

С основанием в Лондоне Палестинского исследовательского фонда начался новый период в работе Ч. Гордона. Фонд занимался изучением Святой Земли, составлением карт местности и проведением археологических раскопок. Гордон внес значительный вклад в исследование Палестины, результаты его изысканий публиковались в журнале Фонда. Кроме того, его сотрудничество с Фондом и активная деятельность в Святой Земле оказали положительное влияние на укрепление позиций Фонда в Палестине.

Членами Фонда были многие видные деятели и ученые Великобритании, например, Чарльз Вильсон, Чарльз Уоррен, Клауд Р. Кондер, лорд Гораций Китченер и другие. Президентом Фонда являлся лорд Шефтсбери. Члены Фонда «открыли» Палестину для науки, занимаясь ее археологическим и историческим изучением, картографией, кроме того Фонд давал возможность исследователям, миссионерам и просто путешественникам познакомиться со Святой Землей и ее сокровищами. Гордон занимался вопросом истинного местонахождения Голгофы, и его выводы вызвали дискуссию в научных кругах.

В 1870 г. в Нью-Йорке было основано Американское палестинское исследовательское общество (The American Palestine Exploration Society), которое должно было сотрудничать с Палестинским исследовательским фондом. Американское Общество занималось изучением Леванта (европейское наи-

меновании Восточного Средиземноморья, в том числе Сирии и Палестины) и составлением картографического описания местности.

Опубликованные результаты исследований Американского палестинского исследовательского общества включали в основном карты территории в 5700 квадратных миль. Сотрудничество Британского палестинского исследовательского фонда и Американского палестинского исследовательского общества было выгодно для Америки с точки зрения расширения торговых связей.

В деятельности Американского общества активное участие принимали Эдгар Стивер, лейтенант армии США, который, сохраняя свой статус военного, работал над осуществлением основных целей Общества в исследовании Леванта, и Джеймс Лейн, полковник, герой гражданской войны в Америке<sup>7</sup>. В проведение археологических раскопок и картографирование местности члены Общества достигли значительных результатов.

При этом Стивер и Лейн, будучи военными и имея четкие цели, считали свою работу скорее разведкой, чем научным исследованием. В подтверждение этого исследователи Общества приводят карты, составленные в процессе изучения Леванта. На картах отражены более обширные территории, чем официально планировалось Обществом. Кроме того, в ходе археологических раскопок, проводимых членами Общества, велось изучение ресурсов региона. В итоге, в 1878 г. Американское палестинское исследовательское общество прекратило свое существование, а результаты его деятельности никогда не были полностью опубликованы для широкой публики. Результаты изучения Леванта стали ценной основой для продолжения изучения Восточного Средиземноморья Американской школой ориентологии, а также заинтересовали представителей Великобритании. В дальнейшем, точные картографические сведения, полученные в ходе работы Общества, стали основой для более тщательного изучения библейского региона не только ориенталистами США, но и Великобританией.

Восточное Средиземноморье, особенно территория Палестины и сам Иерусалим, занимают важное в стратегическом и политическом плане место. В XIX в. с ослаблением власти турецкого султана европейские государства начали борьбу за усиление своих позиций. Острое соперничество разгорелось между Францией, которая еще с XVII в. внедрялась в регион, Великобританией, благодаря своей сильной мировой позиции занимавшей выгодное место в борьбе, и Российской империей, ослабленной внутренними проблемами и частыми войнами.

Организация религиозных и исследовательских обществ европейскими странами, в частности, Великобританией и Россией, в условиях ослабленной турецкой власти и острой борьбы за разделение сфер влияния в Восточном Средиземноморье позволила этим странам установить свое влияние, начать изучение библейского региона и заложить ценный фундамент для развития востоковедения.

### *Примечания*

1. НОСЕНКО Т.В. Иерусалим. Три религии — три мира. М. 2003, с. 255.
2. ЛИСОВОЙ Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М. 2006, с. 85.
3. ДМИТРИЕВСКИЙ А.А. Православное Палестинское Общество и его деятельность за последние четверть века (1882—1907 гг.). СПб. 1907, с. 5.
4. ЮЗБАШЯН К.Н. Палестинское Общество. Страницы истории. — Исторический вестник. 2000, № 6.
5. ДМИТРИЕВСКИЙ А.А. Ук. соч., с. 101—102.
6. FRANTZMAN S.J., KARK R. General Gordon, the Palestine Exploration Fund and the origins of «Gordon's Calvary» in the Holy Land. Palestine Exploration Quarterly, 140, 2 (2008), p. 119—136.
7. COBBING F.J. The American Palestine Exploration Society and the Survey of Eastern Palestine. Palestine Exploration Quarterly, 137, 1 (2005), p. 9—21.



## Деятельность генерала И.В. Гудовича на Кавказе в начале XIX века

М.М. Гасаналиев

2 мая 1806 г. главнокомандующим войсками на Кавказе был назначен генерал И.В. Гудович, которого считали серьезно образованным человеком XVIII века<sup>1</sup>. Гудович слушал университетские лекции в Кенигсберге, Галле и Лейпциге. Офицерскую службу начал в 1759 г., участвовал в польском походе 1763 г., русско-турецких войнах 1768—1774 и 1789—1791 годов. Отличился под Хотином, Ларгой и Кагулом. Во второй турецкой кампании войска под его командованием взяли турецкие укрепления Гаджибей (Одессу), Килию и Анапу. «Гордый и самонадеянный, он не принимал ничьих советов, не уважал постороннего мнения, — писал Н.Ф. Дубровин, — и полагал, что хорошо знает край и тамошнее положение дел. На самом деле он хорошо знал только одну Кавказскую линию, войсками на которой командовал в течение нескольких лет»<sup>2</sup>.

Это был его второй приезд на Кавказ. До этого он дважды (при Екатерине II и Павле I) был наместником Кавказа и главнокомандующим царскими войсками на Кавказской линии. В 1790 г. он прибыл первый раз на Кавказ на должность наместника, через год штурмом взял турецкое укрепление Анапа. Взятие А.В. Суворовым турецкой крепости Измаила и Гудовичем — Анапы привело к окончанию русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и подписанию Ясского мирного договора. В 1796 г., конце своего правления, Екатерина II освободила его от должности наместника, назначив на это место графа В.А. Зубова. Однако в том же году императрица умерла, а Павел I вернул должность Гудовичу. (Уехал он с Кавказа в 1798 г., получив назначение на должность генерал-губернатора Киева.)

Однако Гудович нашел Кавказ вовсе не в таком состоянии, в каком оставил его. «По приезде моем на Кавказскую линию нахожу оную не в том положении, в каком, отъезжая отсюда, ее оставил. Все здания обвалились и рушились, и даже мирные соседи кордонов стали немирными»<sup>3</sup>, — писал он царю. Случилось это в результате недальновидной политики, поспешных действий его предшественника, генерала П.Д. Цицианова, который находился на Кавказе с ноября 1802 по февраль 1806 года. Цицианов был «сторонни-

---

*Гасаналиев Магомед Мухтарович* — кандидат исторических наук. Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

ком энергичных и крутых военных мер по распространению власти России на Кавказе»<sup>4</sup>. Это был единственный главнокомандующий на Кавказе, который там был убит.

Ко времени приезда Гудовича на Кавказ командующий русскими войсками на Кавказской линии генерал Г.И. Глазенап успел занять Дербент. Тем не менее он был отстранен по настоянию Гудовича, и на это место назначили генерала от инфантерии С.А. Булгакова. Дело в том, что Гудович и Глазенап были в ссоре еще со времен, когда они вместе служили под начальством известного генерала П.А. Румянцева.

Булгаков занял Баку и Кубу и отстранил дербентско-кубинского хана Шихали-хана от управления Кубой. До этого он был изгнан из Дербента в результате восстания жителей города, устроенного шамхалом Тарковским Мехти. Ханство было отдано под управление шамхала, а Дербент присоединен к России. Шихали-хан, явившись к Булгакову, выразил раскаяние в своих поступках и обещал сохранить верность России. Гудович запросил Петербург, как с ним поступить. 14 ноября 1806 г. он получил ответ: «Г[осударь] И[мператор], приняв за благо мнение в[ашего] с[иятельства] оставить до времени Ших Али, бывшего хана Дербентского, не соизволил признать за нужное утвердить его Высочайшею грамотою в сем звании»<sup>5</sup>. Кубу также отдали под власть шамхала Тарковского, Шихали-хану разрешили жить там без звания хана.

Гудовичу пришлось начать налаживание добрых взаимоотношений с местной знатью в сложных условиях. Цицианов поссорился со всеми местными феодалами, лишил их жалованья, назначенного императором, писал им оскорбительные письма, запугивал расправой. Теперь Гудовичу предстояло повторно привлечь их на сторону России, добиваясь расширения ее влияния в крае.

По заключению Дубровина, Гудович пришел к убеждению, что «живших в соседстве с Кавказской линией горцев легче всего было успокоить и привести в повиновение увещанием и предоставлением некоторых выгод», тогда как если действовать силой, то они, «имея верное убежище, уйдут в горы, будут всегда пытаться непримиримое мщение, им сродное, за поражение, а особливо за нанесенный вред их имению»<sup>6</sup>. Соответственных действий он требовал и от своих генералов. В 1807 г. Гудович предписывал начальникам на местах: «Приложите всемерную вашу попечительность на восстановление в народе сем доброго порядка и спокойствия, ласкайте их елико можно и по просьбам их делайте по возможности вашей удовлетворение... Внушайте им всемерно о спокойной их жизни, о домостроительствах, скотоводстве и хлебопашстве как о таких вещах, от которых все их благосостояние зависит; внедрите в мысль их, колико гнусно и постыдно воровство и разбой»<sup>7</sup>.

По характеру Гудович резко отличался от грубого и высокомерного Цицианова. Кавказские феодалы знали его по прежней деятельности в крае и ожидали перемен в политике, и они не ошиблись. Своей дипломатичностью, культурой, образованием, поведением и щедростью наместник стал завоевывать их доверие к России.

В 1806 г. в Закаталах появились отряды дагестанцев во главе с Сурхай-ханом Казикумухским и Султан Ахмед-ханом Аварским. Сурхай-хан написал начальнику царских войск в этой провинции генералу Д.В. Орбелиани: «Известно нам, что российский государь не приказал войну вам вести против джарцев и расположиться в земле их; Джарская провинция не отделена от владения моего и за нее должен [я] не щадить ни жизни, ни имущества. Я пришел сюда не с тем, что они государя подданные; если вы хотите себе спокойствия, то переведите своих солдат по ту сторону реки, а то наша война

продлится и при Божией помощи ваших людей не оставим в спокойствии»<sup>8</sup>. Между тем Султан Ахмед-хан наладил связь с Орбелиани и выразил желание дать присягу на верность России. По предложению Орбелиани он распустил свой отряд. Тогда и Сурхай-хану пришлось вернуться к себе.

28 февраля 1806 г. Орбелиани поставил в известность Гудовича о переговорах с аварским ханом. Тот ходатайствовал перед царем о восстановлении Султана Ахмед-хана на русской службе с жалованьем в размере 5 тыс. руб. серебром в год. Царь удовлетворил эту просьбу и произвел хана в генерал-майоры. Гудович выдал ему жалованье на полгода вперед — 2475 рублей.

Султан Ахмед-хан дал присягу на верность России еще в 1803 г. и не нарушал ее. Цицианов же из-за вторжения в Закаталу отрядов Сурхай-хана Казикумухского и Алискандера Гоцатлинского лишил его жалования, установленного императором<sup>9</sup>, и писал угрожающие письма, не разобравшись в том, что ни Сурхай-хан, ни Алискандер не подчинялись аварскому хану и не собирались его слушать. Кстати, Цицианов и жалованье платил не регулярно.

При этом Султан Ахмед-хан взял на себя определенные обязательства, в том числе — удерживать жителей Дагестана от набегов на Грузию, оказывать содействие русским войскам в крае, не допускать грабежей, награбленное отнимать и возвращать владельцам<sup>10</sup>.

Перед этим погиб карабахский хан Ибрагим-хан, женой которого была тетка Султана Ахмед-хана. Хан попросил Гудовича разрешить ему забрать тетю в Хунзах. Гудович ответил: «Относительно тетки вашей, то я охотно готов удовлетворить желанию вашему и отпустить ее к вам. Однако же, не зная, можно ли по обычаям вашим отпустить также и детей ее, я писал о сем к Мехти-Кули-хану (новому хану Карабаха. — М.Г.) карабахскому, требуя, чтобы он, если это не противно обыкновениям их, отпустил ее к вам с детьми, в коем случае нужно будет, чтобы вы для препровождения ее и безопасного проезда выслали на границу своих людей. Буде же бы она пожелала сама добровольно остаться с детьми в Шуше, то я истребую от Мехти-Кули-хана о назначении ей удела для содержания ее.

Между тем, мне весьма приятно уведомить вас, что я не оставил всеподданнейше ходатайствовать об вас перед Е.И.В., и надеюсь, что вы удостоены будете знатным отличием от всемилостивейшего нашего Г.И. Желая при том более утвердить между нами приятельскую и искреннюю связь, я прилагаю при сем одну посылку, прося вас принять оную как залог моего к вам благорасположения»<sup>11</sup>.

По содержанию этого письма можно дать характеристику и его автору. В нем нет ни чванливости, ни высокомерия, ни угроз, а наоборот — одна доброжелательность.

По ходатайству Гудовича было оказано внимание и другим феодалам-правителям. Шамхал Тарковский получил знамя с государственным гербом, уцмий Кайтага Ахмед-хан — чин генерал-майора с жалованием в 2 тыс. руб. сер. в год, Магомед кадий Табасаранский — чин полковника (1,5 тыс. руб. сер.). Были так или иначе награждены и другие табасаранские феодалы<sup>12</sup>.

Сурхай-хана Гудович пытался привлечь в подданство России, но тот отказался, ссылаясь, что у него нет средств, чтобы заплатить 8-тысячную дань. Гудович решил снизить размер дани и написал Сурхай-хану: «Я нужным счел... удовлетворить вас теперь прямо от себя, что все сие делается единственно для блага и счастья, вас ожидающего... я во уважение вас из числа оной уменьшаю 2000 червонцев, зная что не только сие, и вся дань не составляет ничего для Всероссийского великого Г.И.»<sup>13</sup>. В Петербург Гудович написал, что он снижает дань Сурхай-хану до 3000 червонцев в год. Сурхай-хан и на это не согласился.

Но Гудович сделал еще одну попытку привлечь Сурхай-хана на свою сторону. Он послал хану текст присяги, и заменил денежную дань на 1-2 жеребца и несколько ковров. Сурхай-хан вроде бы согласился, но от церемонии уклонился<sup>14</sup>. Гудович считал возможным покорить всех ханов и владельцев «великой Армении и Дагестана», заставив их платить России дань, хоть и незначительную, в знак их подданства<sup>15</sup>.

Хотя эти меры и не привели к полному успокоению края и прекращению набегов, но был сделан большой шаг к улучшению российско-северокавказских взаимоотношений.

30 декабря 1806 г. Турция объявила войну России из-за того, что она заняла Дунайские княжества. Россия имела тогда в Закавказье 20-тысячную армию. Тогда же по настоянию Франции Турция подписала с Ираном мирный договор<sup>16</sup>. Положение России на Кавказе серьезно осложнилось неблагоприятными переменами в Европе (победы Наполеона I, огромное усиление влияния Франции в Стамбуле) и поворотом Порты от союза с Россией к войне с нею<sup>17</sup>.

Это заставляло заняться и улучшением отношений с черкесами. Гудович написал Булгакову: «Ген.-м. Шеншин рапортует мне, что владетельные князьки Темиргойский, Атихойский, Наврузовский и Мохошевский, также некоторые из Бесленевских, нам преданы и совершенно отказались от сообщения с турецкими войсками, для чего и была отправлена к нему некоторая сумма денег, чтобы приласкивать расположенных к нам и употреблять из оной на шпионов для разведывания, что за Кубанью происходит»; чтобы «как можно больше удерживать сих князьков в преданности к России, я отправляю при сем к вашему высокопревосходительству 200 голландских червонцев, поручая вам оные отправить к ген.-м. Шеншину на приласкание их и выдачу сколько кому из них по его усмотрению... признает он за нужное»<sup>18</sup>.

Осетин-тагаурцев Гудович привлек к охране Военно-грузинской дороги. Феодал Ахмед Дударов отказался, причины для этого у него были. Ранее взаимоотношения его с Цициановым привели к восстанию осетин, которое было жестоко подавлено<sup>19</sup>. Однако Гудовичу удалось уговорить его братьев Эльмурзу и Таусултана. Им было разрешено брать плату за пропуск людей и транспорта по этой дороге. Строительство мостов рассматривалось не как обязанность их, а желательная мера. Старшины тагаурцев взяли на себя следующие обязательства:

1. Проезжающие купцы с товаром и без товаров платят тагаурцам по 10 руб. сер. с человека, которых должны они провожать от Казбека до Владикавказа и обратно, принимая на себя ответственность за их безопасность;
2. С простолюдинов грузин и армян собирать с конного по 35, а с пешего по 20 коп. сер.;
3. Дать 10 аманатов по выбору российского начальника во Владикавказе с десяти главнейших фамилий. Каждому аманату полагалось на содержание в сутки 25 коп. медью и т.д.<sup>20</sup>

Тем временем Гудович занялся чеченцами. Он собрал старшин мирных сел, выслушал их и разрешил пасти скот на левом берегу Терека, поселиться на правом берегу реки с условием охранять кордонную линию. В то же время он обещал не допустить притеснения их русскими войсками, улучшить содержание аманатов, уравнивать их в правах с русскими, разрешить беспопышную торговлю в русских пределах<sup>21</sup>. Но договор нарушался обеими сторонами. Гудович писал в Петербург: «Мирные чеченцы жалуются, что терские казаки от мирных деревень едущих ловят, обижают и бьют»<sup>22</sup>. Разумеется, чеченцы обиду не прощали, совершали набеги на Кавказскую линию, и вовсе исключить применение силы не удавалось. В 1807 г. Гудович направил в

Чечню генерала Булгакова для наказания виновных в совершении набегов, предписав щадить тех, кто изъявит покорность.

Приходилось использовать кое-что из практики древних римлян. По согласованию с царем, в экспедицию привлекли и кабардинских добровольцев. Гудович предписал начальствовавшему над кабардинцами генералу И.П. Дельпоццо «узнать как можно обстоятельнее о настоящем расположении и верности к России князей и владельцев Кабардинских и, когда найдете их усердными и готовыми к службе Е.И.В., то объявите им от моего имени, что всемилостивейшему нашему Г.И. приятно будет видеть в опытах их искреннюю их преданность и усердие. Уверьте притом их, что когда только пожелают они служить и представить отборных и хорошо вооруженных воинов своих на время нынешних неприятельских действий, то будут от щедрот Е.И.В. пожалованы чинами и снабжены жалованьем: каждый из князей, поставивший 1000 человек, полковничьим чином с жалованьем 1000 р., за 300 человек — майорским с жалованьем 1000 р., за 200 — капитанским, по 500 р.; узденям и прочим чинам положено будет также соразмерное жалованье, а рядовым каждому по 30 р. и сверх того провиант и фураж на две лошади. Отличившиеся в действиях против неприятеля награждаются за храбрость различными знаками и по мере заслуг пенсиями»<sup>23</sup>.

Дельпоццо ответил: «Было уговаривать их и весьма трудно, однако ж удалось мне воспользоваться теми трудами моей деятельности, что, наконец, кабардинцы обеих фамилий в числе 25 владельцев с прочими первой степени узденьями и другими разного звания людьми более 3000 человек, 19-го числа того ж февраля чрез р. Терек переправились и прибыли со мной на р. Сунжу»<sup>24</sup>. Для этого Дельпоццо пришлось созвать хассу (собрание). Особо старались в пользу России К. Джанхотов, Д. Хамурзин, Р. Бесленев, Б. Джамбулатов. Дельпоццо просил присвоить им российские воинские звания. Участие кабардинцев в этой экспедиции нужно было, чтобы раздуть вражду между этими двумя народами. Как пишет А.Н. Рябиков, «основные методы, которыми руководствовалась Россия в осуществлении своих целей, были военные. Кроме того, Россия, так же как и другие державы, применяла зарекомендовавшие себя способы контроля местной элиты, состоявшие, в частности, в ее прямом или косвенном подкупе»<sup>25</sup>.

Собрав три отряда, Булгаков 13 февраля вторгся в Чечню. Сам он вел отряд из Червленной, Мусин-Пушкин — из Моздока, на карабулаков, с ним шли 3,5 тыс. кабардинцев. Генерал М.К. Ивелич шел из Владикавказа. Общее командование взял на себя Булгаков. Всего набралось 8 тыс. солдат при 29 орудиях. Усмирив карабулаков, кабардинцы отказались идти дальше и вернулись к себе. Это внесло разлад и несогласованность в общие действия, и экспедиция, закончившаяся 18 марта, не дала ожидаемых результатов. Сильные бои произошли у селений Атаги, Гехи, Герменчук. Многие села были сожжены. Булгаков потерял 136 человек убитыми и 282 ранеными.

Однако Гудовичу Булгаков написал, что в бою с чеченцами за Ханкальское ущелье он потерял 158 человек, а чеченцы все уничтожены и что кабардинцы отказались идти в Чечню. 20 марта Гудович ответил Булгакову: «Сожалеею крайне, что кабардинцы, которые по рапорту ген.-м. Дельпоццо были совсем готовы вместе с нашими войсками против чеченцев, не были в сем деле употреблены; вся цель моя была та, чтобы сии два народа поссорить между собою и привести во вражду друг против друга, чем самым со временем их ослабить»<sup>26</sup>.

Еще при назначении на Кавказ Гудович советовал Александру I в случае упорства чеченцев уговорить соседей ради наживы напасть на них, «чрез что принуждены будут искать защиты от войск Императорского Величества, войска

же тем сбережены будут и меньше издержек»<sup>27</sup>. Гудович стал опасаться, как бы по этой же причине кабардинцы не отказались воевать с турками. В начале апреля он писал Дельпоццо: «Итак, из сего их поступка я должен заключить, что если турки что-либо в нынешнее лето предпримут со стороны Анапы, то они также откажутся действовать против них, потому что и турки имеют с ними одну веру. Какая же польза от их покорности и подданства и к чему служит их присяга, когда они столь явно не хотят содействовать противу неприятеля России?» Оправдывая потери, понесенные в Чечне, Гудович писал в Петербург: «При наказании чеченцев — неприятеля отчаянного, защищавшего себя с необычайною твердостью и зверством, нельзя было не иметь некоторого урона, как в офицерах, так и в нижних воинских чинах убитых и раненых»<sup>28</sup>.

Булгаков действовал в Чечне со свойственной ему жестокостью, не щадя жителей даже мирных сел, и тем самым озлобил народ; чеченцы возобновили массовые набеги на Моздок, Ставрополь, Сенгелеевку, увели в плен 300 человек и угнали 2000 голов скота. Гудович писал Булгакову: «Вы посланы не для того, чтобы вести войну с чеченскими народами, но наказать их и привести в совершенную покорность, что еще вами не окончено»<sup>29</sup>. Чиновники из Петербурга предлагали Гудовичу выслать чеченцев во внутренние районы России, а на их место поселить русских<sup>30</sup>. Гудович на это не пошел, да и международная обстановка не способствовала этому.

Кизлярский комендант полковник А.И. Ахвердов советовал Гудовичу повторить карательную акцию против чеченцев, не разделяя их на мирных и немирных, но Гудович не согласился. Он искал более цивилизованных путей налаживания взаимоотношений с чеченцами. Ему удалось убедить значительное число старшин дать присягу на верность России. Гудович выдал им компенсацию за потери, понесенные ими в ходе экспедиции Булгакова, в размере 2850 рублей. Старшина села Шали Бейбулат Таймазов получил офицерский чин.

В сентябре жители 12 чеченских сел принесли присягу России и выдали 24 аманата. За возвращение беглых и пленных солдат Булгаков обещал выдать чеченцам по 50 руб. за каждого<sup>31</sup>. Старшиной с. Б. Атаги был назначен Кучук-Бей Борагунский, Малые Атаги — Муса Хасаев Эндерийский, Гехи — Баммат Давлет-Гирей (Бекович-Черкасский). Управление над всеми мирными аулами чеченцев возложили на Ахвердова. Аманатов содержали в Кизляре.

14 апреля 1807 г. Гудович писал Гудбергу: «Экспедиция на чеченцев, о которой я сим же фельдъегерем в подробности имел счастье всеподданнейше донести Е.И.В., с помощью божиею окончена под начальством ген. от инф. Булгакова. Чеченцы совершенно покорены силой оружия и приведены к присяге на вечную верность и подданство Е.И.В.»<sup>32</sup>. Желая настроить чеченцев в пользу России, Гудович летом 1807 г. послал в Чечню некоего Кандаурова, который объехал 20 аулов, разъясняя необходимость успокоения. В итоге жители этих сел подтвердили «приятельные» отношения к России. Кандауров получил 1000 руб. на подарки влиятельным чеченцам, пострадавшим от ханкальских событий. Просьба чеченцев освободить их от уплаты пошлин за торговлю в Кизляре была удовлетворена<sup>33</sup>.

Обстановка требовала от Гудовича предпринять военные действия против турок с целью отвлечения части войск от Дунайской армии. В апреле он попытался занять турецкое укрепление Ахалчих, но потерпел неудачу. В конце июня 1807 г. турки были разбиты у реки Арпачай, тем самым Гудовичу удалось предотвратить вторжения турок в Грузию. В сентябре 1807 г. шах предложил ему начать мирные переговоры, но Гудович, не имея на это высочайшего повеления, отказался<sup>34</sup>.

В сентябре 1808 г. он решил занять Эривань и, прибыв туда с войсками, обратился к эриванскому хану: «Не берите в пример прежней неудачной блокады эриванской крепости. Тогда были одни обстоятельства, а теперь совсем другие. Тогда предводительствовал войсками князь Цицианов — из молодых генералов, не столько еще опытный в военном искусстве, а теперь командуя я, привыкший уже водить более 30 лет сильные российские армии»<sup>35</sup>. Гарнизон крепости не принял ультиматума, и Гудович взял ее в осаду, но штурм, проведенный 8 октября, после двухдневной бомбардировки, завершился неудачно: Гудович снял осаду и увел войско в Грузию.

Неудача под Эриванью удручающе подействовала на Гудовича, и он 18 июня 1808 г. подал в отставку. Царь удовлетворил просьбу и назначил на его место генерала А.П. Тормасова. Гудовича, учитывая его опыт, оставили временно на Кавказе, чтобы он помог новому командующему войсками войти в курс дел. Окончательно уволили Гудовича в марте 1809 года.

После ухода с должности он не сидел сложа руки. Именно он нашел в Дагестане родственника Сурхай-хана Казикумухского Аслан-бека, которого было решено выставить соперником Сурхай-хану и Шихали-хану Кубинскому. 12 февраля Гудович писал коменданту города Баку генералу И.И. Репину: «Отправляя к вашему превосходительству племянника Сурхай-хана Ханбутая Казикумухского, Аслан-бека, который в Дагестане довольно важен и имеет большое влияние, я поручаю вам тотчас по приезде его употребить в дело против ветреного Ших-Али и оказывать ему всевозможные пособия по его службе. Сей Аслан-бек в третьем году находился в Ахалцихе с партией лезгинцев, служавших на жалованье у Ахалцихского паши, но я успел его оттоль вызвать и склонил к себе до того, что он принял присягу на вечную верность подданства Е.И.В. и обязался с подвластным ему народом делать все возможные препятствия дагестанским хищникам, делающим грабежи по Кубинской дороге... Сего самого Аслан-бека со временем, если он покажет опыты своего усердия, я имею намерение с некоторою помощью от нас утвердить ханом Казикумухским»<sup>36</sup>.

Этот замысел Гудовича царское командование постепенно проводило в жизнь. При главнокомандующем царскими войсками в Грузии Ф.О. Паулуччи (назначен после Тормасова) царские войска отбили от Сурхай-хана Кюринскую провинцию. На этой территории было образовано Кюринское ханство, отданное под управление Аслан-беку, которого после этого стали величать Аслан-ханом. Казикумухским же ханом он стал в 1820 г., уже при генерале А.П. Ермолове. Таким образом, осуществилось предвидение и замысел Гудовича, что само по себе показывает свойственную этому российскому администратору и военачальнику на Кавказе политическую дальновидность.

### Примечания

1. ПОТТО В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб. 1887, с. 193.
2. ДУБРОВИН Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 5. СПб. 1887, с. 27.
3. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1. Тифлис. 1901, с. 252.
4. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М. 1988, с. 21.
5. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 3. Тифлис. 1869, с. 393.
6. ДУБРОВИН Н. Ук. соч., с. 26.
7. ВИНОГРАДОВ Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783—1816 гг. Славянск-на-Кубани. 2005, с. 282.
8. АКАК. Т. 3, с. 379.
9. Русско-дагестанские отношения в XVIII — начале XIX в. М. 1988, с. 268.
10. АКАК. Т. 3, с. 374.

11. Русско-дагестанские отношения, с. 281.
12. Там же, с. 181—182.
13. АКАК. Т. 3, с. 377.
14. Там же, с. 380.
15. ДУБРОВИН Н. Ук. соч., с. 26.
16. История народов Северного Кавказа, с. 25; РЯБИКОВ А.Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века. Славянск-на-Кубани. 2008, с. 63—64.
17. История народов Северного Кавказа, с. 25.
18. АКАК. Т. 3, с. 661.
19. БЛИЕВ М.М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе. 1959, с. 118.
20. АКАК. Т. 3, с. 222.
21. ДУБРОВИН Н. Ук. соч., с. 29; ГАПУРОВ Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801—1815 годы). Нальчик. 2004, с. 356.
22. Цит. по: ВИНОГРАДОВ Б.В. Ук. соч., с. 302.
23. АКАК. Т. 3, с. 645.
24. Там же, с. 647.
25. РЯБИКОВ А.Н. Ук. соч., с. 91.
26. АКАК. Т. 3, с. 666, 667.
27. БИРЮКОВ А.В. Российско-чеченские отношения в XVIII — середине XIX в. — Вопросы истории, 1998, № 2, с. 52—53.
28. АКАК. Т. 3, с. 655, 662.
29. Там же, с. 666.
30. ВИНОГРАДОВ Б.В. Ук. соч., с. 296.
31. АКАК. Т. 3, с. 674.
32. Там же, с. 667.
33. КОЛОСОВ Л.Н. Русско-чечено-ингушские отношения на рубеже XVIII—XIX вв. В кн.: Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный. 1982, с. 309.
34. История народов Северного Кавказа, с. 26; РЯБИКОВ А.Н. Ук. соч., с. 85.
35. ПОТТО В. Ук. соч. Т. 1, с. 412.
36. АКАК. Т. 3, с. 380—381.



## Образование советско-финляндской границы в 1918—1922 гг.

Ю.М. Аблаев

С обретением странами Балтии независимости, особое место в отношениях Латвии и Эстонии с Россией заняла территориально-пограничная проблема. Следуя в этом направлении, в Финляндии все отчетливее стали звучать голоса, ратующие за пересмотр существующих ныне границ. На этой волне активизировал свою деятельность запрещенный ранее «Карельский союз», основной идеей которого является возвращение Финляндии утраченных карельских земель. Для объективной оценки и эффективности дискуссии необходимо снять идеологическое табу на освещение данного вопроса.

Граница между Российской Федерацией и Финляндией формировалась одновременно с образованием независимого финляндского государства. После февральской революции в России 1917 г. Временное правительство восстанавливает автономные права финских земель, отмененные царскими властями. Вместе с тем окончательное решение вопроса о политическом будущем Финляндии и отношениях с Россией откладывается до созыва Всероссийского учредительного собрания. Финляндский сейм 5 июля 1917 г. принял в одностороннем порядке так называемый закон о власти, предоставлявший Финляндии право самостоятельно решать все вопросы, за исключением военных и внешнеполитических. Временное правительство России распустило сейм и назначило новые выборы.

На состоявшихся в октябре 1917 г. выборах, большинство получили буржуазные партии, выступающие за полную государственную независимость Финляндии. 6 декабря сейм по инициативе правительства во главе с П.Э. Свинхувудом принимает решение о провозглашении Финляндии «независимой республикой» и поручает правительству принять необходимые меры для ее признания Россией и международным сообществом<sup>1</sup>.

В результате октябрьской революции в России, большевики провозгласили 2 ноября 1917 г. в «Декларации прав народов России» право наций на самоопределение. Это значительно облегчило задачу финляндской правительственной делегации, прибывшей в Петроград. Декретом СНК Российской республики от 18 декабря 1917 г. Финляндская республика признается независимым государством<sup>2</sup>, а 4 января 1918 г. ВЦИК утверждает постановление Совнаркома.

Но четкой государственной границы по существу установлено еще не было. Это обстоятельство усугублялось тем, что России пришлось признать независимость не только Финляндии, но и Украины, позднее — Эстонии, Латвии и Литвы, а в феврале

---

*Аблаев Юрий Михайлович* — кандидат исторических наук, Первый пограничный кадетский корпус ФСБ России. Санкт-Петербург.

1919 г. и Белоруссии<sup>3</sup>. Процесс политического урегулирования межнациональных отношений, связанный с возникновением национально-территориальных образований и отделением их от России, повлек за собой решение сложных проблем определения границ.

Сложная и напряженная обстановка вокруг первой социалистической республики потребовала принятия решительных мер по удержанию ситуации на границе. Речь шла не просто о безопасности России, а о самом ее существовании. Поэтому уже на третий день после захвата власти Военно-революционный комитет Петроградского Совета, рабочих и солдатских депутатов принимает решение о временном закрытии государственной границы. С этой целью в Торнео и Белоостров выезжают комиссары для контроля и организации работ контрольно-пропускных пунктов на границе с Финляндией и Швецией. 11 января 1918 г. принимается решение о запрете ввоза и вывоза товаров<sup>4</sup>.

Для разрешения практических вопросов, включая установление российско-финляндской государственной границы, предполагалось образовать особую советско-финляндскую комиссию<sup>5</sup>. Однако дальнейшего развития линия улучшения двусторонних отношений тогда не получила, из-за разногласий по спорным территориям и притязанием сторон. Советская сторона считала, что границей между Россией и Финляндией должна стать граница Великого княжества Финляндского. Финны высказывали претензии на большую часть советских территорий, в чем их поддержала Германия.

Задачи по обеспечению охраны русско-финляндской границы были возложены на войска северного участка завесы 7-й армии, сосредоточенные для защиты Петрограда. При этом им предписывалось: соблюдать самый строгий нейтралитет в отношении Финляндии; обеспечить невозможность перехода границы как в ту, так и в другую сторону; немедленное разоружение всех нарушителей при любой попытке пересечения границы со стороны Финляндии. До установления временных правил пересечения границы ставилась задача войти в соглашение с финским военным командованием стоящих на границе частей, не разглашая при этом тайны проводимых мероприятий по охране границы<sup>6</sup>.

Вместе с тем, только армия не могла осуществлять охрану границы в полном объеме. Для этих целей 30 марта 1918 г. создается Главное управление пограничной охраны, которое и приступило к организации пограничной службы.

28 мая 1918 г. Совнарком обсудил проект декрета об учреждении погранохраны и принял его с незначительными поправками. В декрете отмечалось, что погранохрана учреждается при Наркомате по делам финансов. На нее возложена задача защиты пограничных интересов РСФСР, а в пределах пограничной полосы — защита личности и имущества граждан. Ее главными обязанностями были следующие: «а) ...воспрепятствование тайному провозу грузов и тайному переходу лиц через сухопутные и морские границы Российской Социалистической Федеративной Советской Республики; б) защита от расхищения водных богатств в наших пограничных и территориальных водах; в) надзор за соблюдением на пограничных реках правил международного судоходства; г) охрана наших рыбаков и промышленников в пограничных морях, озерах и реках; д) защита наших пограничных селений от нападений разбойников и кочевых племен; е) осуществление в потребных случаях пограничного карантина и прочее»<sup>7</sup>.

Положения декрета были целиком или в несколько измененном виде заимствованы из Правил об Отдельном корпусе пограничной стражи 1910 г. и Инструкции службы чинов ОКПС 1912 года. Это наглядно свидетельствует о том, что погранохрана РСФСР стала преемницей дореволюционной пограничной стражи в использовании ее положительного опыта в охране границы советской России.

Вместе с тем в декрете отмечалось, что пограничная охрана создается для защиты пограничных интересов социалистического государства. Таким образом определялась ее новая социально-юридическая природа. Декрет Совнаркома стал первым государственным актом, провозгласившим необходимость защиты пограничных интересов советской республики и создания для этого специальной вооруженной силы.

Немаловажную роль в охране границы играла Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, созданная 20 декабря 1917 года<sup>8</sup>. Чрезвычайные комиссии осуществляли контроль

над частями и подразделениями погранохраны и таможенными учреждениями без права вмешательства в их технические функции.

На северо-западных рубежах от Белого моря по границам Финляндии и Эстляндии до г. Гдова мероприятия по закрытию и специальному обеспечению охраны границы были возложены на Петроградский пограничный округ, формирование которого началось еще в апреле 1918 года<sup>9</sup>.

Северо-западная граница была разделена на 5 районов пограничной охраны: Петроградский и Финляндский с пунктом управления в Петрограде, где находилось и управление всего округа; Беломорский район — с управлением в Архангельске; Олонецкий район — с управлением в Петрозаводске и Чудской район — с управлением в Гдове (временно в Луге). Каждый район структурно делился на 3 подрайона. В кратчайшие сроки были определены штаты и уже 23 апреля 1918 г. они были утверждены приказом по управлению военного контроля. Для подбора кадров и комплектования районов были организованы специальные комиссии, которые спешно направляли на места прошедших через «фильтр военного контроля» руководителей вместе с отобранными пограничниками. При формировании районов пограничной охраны первостепенное внимание было обращено на комплектование Финляндского района, в силу его исключительной важности. Он был сформирован в первую очередь — 1 февраля 1918 г., взяв за основу границу Великого княжества Финляндского. Фактически, учитывая важность задачи, все районы формируются в течение нескольких месяцев. 7 мая регистрируется создание Петроградского района пограничной охраны и далее Чудский район — 8 мая, Беломорский район — 16 мая 1918 года. Завершилось формирование районов 23 мая 1918 г. регистрацией последнего, Олонецкого района пограничной охраны<sup>10</sup>.

В конце января 1918 г. в Финляндии вспыхнула, социалистическая по своему содержанию, революция. К марту большая часть финляндской территории контролировалась революционным правительством. 1 марта 1918 г. в Петрограде подписывается договор «Об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской социалистической республикой», который подтверждает признание РСФСР государственного суверенитета Финляндии и предусматривает передачу ей Петенгской области, «если на то будет изъявлено согласие свободною опрошенным местным населением», надеясь на дружественность соседнего государства, чем была бы обеспечена безопасность границ в этом регионе<sup>11</sup>.

Финляндия, в свою очередь, уступала РСФСР территорию форта Ино, стратегически важного пункта для защиты Петрограда. «Российско-финляндской государственной границей отныне будет линия, которая идет от Корватунтуры, находящаяся не теперешней российско-финляндской государственной границе по прямой линии к источникам реки Печенги, оттуда по восточному водоразделу реки Печенги, через Мотовской залив и Рыбачий Нос по прямой линии выходит на берег Ледовитого океана у Зубого<sup>12</sup>. В соответствии с договором между странами устанавливались добрососедские отношения, Финляндии оказывалась политическая и военная помощь.

Таким образом, финляндское революционное правительство вступило в союз с РСФСР, но противостоящее ему в гражданской войне правительство Свинхувуда сблизилось с Германией. Поэтому в феврале 1918 г. на советско-германских переговорах о мире в Брест-Литовске германская сторона настаивала на прекращении всякой помощи финляндскому революционному правительству со стороны РСФСР. Брест-Литовский мирный договор 3 марта 1918 г. между РСФСР и Германией предусматривал вывод русских войск, флота и Красной гвардии с финской территории, прекращение пропаганды и агитации в пользу финляндской революции<sup>13</sup>. После вынужденного заключения Брестского мира охрана и защита северо-западной границы для молодой советской республики приобрела особое стратегическое значение. Между Германией и Россией устанавливалась демилитаризованная зона протяженностью около 2 тыс. верст, которая проходила по линии Нарвы, Гдова, южным уездам Орловской, Воронежской и Курской губерний до будущей границы с Украиной<sup>14</sup>.

К концу апреля 1918 г. сторонники буржуазного правительства с помощью германских войск одержали победу в гражданской войне в Финляндии. Российско-финляндский договор 1 марта 1918 г. утратил свою силу, граница вновь оказалась спорной недемаркированной. И хотя линия разграничения по возможности сдерживалась

в рамках установленной административно-таможенной границы Великого княжества Финляндского, фактически эта граница на протяжении 1918—1922 гг. игнорировалась финляндской стороной, являясь предметом постоянных споров и свидетелем военных конфликтов, многочисленных вооруженных столкновений, массовых переходов и захватов <sup>15</sup>.

В мае 1918 г. финляндский парламент принимает решение о разрыве дипломатических отношений с РСФСР и финляндские войска начинают боевые действия против Красной армии под видом освобождения соплеменников — карелов. На самом деле преследовалась цель создания «Великой Финляндии», расширения своих территорий за счет России. К концу 1919 г. финны захватывают обширные районы Восточной Карелии, а в 1920 г. — Печенгу (Петсамо) <sup>16</sup>. В Восточной Карелии формируются органы власти, выступающие за отделение от РСФСР.

К концу 1920 г. Красная армия наносит поражение финским войскам и выходит на восточную границу бывшего Великого княжества Финляндского. Из территорий, не входящих в состав княжества во время Российской империи, финны удержали Ребольскую и Поросозерскую волости. Согласно постановлениям ВЦИК от 7 июня и 4 августа 1920 г. в населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний образуется автономная Карельская трудовая коммуна в составе РСФСР <sup>17</sup>.

Укрепление советской России заставило Финляндское правительство пойти на мирные переговоры, которые проходили при посредничестве Эстонии в Тарту. Вопрос определения границ был крайне сложным. Достаточно сказать, что за 4 месяца после заключения перемирия состоялось 11 пленарных заседаний, свыше 50 заседаний комиссий и свыше 100 заседаний подкомиссий. Кроме того, несколько раз приходилось устраивать специальные полуофициальные совещания представителей обеих делегаций <sup>18</sup>.

Например, ингерманландская эмиграция в Финляндии направила в Тарту своих делегатов, которые были приняты финской стороной. Российская сторона отказала во встрече, так как считала эту эмиграцию антисоветской и причастной к вооруженной борьбе против новой власти. Однако поданное делегацией заявление о том, что ингерманландским и карельским эмигрантам-беженцам «даруется полная политическая амнистия и им предоставляется право возвратиться на родину» <sup>19</sup> было приложено к протоколу переговоров и явилось предметом обсуждения.

Среди обсуждавшихся территориальных проблем наиболее трудными были вопросы о Восточной Карелии и Печенге. Финляндия продолжала поддерживать эмигрантские карельские правительства. Что же касается Печенги, то финские дипломаты апеллировали главным образом указом российского императора Александра II от 1 февраля 1864 г. <sup>20</sup>, который обещал компенсировать изъятие у Великого княжества Финляндского территории Сестрорецкого оружейного завода.

В качестве одного из вариантов решения вопроса рассматривалось предоставление Финляндии выхода к Ледовитому океану в районе Печенги <sup>21</sup>. Как жест доброй воли, ради скорейшего заключения договора, советская сторона согласилась удовлетворить требования Финляндии по поводу Печенги, хотя и отвергла при этом предложенные финской делегацией обоснования. Все притязания относительно Восточной Карелии были отклонены, более того, советская дипломатия настояла на возвращении РСФСР Ребольской и Поросозерской волостей.

14 октября 1920 г. в Юрьеве (Тарту) подписывается мирный договор между РСФСР и Финляндией <sup>22</sup>, которым подтверждалось признание независимости и суверенитета Финляндского государства в границах бывшего Великого княжества Финляндского, а именно — через губу Вайда (Баренцево море) пополам, по меридиану на юг до пограничного знака № 90 на горе Корватунтури и далее до Ладожского озера, через это озеро и Карельский перешеек до Финского залива <sup>23</sup>. Также устанавливались размеры территориальных вод обоих государств в Финском заливе.

Таким образом, по договору Ребольская и Поросозерская волости возвращаются России. Финляндия признавала существование Восточно-Карельской автономной области, образованной карельским населением Архангельской и Олонецкой губерний и имеющей право национального самоопределения. По поводу статуса этой области советская делегация сделала заявление, внесенное в протокол при подписании мирного договора <sup>24</sup>. В заявлении говорилось об автономии Восточной Карелии во

внутренних делах и об ее вхождении в состав Российского государства на началах федерации.

К Финляндии отошла Печенгская область. Район Печенги был одним из районов Лапландии, который с XVII в. фактически находился в совместном управлении России и Датско-Норвежского королевства, а с 1814 г. — Норвежского королевства. По конвенции от 14 мая 1826 г. о разграничении между Норвегией и Россией, подписанной в Санкт-Петербурге, район Печенги отошел к Российской империи. В 1918 г., в ходе гражданской войны в Финляндии, район Печенги был занят белофинскими войсками и по договору оставлен за Финляндией. Во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг. район Печенги был занят Красной армией, но по мирному договору между СССР и Финляндией 12 марта 1940 г. возвращен Финляндии. В 1944 г. советские войска снова заняли район Печенги, который в 1947 г. по мирному договору между СССР и Финляндией окончательно был сохранен за Советским Союзом.

В соответствии с мирным договором 1920 г. граница с Финляндией демаркировалась на местности на всем протяжении от Финского залива до Баренцева моря. Линия границы обозначалась 920 пограничными знаками<sup>25</sup>. Большое место в договоре было уделено формированию состояния военной безопасности между государствами. В ряде статей предусматривались мероприятия по нейтрализации пограничных территорий обеих стран. В частности, государства брали на себя обязательства по нейтрализации Финского залива и всего Балтийского моря (ст. 12). Финляндия обязалась нейтрализовать в военном отношении принадлежащие ей острова, а также не содержать войска в большем числе, чем требуется для поддержания порядка. Кроме того, Финляндия обязалась удалить орудия и впредь не строить батарей с сектором обстрела за пределами Финляндии — 20 км. Это было крайне важно, так как расстояние от границы Финляндии до Петрограда составляло 32 км. Оба государства обязались не строить военных сооружений на Ладожском озере, на берегах и реках и обеспечивать беспрепятственное плавание торговым судам без военных грузов.

С Финляндией немедленно, по вступлении договора в силу, восстанавливались дипломатические и консульские отношения. Договор предусматривал также и регулирование многих остальных вопросов: гражданства, военнопленных, рыбной ловли, восстановления почтово-телеграфной связи, упорядочения железнодорожного сообщения, возобновления экономических отношений, обоюдного ввоза судов и даже обеспечения в течение 10 лет мест в финском санатории для жителей Петрограда, а также многое другое. Причем динамичность договору придавало наличие в нем оговорок о создании различного рода специальных, рабочих комиссий и подкомиссий.

Ратификация договора в Москве состоялась 1 декабря, а 11 декабря он был утвержден президентом Финляндской Республики. 24 декабря последовало соединение российской железной дороги с финляндской, а 1 января 1921 г. обмен ратификационными грамотами в Москве. 19 февраля в Финляндию выехал полномочный представитель России Я. Берзин, который 22 февраля представил президенту Финляндии верительную грамоту.

Несмотря на то, что и после подписания договора по обе стороны сохранилось недоверие друг к другу, Юрьевский мирный договор имел важное значение для последующей истории советско-финляндских отношений. Им были заложены основы мирного, добрососедского сосуществования с признанием суверенитета обоих государств.

Вместе с тем, в Финляндии многие говорили о том, что заключен «позорный мир». Хотя некоторые политики считали, что мир «слишком хорош» для Финляндии. И, прежде всего потому, что Финляндии удалось получить границу в 32 км от Петрограда, что в случае падения власти большевиков, в чем многие, опасаящиеся распространения мировой революции политики по-прежнему не сомневались, позволит быстро овладеть Петроградом<sup>26</sup>.

Необходимо отметить и то, что в России тоже не испытывали к Финляндии особого доверия в связи с позицией последней по вопросам Восточной Карелии и ожидали новых нарушений границы.

К этому времени охрану границы с Финляндией осуществлял 45-й полк внутренней службы. Охрану Карельского участка северо-западной границы приняла 48-я бригада 16-й стрелковой дивизии. Позже из 48-й стрелковой бригады был сформиро-

ван Петрозаводский пограничный отряд. В охране Карельского участка границы участвовали и части 10-й стрелковой дивизии, 88-й стрелковый полк, который послужил основой рождения Ребольского пограничного отряда <sup>27</sup>.

24 ноября 1920 г. Совет Труда и Обороны принял постановление, которым юридически передал охрану границ РСФСР в ведение особого отдела ВЧК по охране границ <sup>28</sup>. Это означало, что отныне пограничные войска становились одним из важнейших звеньев системы государственной безопасности Советской республики и, несомненно, способствовало становлению и развитию пограничных оперативных органов, усилению эффективности борьбы со шпионами, диверсантами, бандитскими формированиями, контрабандистами и другими враждебными элементами.

Осенью 1921 г. в Восточной Карелии вспыхнуло антисоветское восстание, с целью пересмотра условий Юрьевского договора 1920 г. и присоединения ее к Финляндии. Карельские белоэмигрантские организации поддерживали официальные финляндские власти. В результате нового вторжения в Карелию к октябрю 1921 г. территории Тунгудской, Ребольской, Ухтинской и Вокнаволоцкой волостей вновь были заняты белофиннами. В ноябре ими уже было захвачено и множество населенных пунктов Кемского уезда <sup>29</sup>. Несмотря на это, вооруженное вторжение на советскую территорию провалилось. В декабре для ликвидации белофинских вооруженных отрядов в Карелию прибыли части Красной армии, которые к февралю 1922 г. разгромили отряды, оккупировавшие территорию Карелии и вышли на государственную границу.

Благодаря принятым советским правительством решительным военным мерам, Финляндия вновь вынуждена была искать пути к продолжению переговоров. Предусмотренная Юрьевским мирным договором 1920 г. Центральная смешанная Российско-Финляндская комиссия изучила опыт, помешавший безоговорочному выполнению договоренностей и достижению результатов, предусмотренных этим договором. В результате ее работы 1 июля 1922 г. в Хельсинки подписывается Соглашение между РСФСР и Финляндской Республикой о мероприятиях, обеспечивающих безопасность границ. В нем заявлялось, что правительство РСФСР и правительство Финляндской Республики решили заключить данное соглашение, желая предотвратить в будущем возможность возникновения бывших на границе конфликтов. В развитие положений мирного договора, соглашение предусматривало мероприятия обеих сторон по реализации предусмотренных договором положений и обеспечению надлежащей безопасности государственной границы. Так, ст. 1 четко определялись пограничные полосы с обеих сторон границы, в пределах которых в целях обеспечения неприкосновенности границы стороны обязались соблюдать определения соглашения. В числе других соглашением предусматривалась дальнейшая демилитаризация пограничной зоны, создание коридора безопасности на границе. В ст. 2 соглашения предписывалось охрану границы осуществлять либо регулярными воинскими частями, либо пограничной стражей, общая численность коих не должна превышать 2500 человек. При этом допускалось, что охрана границы может осуществляться преимущественно пехотой, а также кавалерией. Кроме того, регламентировался порядок охраны границы, вводились ограничения на применение родов войск и оружия <sup>30</sup>.

О напряженности обстановки на северо-западном участке границы в этот период свидетельствуют следующие данные: с 1921 по 1925 г. произошло 58 вооруженных нападений на пограничную охрану, 61 вооруженное столкновение с бандитами и контрабандистами, 163 случая обстрела наших пограничных нарядов <sup>31</sup>.

В 1921—1923 гг. финляндское правительство безуспешно пыталось пересмотреть в свою пользу «карельский вопрос» с помощью Лиги наций и Международного суда в Гааге <sup>32</sup>. Советское правительство в свою очередь неоднократно пыталось восстановить дружественные отношения с Финляндией. Начиная с 1926 г. оно добивалось заключения с Финляндией договора о ненападении, который был подписан лишь в 1932 году <sup>33</sup>. По договору подтверждалась неприкосновенность границ, определенных Юрьевским договором 1920 года. Первоначальный трехлетний срок действия договора в 1934 г. был продлен до конца 1945 года.

1. КЛЮЧНИКОВ Ю.В., САБАНИН А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М. 1926, с. 94.
2. Там же, с. 107.
3. Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик: в документах. М. 1973, с. 53, 64, 106, 118.
4. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М. 1957, с. 74.
5. Там же, с. 71.
6. Приказ Военного Совета Петроградского района военному руководителю Северного участка завесы об организации охраны на русско-финской границе. В кн.: Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—22 гг. Сб. док. Тегозеро. 1944, док. № 29.
7. Декреты Советской власти. Т. II. М. 1959, с. 331—333.
8. Пограничные войска СССР 1918—1928. Сб. док. и материалов. М. 1973, с. 67—68.
9. Подробнее о создании и организации пограничной охраны Северо-Западного пограничного округа см.: ФИЛИППОВ Э.М. Северо-Западный пограничный округ: история и современность. СПб. 2000.
10. ФИЛИППОВ Э.М. Ук. соч., с. 15.
11. «Правда». 10 марта 1918.
12. КЛЮЧНИКОВ Ю.В., САБАНИН А. Ук. соч., с. 121.
13. Документы внешней политики СССР. Т. 1, с. 71.
14. На страже границ России. М., 1997. Ч. 2, с. 258.
15. УТКИН Н.И. Россия — Финляндия: «Карельский вопрос». СПб. 1999, с. 237.
16. ХЯККИНЕН К., ЦЕТТЕРБЕРГ С. Финляндия вчера и сегодня. Краткий очерк истории Финляндии. Йошкар-Ола. 1997, с. 86.
17. Образование СССР. Сб. док. 1917—1924. М.-Л. 1949, с. 173, 175.
18. КЕРЖЕНЦЕВ П.М. Мир с Финляндией. Саратов. 1920, с. 17.
19. КАРХУ Э.Г. Малые народы в потоке истории. Исследования и воспоминания. Петрозаводск. 1999, с. 163.
20. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. Т. 39. 1867, с. 78—79.
21. Там же.
22. Мирный договор между Россией и Финляндией. Официальный текст. М. 1920.
23. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М. 1959, с. 265—280.
24. Там же, с. 281.
25. Информационный бюллетень «Спорные территории на финляндском участке границы». СПб. 1996, с. 1.
26. Документы внешней политики СССР. Т. 4. М. 1960, с. 646.
27. ФИЛИППОВ Э.М. Ук. соч., с. 24.
28. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. 1917—1921. Документы и материалы. М. 1958, с. 423—424.
29. Национальный архив Республики Карелия, ф. 41, оп. 1, д. 45, л. 184.
30. Документы внешней политики СССР. Т. 5. М. 1961, с. 389.
31. ФИЛИППОВ Э.М. Ук. соч., с. 65—73.
32. Внешняя политика СССР. Сб. док. Т. 2. М. 1944, с. 723—728; КЛЮЧНИКОВ Ю.В., САБАНИН А. Ук. соч. Ч. 3. М. 1926, с. 162—163, 235, 283—284.
33. Документы внешней политики СССР. Т. 15. М. 1969, с. 45—48; ХЯККИНЕН К., ЦЕТТЕРБЕРГ С. Ук. соч., с. 90.

# Проблема резерва для генерального наступления русской армии в 1917 г.

М.В. Оськин

Российское военно-политическое руководство к концу 1916 г. вполне адекватно оценивало внутриполитическую обстановку в стране. Верховный Главнокомандующий император Николай II прекрасно сознавал, что его монархия может быть опрокинута раньше, нежели будет одержана обозначившаяся победа в войне. Речь П.Н. Миллюкова 1 ноября 1916 г., послужившая сигналом к решительному натиску на режим со стороны буржуазно-либеральной оппозиции и гибель Г.Е. Распутина 17 декабря, ярко отражали кризис доверия общества к власти. Свои надежды на стабилизацию внутреннего положения и удержание власти император возлагал на успехи фронта. Ставка делалась на весеннюю кампанию 1917 года.

Русская действующая армия, потеряв в 1914—1915 гг. обученный запас и подготовленные в период позиционной паузы зимы 1916 г. кадры в брусилловском прорыве, к 1917 г. являлась, по сути, «вооруженным народом». Львиную долю войск составляли ратники государственного ополчения 2-го разряда и новобранцы; слаб был и унтер-офицерский кадр. Так, январский приказ главнокомандующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта отметил «незнание нижними чинами правильной сборки винтовок: собрать правильно винтовку не могут не только рядовые, но и унтер-офицеры»<sup>1</sup>. Оценивая войска, генерал Виноградский писал, что рядовые действующей армии зимой 1916—1917 гг. «...обладали некоторыми свойствами милиции, утомились к концу летней кампании, реагировали на политические настроения в глубоком тылу... Наступательная сила армии прогрессивно ослабевала, но в зиму 1917 г. армия была еще в общем безусловно здорова»<sup>2</sup>.

Первостепенным вопросом являлось количество штыков на фронте. В ходе всей войны, несмотря на значительные потери, численность армии неуклонно возрастала. К 1 октября 1914 г. она насчитывала 2,7 млн чел., к 1 декабря — 2 млн, к 1 апреля 1915 г. — 4,2 млн, к 1 ноября — 4,9 млн, к 1 февраля 1916 г. — 6,2 млн, к 1 июня 1916 г. — 6,8 млн, к 1 ноября — 6,9 млн человек. Тем не менее, людские запасы страны иссякали. В докладной записке военного министра начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего М.В. Алексею от 15 октября 1916 г. указывалось, что «в пределах воинской повинности» осталось около 1,4—1,5 млн чел., а переменный состав запасных пехотных полков к 1 октября насчитывает 788 тыс. человек. Британский представитель при русской Ставке А. Нокс, считая, что русской армии требуется масса технических средств, дабы сократить число потерь в предстоявших боях, просил предоставить сведения о числе резервов, чтобы убедить свое правитель-

---

*Оськин Максим Викторович* — кандидат исторических наук, старший преподаватель Института законодательства и управления Всероссийской полицейской ассоциации. Тула.



ство в необходимости помощи. Но союзники полагали, что в России оставалось еще 3—3,8 млн людей, годных для армии, поэтому истинной информации Ноксу не предоставили, дабы сохранить свое влияние в коалиции перед решающей кампанией. Военное министерство ограничилось «общими по сему сведениями теоретического характера»<sup>3</sup>.

Действительно, потери летней кампании 1916 г. (1,4 млн — по Н.Н. Головину<sup>4</sup>; 2 млн — по С.Г. Нелиповичу<sup>5</sup>) сильно понизили возможности страны по изысканию людских ресурсов для фронта. О больших потерях (около 2 млн) говорят и данные Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) к 1 октября 1916 года<sup>6</sup>.

Восполнить потери позволила новая зимаья передышка, когда отдохнуть не удалось лишь Румынскому фронту, где продолжались бои. Так, общие потери с 31 декабря по 6 января 1917 г. составили 2723 убитых, 7656 раненых, 373 контуженных и 453 пропавших без вести. В том числе 2245 убитых (82,5%) — на Румынском фронте<sup>7</sup>. В январе в Румынию подходило по 4 эшелона с подкреплениями в сутки, вместо 3 эшелонов в декабре<sup>8</sup>. Комплект людей в первой декаде января 1917 г. имел проблемы лишь на Румынском фронте<sup>9</sup>.

Сознавая назревающий кризис пополнений, военный министр генерал Д.С. Шуваев требовал осторожного отношения к дальнейшему увеличению действующей армии вследствие истощения людского запаса страны. В качестве первоочередной меры он предлагал сокращать число тыловых чинов, чтобы пополнить некомплект в боевом составе. От непопулярных мер на национальных окраинах было решено пока отказаться. Речь идет об указе Николая II от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ», вызвавшего восстание в Туркестане<sup>10</sup>.

В связи с реорганизацией армии зимой 1916—1917 г. было решено увеличить цифру пополнений. Образование пехотных дивизий 4-й очереди (43 единицы) «без увеличения числа солдат само по себе явилось отражением кризиса людских резервов»<sup>11</sup>. Доводы ГУГШ о возможной отправке в окопы в месяц лишь 120—123 тыс. чел. в расчет не принимались.

Предложения военного министра в начале декабря были переданы царю. Однако Николай II, прежде всего, одобрил меры по возвращению в армию дезертиров, отпусковых, командированных и т. п. (около миллиона человек). В ноябре были образованы «особоборные» команды нижних чинов армий фронтов, предназначенные для задержания солдат, бродяжничавших в войсковых районах и районе общего тыла фронтов, и дезертиров. Все задержанные передавались в переменный состав этих команд, затем — в исправительные роты, и, наконец, — в запасные батальоны фронтов, откуда их направляли в окопы<sup>12</sup>. Также в начале 1917 г. военные в очередной раз просили МВД усилить облавы на дезертиров. Однако не хватало сил и у полиции<sup>13</sup>. Императорским указом отменялись отпуска, отпускников требовалось вернуть в войска к 1 февраля; кавалерия отправлялась на поимку дезертиров в прифронтные районы; сокращалась штатная численность штабов и учреждений; был объявлен призыв молодежи из организаций Земгора; молодые солдаты в тылах и запасных частях заменялись старшими возрастными<sup>14</sup>.

Дабы увеличить личный состав войск, Верховным командованием предпринимались меры к увеличению числа солдат в боевой линии, и производству некоторых льгот. Например, 14 октября 1916 г. командирам полков было предоставлено право разрешать вступление солдат в законный брак, что ранее запрещалось законодательством<sup>15</sup>. Считалось, что данная мера снизит масштабы уклонения от передовой. Повелением императора от 21 октября инородцам разрешалось взамен привлечения к окопным работам по распоряжению 25 июня поступать охотниками в части казачьих войск без зачисления в войсковое сословие (рядовыми, с собственным оружием и обмундированием). Такие «казаки» после окончания военных действий подлежали немедленному увольнению из Вооруженных сил<sup>16</sup>. В конце 1916 г. из беглых солдат стали образовывать особые роты при запасных пехотных полках. Эти роты с марта вливались в маршевые роты, шедшие на фронт в качестве пополнения<sup>17</sup>. Приказами по армиям в начале 1917 г. запрещалось ограничение прав на отпуск для солдат как

мера наказания, что ранее имело следствием массовые побеги<sup>18</sup>. С конца 1916 г. в войска широким потоком пошла техника. В резерве создавался специальный 48-й корпус — корпус тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН). За 1916 г. число орудийных стволов тяжелой артиллерии выросло в 1,5—2 раза<sup>19</sup>.

Для насыщения полевых войск и корпуса ТАОН военное ведомство рассчитывало на поступление к лету 1917 г. новых орудий, как с отечественных оборонных предприятий, так и от союзников. Согласно «Программе снабжения армии главнейшими предметами артиллерийского довольствия на период до 1 января 1918 г.», составленной в Главном артиллерийском управлении 14 января 1917 г., Восточный фронт должен был получить 400 120-мм и 100 155-мм французских, 152 5-дюймовых английских пушек, а также 100 8-дюймовых и 40 11-дюймовых гаубиц. Русские заводы должны были дать около 1200 орудийных стволов калибров выше 3-дюймового — от 42-линейных скорострельных пушек до 12-дюймовых гаубиц. К 10 июня 1917 г. русские фронты имели заметное преимущество над противником в числе орудий, за исключением тяжелой артиллерии<sup>20</sup>.

Помимо технического усиления войск, зимой 1916—1917 г. проходит мощное наращивание группировок фронтов. При этом увеличение доли боевых частей проходило, в первую очередь, не за счет сокращения тылового состава армий, а за счет поступления в окопы пополнения. Эту динамику можно проследить на соотношении бойцов наличного состава Юго-Западного фронта (ЮЗФ) в осенне-зимние месяцы: к 1 октября 1916 г. — 2 789 099 чел. (вместе с 9-й армией, а также 3-м и 6-м кавалерийскими корпусами, вошедшими затем в состав Румынского фронта); к 1 декабря — 2 303 801 (в том числе численность боевых частей — 1 546 940); к 1 января 1917 г. — 2 366 539 (1 664 642); к 1 февраля — 2 323 657 (1 776 584).

Вливание резервов и сосредоточение их на передовой позволило командованию к весне 1917 г. подготовить мощную ударную группировку. Из выдвинутых против Германии и Австро-Венгрии на западном театре 8,5 млн чел., 4,67 млн располагалось в боевых частях, предназначенных для генерального наступления<sup>21</sup>.

Согласно принятому стратегическому планированию, главный удар возлагался на ЮЗФ, при поддержке Румынского фронта. В целях подготовки, штаб ЮЗФ провел военную игру по организации взаимодействия артиллерии и пехоты в наступательном бою. По ее итогам главнокомандующий фронтом генерал А.А. Брусилев выбрал начальников ударных артиллерийских групп в предстоящем наступлении. Опираясь на мнение общевойсковых командиров и инспекторов корпусной артиллерии, он наметил участки прорыва неприятельского фронта<sup>22</sup>. Этими мероприятиями опыт организации брусилевского прорыва был умножен и расширен.

С декабря 1916 г. запасные стали усиленными темпами отправляться на фронт, что отчетливо видно на постепенном сокращении числа солдат тыловых гарнизонов, пригодных к отправке с маршевыми ротами. По данным ГУГШ, к 14 декабря 1916 г. пригодных для отправки в окопы солдат насчитывалось 1 608 291 чел., к 25 января 1917 г. — 1 422 905, к 1 марта — 1 395 787 человек. Всего во 2-й половине 1916 г. было призвано 1,27 млн чел., а после февральской мобилизации 1917 г. около 700 тыс. новобранцев. В распоряжении военного ведомства осталось не более 1,4 млн людей, могущих быть призванными в армию<sup>23</sup>. При этом качественный состав последних призывов существенно понижался. Так, в призыве 1898 г.р. февраля 1917 г. признанные «совершенно неспособными» к несению воинской службы навсегда освобождались от службы, однако признанные «неспособными» зачислялись в ополчение 2-го разряда (данный призыв между тем должен был дать 30 тыс. ратников 2-го разряда)<sup>24</sup>. Тем не менее в преддверии весны действующая армия насчитывала 6,8 млн штыков и сабель, в большинстве своем прошедших воинское обучение<sup>25</sup>.

Казалось, что положение дел на фронте исполнено оптимизма. Однако гигантские воинские перевозки, проводившиеся во имя подготовки к наступлению, окончательно надорвали русский транспорт, вызвав продовольственный кризис зимы 1917 года. Так, 27 января на совещании в Министерстве путей сообщения было вынесено решение: просить Ставку о сокращении с 1 по 14 февраля перевозок с людским пополнением на фронты. В связи со снежными заносами предлагалась следующая градация перевозок: топливо и продовольствие для армии; продовольствие для тыловых гарнизонов; продовольствие для населения<sup>26</sup>. Однако Ставка и фронты не согласи-

лись отказаться от людей. Уже 13 февраля Брусилов телеграфировал Алексееву, что пополнения должны высылаться на фронт теперь же. Во-первых, чтобы не повторилась ситуация 1916 г., когда отсутствие подкреплений в ходе операции не давало возможности развить успех. Во-вторых, чтобы новобранцы втянулись во фронтовую жизнь. К 1 апреля Брусилов требовал 530 маршевых рот. В итоге 19 февраля Ставка сообщила начальнику военных сообщений на ТВД, что «с 20 февраля должна начаться самая интенсивная перевозка людских укомплектований Юго-Западному фронту». Только слезные просьбы Министерства путей сообщения о прекращении воинских перевозок с 21 февраля по 1 марта на Южных и Юго-Восточных железных дорогах временно сократили приток новобранцев на фронт<sup>27</sup>. Эти дороги требовались для вывоза хлеба из плодородных губерний в центральные и северные регионы.

Но и когда в столице уже началась революция, командование требовало людей. 25 февраля Эверт сообщил Алексееву, что фронт нуждается в «усиленной высылке» пополнений для образования из них «мощного запаса», дабы «избегнуть уничтожения кадров полков, как это было в 1915 году». Резервы истребовались, чтобы расчеты командования фронтом не были «нарушены в зависимости от обстановки на соседних фронтах, как это было в 1916 году»<sup>28</sup>. Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Н.В. Рузский помимо подобных требований в отношении резервов, призвал Военное министерство и Ставку немедленно отправлять в окопы пойманных дезертиров и выявленных уклонистов от воинской службы<sup>29</sup>.

Незвизрая на все трудности, вызванные развитием революционного процесса, с марта по июнь Временное правительство необоснованно рассчитывало на то, что революционная армия «свободной России» не только продолжит вести войну, но и превзойдет по своим боевым качествам старую армию. Учитывая пожелания правительства, командование старалось делать все от него зависящее, чтобы подготовить наступление. Прежде всего возобновились требования на передачу пополнений в окопы, что было прервано тяжелой кризисной зимой и февральскими событиями. Заявки фронтов к 1 апреля 1917 г. составляли: Северный фронт — 400 маршевых рот, Западный фронт — 1540, Юго-Западный фронт — 1500, Румынский фронт — 380, Кавказский фронт — 30 рот. Кроме того, на развертывание 107-й, 118-й и 128-й пехотных дивизий необходимо 36 рот. Итого — 3886 маршевых рот, 965 тыс. человек. Внутри же страны, в тыловых округах в составе запасных пехотных полков, к этому времени находилось 878 146 человек<sup>30</sup>.

Крупнейшей базой подготовки резервов для фронта и железнодорожным узлом являлась столица — Петроград. Однако Временное правительство гарантировало невывод войск столичного гарнизона на фронт в качестве платы за участие в государственном перевороте, ставшем революцией. Тем самым действующая армия одним махом лишалась 300 тыс. маршевых штыков, во многом уже прошедших воинское обучение и подготовленных для фронта.

Поставленная задача подлежала разрешению, и за разработку методов ее решения раньше других взялись военные. В апреле военное ведомство представило во Временное правительство доклад относительно проблемы пополнения действующей армии. В частности, предлагалось фактически отменить положения статьи 15 Устава о воинской повинности: «лица, совершившие преступления, влекущие за собой исправительные наказания с потерей всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ — на военную службу не принимаются. Таких лиц в возрасте от 21 до 43 лет по статистическим данным около 300 тысяч. Ныне Военное министерство имеет в виду, что Временным правительством уже разрешено преступникам указанной категории, состоящим под следствием или судом, а также отбывающим наказание, добровольно поступать в войска, находит желательным привлечь на военную службу (в порядке принуждения) как упомянутых лиц, так и лиц уже отбывших наказание»<sup>31</sup>.

Маневрируя революционной фразеологией, зачастую выливавшейся в практические решения, правительство обьявило чуть ли не во всеобщей амнистии. Помимо политических заключенных освобождались и те уголовники, что пожелали бы служить в Вооруженных силах. Кроме того, исполняя пожелания «низов», в окопы стали отправлять полицейский состав внутренних округов. Тем самым боеспособность войск не могла не понизиться, причем самым резким образом. Казачий офицер-артиллерист А.А. Упорников в письме домой от 22 марта сообщал: «...На фронт посылают

полицейских, жандармов и каторжных. Надо побыть в шкуре офицера, чтобы точно понять, что этого делать нельзя»<sup>32</sup>.

Действительно, вскоре войска стали отказываться от предлагаемых пополнений, предпочитая не иметь их вовсе<sup>33</sup>. Лучше миному боееспособных людей, чем максимуму потенциалных дезертиров. Даже Брусилов в письме А.Ф. Керенскому от 12 июля сообщал о «крайне вредном и разлагающем влиянии» таких резервов и просил прекратить их отправку в действующую армию, предлагая направлять их на «наиболее тяжелые работы по обороне». Эта проблема так и не получила своего разрешения, а в военных округах скапливалось большое количество солдат из уголовников, которые, по донесениям Генерального штаба военному министру, «терроризируют местное население». Местные власти во главе с губернскими комиссарами были бесильны бороться с этим явлением.

В своих мероприятиях по отправке на фронт все новых и новых пополнений, вне зависимости от их качества, власти часто опирались на низовую инициативу. Фронтвики требовали посылки в окопы всех тыловиков без исключения. Правительство же было уверено, что возьмет свое — не качеством, так количеством. Например, на митинге 9-й Сибирской стрелковой дивизии, осуждающем выступление большевиков в Петрограде 10 июня, солдаты потребовали «для пополнения рядов действующей армии немедленной отправки на фронт всех, находящихся в тылу солдат и офицеров, кроме больных и раненых»<sup>34</sup>.

Между тем Военное министерство в панике сообщало Керенскому, что при освидетельствовании больных и ратников 2-го разряда в действующую армию направляют огромное количество негодных людей, обременяя боевые части малопригодным элементом, который не только агитирует против наступления, но и еще до боев переполняет госпитали. Военные предлагали образовать на время войны особый резерв государственного ополчения, куда и следовало направлять негодных для службы в строю по состоянию здоровья<sup>35</sup>. Но в деле изыскания новых резервов военное ведомство часто пыталось разрешить проблему организационными методами — «экономией» людей в тыловых частях.

Главным успехом властей, ставшим «пирровым», явилась отправка на фронт запасных полков практически в полном составе. Временному правительству удалось отправить на фронт большую часть состава тыловых гарнизонов: до октября на позиции убыли 14 742 маршевые роты, а летом, когда Керенский распорядился посылать пополнения целыми полками, — 119 запасных пехотных полков (генерал Брусилов говорил о них — «скверная милиция»). Общая численность солдат, убувших на фронт из военных округов, составляла 1,8—2 млн человек. Пик отправки приходится на июль месяц. Затем, с сентября — резкое сокращение; например, в октябре из Московского военного округа армия получила лишь 6600 чел. пополнения<sup>36</sup>.

Провал июньского наступления, казалось бы, показал военным и гражданским властям, что одно только количество само по себе бесполезно. Солдаты не желали умирать, когда в тылу уже начинался всеобщий земельный передел. И все-таки наличие многочисленной армии означало, что уже отказываясь от «аннексий и контрибуций» Россия будет продолжать войну. Поэтому особенно остро вопрос пополнений встал как раз после летнего наступления, когда войска настойчиво требовали подкреплений, ибо только на ЮЗФ некомплект армий к 1 июля достигал 320 тыс. человек. К концу месяца, уже после окончательного краха наступления, в военных округах оставалось всего 1 086 948 чел., пригодных к отправке на фронт с маршевыми ротами, плюс 115 737 чел. постоянного состава запасных полков<sup>37</sup>.

В поисках людей для фронта Временное правительство не смущалось и явными неувязками. Порой возникали курьезные моменты, как, например, указ Временного правительства от 5 июня о призыве запасных острова Сахалин и полуострова Камчатка. К каким срокам эти люди — несколько десятков тысяч человек — смогли бы прибыть на фронт? Другим курьезом стало представление военного министра от 21 августа о возможной замене всех годных к строевой службе железнодорожных служащих женщинами-добровольцами, которые «подлежали зачислению на действительную службу на правах военнообязанных»<sup>38</sup>.

Никакие меры не могли помочь выиграть войну армии, не желавшей воевать. Оставалось хотя бы не проиграть ее. А прибывавшие из тыла пополнения еще более

разлагали фронт: запасные выступали против наступления, окопной жизни, против продолжения войны вообще. Неудивительно, что ряд дивизий после июньского наступления был вообще расформирован, а их личный состав раскассирован по другим дивизиям. Поэтому военачальники требовали либо вовсе не давать подкреплений, либо присылать только тех, кто готов воевать и наступать. Для достижения этого командиры предлагали опрашивать солдат перед отправкой в окопы и, в качестве ручательства, предлагать дать подпись.

По данным Военного министерства, к 1 января 1917 г. списочный состав запасных частей составлял 2,26 млн человек. В течение 8 месяцев Временное правительство, решая проблему пополнения действующей армии, было вынуждено отправлять на фронт подкрепления при отсутствии возможности дальнейших призывов, ввиду кризиса людских резервов. Иными словами, на фронт ради достижения хотя бы незначительной победы, оправдывающей свержение старого строя и существования новой власти, отправлялось все, что только возможно. А так как человеческие резервы для Вооруженных сил находились на пределе своего истощения, то новых пополнений в тыловые части не поступало. Поэтому наличный состав гарнизонов постоянно уменьшался.

Весной 1917 г. растет процент отправляемых на фронт солдат, особенно из Московского военного округа, а с лета наблюдается снижение числа солдат, пригодных к отправке на фронт с маршевыми ротами. Бездарность распорядительности Временного правительства налицо: из 1,7 млн чел., накопленных царизмом к 8 марта, спустя полгода остается лишь 430 тыс.<sup>39</sup>, а результаты применения этих людей в летнем наступлении — более чем отрицательны.

Таким образом, в преддверии весеннего наступления на Восточном фронте царизму удалось создать мощный ударный кулак; который, как предполагалось, должен был решить исход войны, а, следовательно, и судьбу монархии. Техническое обеспечение по меркам Восточного фронта стояло на должной высоте: не хватало лишь тяжелой артиллерии. Однако требования Верховного и фронтовых командований, желавших иметь неограниченный запас людей к началу новой кампании, привели к перепополнению запасных пехотных полков и кризису транспорта. Это стало одним из условий революционизирования солдатских масс фронта и тыла, сыграв свою роль не только в февральских событиях 1917 г., но и в развернувшемся впоследствии революционном процессе в целом. Временное правительство все собранные царским режимом дивиденды напрасно израсходовало. В целом осенью армия стала гораздо слабее, чем была к весне 1917 г., а резервов страна уже не имела. В этих условиях выход России из войны являлся наиболее целесообразным решением проблемы кризиса человеческих резервов в стране. Попытка Временного правительства выйти из войны в одностороннем порядке, но по соглашению с союзниками, стала запоздалой. Заключать сепаратный мир пришлось уже новой власти — советской.

### Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 826, оп. 1, д. 377, л. 22.
2. Там же, ф. Р-5956, оп. 1, д. 13, л. 75об.—76.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2003, оп. 2, д. 273, л. 4—5, 10, 16.
4. ГОЛОВИН Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М. 2001, с. 143.
5. НЕЛИПОВИЧ С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М. 2006, с. 45.
6. См.: РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1374, л. 17.
7. Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 447, л. 71.
8. Там же, д. 1030, л. 38, 42.
9. Там же, д. 447, л. 25, 32, 40, 42.
10. См., напр.: БАХТУРИНА А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). М. 2004, с. 304—308.
11. ГАВРИЛОВ Л.М., КУТУЗОВ В.В. Истощение людских резервов русской армии в 1917 году. В кн.: Первая мировая война 1914—1918. Сб. статей. М. 1968, с. 146.

12. РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 20, л. 241—245.
13. ГАРФ, ф. 102, 4-е делопроизводство, оп. 1915, д. 267, л. 1—3; РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 3069, л. 14—17.
14. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 277, л. 144—153.
15. Там же, оп. 1, д. 20, л. 122.
16. Государственный архив Тульской области (ГАТО); ф. 1122, оп. 7, д. 1, л. 58.
17. РГВИА, ф. 1606, оп. 3, д. 1669, л. 1—4, 15, 267.
18. Приказы 12-й армии 1917 г. Б. м. 1917, № 167.
19. РГВИА, ф. 2000, оп. 2, д. 1748, л. 54; ф. 2003, оп. 2, д. 1017, л. 9—11.
20. ЖИЛИН А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М. 1983, с. 29.
21. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1374, л. 17; ф. 2003, оп. 2, д. 1030, л. 28—28об., 60—62, 69—70, 115—117, 190.
22. КИРЕЙ В.Ф. Артиллерия атаки и обороны. М.-Л. 1926, с. 11—12.
23. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1030, л. 30—32, 134, 179; д. 273, л. 16, 27об.; д. 1017, л. 32.
24. ГАТО, ф. 231, оп. 1, д. 782, л. 11.
25. «История СССР». 1972, № 3, с. 198—201.
26. ГАРФ, ф. 1797, оп. 1, д. 386, л. 54—55.
27. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 511, л. 103—104; д. 1030, л. 193—196; ГАРФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 5, л. 140об.
28. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 276, л. 8—9.
29. Там же, ф. 2003, оп. 2, д. 277, л. 35—37.
30. Там же, ф. 2000, оп. 3, д. 2767, л. 1об.
31. ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 336, л. 26.
32. УПОРНИКОВ А.А. «Стыдно за людей, которые... спешат бросить грязью в то, чему раньше поклонялись». — Военно-исторический журнал. 2007, № 5, с. 61.
33. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1248, л. 27, 44; д. 2713, л. 87, 112.
34. ГАРФ, ф. 1778, оп. 1, д. 298, л. 434.
35. Там же, ф. 1779, оп. 1, д. 407, л. 6—6об., 8—9.
36. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2719, л. 678; КУЗЬМИНА Т.Ф. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября. М. 1978, с. 93.
37. РГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 1374, л. 11.
38. ГАРФ, ф. 1779, оп. 1, д. 407, л. 6—9; оп. 2, д. 135, л. 73; д. 274, л. 1—1об.
39. ГАВРИЛОВ Л.М. Состояние резервов фронта накануне Октября. — История СССР. 1967, № 4, с. 20—22, 27—28.

# Владимирский губернатор И.М. Судиенко

В.Е. Чухно

Иосиф Михайлович Судиенко родился 27 июля 1830 г. в с. Очкино Середино-Будского района Сумской обл. (бывшего Новгород-Северского уезда Черниговской губернии) <sup>1</sup>, расположенном на левом берегу р. Десны в 25 км от Новгорода-Северского.

Он происходил из известного на Украине дворянского рода. Его прадед Степан Иванович Судиенко был новгород-северским городовым атаманом и сотником <sup>2</sup>.

Дед Иосифа Михайловича — Осип Степанович служил в лейб-гвардии Семёновском полку. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. принимал участие в боевых действиях и был адъютантом генерал-майора Вейсмана фон Вейсенштейна (1771 г.) <sup>3</sup>, а после увольнения из армии работал в государственной казне Сената и в Главном почтовых дел управлении в Санкт-Петербурге на должности первого члена почтового управления <sup>4</sup>.

Осип Степанович имел чин тайного советника, полковничье звание и занимался благотворительностью. В 1796 г. он построил Успенскую церковь в селе Очкино <sup>5</sup>, в 1804 г. пожертвовал 44 895 руб. на строительство благородного пансиона при Черниговской гимназии <sup>6</sup>, а в 1810 г. 100 тыс. на строительство Сампсониевской церкви и памятника русским воинам, погибшим на поле Полтавской битвы <sup>7</sup>.

Отец Иосифа Михайловича — Михаил Осипович был председателем Временной комиссии для разбора древних актов в Киеве, известным на Украине археографом, историком, общественным деятелем, издателем и меценатом, близким приятелем А.С. Пушкина.

После окончания Пажеского корпуса <sup>8</sup> он служил корнетом в лейб-гвардии Кирасирском полку и адъютантом у А.Х. Бенкендорфа — шефа корпуса жандармов и главного начальника III отделения собственной его императорского величества канцелярии <sup>9</sup>.

15 января 1829 г. он уволился из армии, женился на Надежде Михайловне Миклашевской, дочери известного государственного и общественного деятеля России сенатора М.П. Миклашевского, и поселился в своей усадьбе в Очкино.

Усадьба Судиенко в Очкино считалась одной из богатейших и красивейших усадеб Украины конца XVIII — начала XX века. Она была построена по проекту известного российского архитектора Н.А. Львова <sup>10</sup>. Здесь и родился будущий Владимирский губернатор.

Через год родители переехали в Москву. Здесь им посчастливилось увидеться с А.С. Пушкиным, который 27 августа 1833 г. побывал у них в гостях. Об этом визите Пушкин 2 сентября 1833 г. сообщал своей жене: «Обедал у Судиенки, моего приятеля».

ля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и сделал двух ребят...»<sup>11</sup>. Наверное, Александр Сергеевич видел и детей Судиснко, однако подтвердить это ссылкой на достоверный источник мы не можем.

В конце 1834 г. семья вернулась в Очкино, однако как только дети подросли и стали проявлять интерес к учебе, они переехали в Новгород-Северский, поселились в собственном доме, который находился вблизи Спасо-Преображенского Новгород-Северского монастыря, и пригласили для обучения своих детей лучших преподавателей местной гимназии.

Среди них был и И.А. Самчевский, инспектор Новгород-Северской гимназии, автор «Воспоминаний. 1800—1886 гг.», опубликованных в 1893—1894 г. в журнале «Киевская старина». Он преподавал будущему Владимирскому губернатору и его младшему брату Александру Закон Божий, русский язык и словесность. По его свидетельству, «сыновья Судиенко учились хорошо, особенно даровит из них был старший»<sup>12</sup>.

В 1843 г. семья Судиенко переселилась в Киев, где в августе 1847 г. Иосиф Михайлович поступил на первый курс историко-филологического факультета Киевского университета святого Владимира. В университете он входил в кружок «студентов-аристократов»<sup>13</sup>.

В 1851 г. Иосиф Михайлович окончил университет со степенью кандидата и 5 декабря того же года поступил на военную службу унтер-офицером в Драгунский его императорского величества наследника цесаревича полк<sup>14</sup>. 18 января 1852 г. был произведен в юнкеры, 13 сентября того же года — в прапорщики, а 4 августа — в поручики. С 27 января 1854 г. по 12 января 1855 г. Судиснко служил адъютантом при командире 1-й Драгунской дивизии, после чего был прикомандирован к Елисаветградскому драгунскому полку, а 17 декабря 1856 г. зачислен в полк поручиком.

Во время Крымской войны 1853—1856 гг. Иосиф Михайлович принимал участие в походе русских войск по Молдавскому княжеству, в походе против соединенных войск Турции, Англии, Франции и Сардинии (с 21.10.1854 г. по 31.12.1854 г.), в сражении под командованием генерала от инфантерии князя П.Д. Горчакова (24.10.1854 г.), в усиленной рекогносцировке под командованием генерал-лейтенанта С.А. Хрулева, в боях с турками у с. Саки, на р. Черной и на Федюхиных высотах, вблизи аула Чеботаря<sup>15</sup>, а также неоднократно направлялся с разного рода поручениями в северную часть Севастополя, которая подвергалась усиленному артобстрелу противника. За проявленную в ходе боевых действий храбрость он был награжден серебряной медалью за защиту Севастополя и бронзовой медалью в память о войне 1853—1856 годов<sup>16</sup>.

10 июня 1857 г. Судиенко был переведен в Днепровский пехотный полк и назначен преподавателем истории в училище подпрапорщиков при штабе 4-го армейского корпуса.

16 июля 1858 г. его командировали в Николаевскую академию Генерального штаба (возможно, для поступления в академию), однако 6 ноября 1858 г. возвратили обратно по болезни.

25 апреля 1860 г. Иосиф Михайлович был прикомандирован к лейб-гвардии Гусарскому его величества полку с шестимесячным испытательным сроком, 6 ноября 1860 г. зачислен в списки полка поручиком, а 17 апреля 1862 г. произведен в штабс-ротмистры.

28 марта 1864 г. он уволился из армии по домашним обстоятельствам<sup>17</sup> и возвратился в свое поместье в Очкино.

18 июля 1865 г. Судиенко был избран на должность председателя Новгород-Северской уездной земской управы, а 5 октября 1868 г. переизбран в указанной должности на новый срок.

Работая председателем уездной земской управы, Судиенко стремился улучшить систему образования в уезде и для повышения качества подготовки учащихся предлагал: «1) приискать наставников специалистов; 2) полностью обеспечить их в материальном отношении; 3) правильно устроить сельские школы и 4) на первое время, ввести обязательное для поселян обучение грамоте»<sup>18</sup>. Однако из-за отсутствия средств его предложение осуществлено не было.

В 1867 г. Судиенко был избран кандидатом на должность предводителя дворянства Новгород-Северского уезда, 22 августа 1868 г. утвержден в должности предводителя, а 3 июня 1869 г. переизбран в указанной должности на новый срок.



В 1868 и в 1872 г. он избирался почетным мировым судьей Новгород-Северского судебного мирового округа, в 1872 г. — мировым судьей Глуховского судебного мирового округа, а 1 мая 1869 г. — председателем съезда мировых судей Новгород-Северского судебного округа.

30 августа 1869 г. Судиенке присвоили звание камер-юнкера двора его императорского величества и 17 октября 1869 г. назначили исполняющим обязанности черниговского вице-губернатора с присвоением чина надворного советника.

28 марта 1871 г. его утвердили в должности вице-губернатора и за отличия в службе присвоили чин коллежского советника, а 30 июня 1872 г. — чин статского советника.

В должности вице-губернатора Судиенко работал до 2 января 1876 г. и, по свидетельству близко знавших его людей, «жил открыто, отличался радушием и гостеприимством и пользовался всеобщим уважением и любовью как местных жителей, горожан и дворян, так и подчиненных ему чиновников губернского правления»<sup>19</sup>.

2 января 1876 г. Иосифа Михайловича назначили исполняющим обязанности Владимирского губернатора, а 30 августа того же года произвели в чин действительного статского советника и утвердили в должности губернатора. 17 апреля 1877 г. ему был пожалован чин камергера, а 17 апреля 1886 г. — шталмейстера двора Его Императорского Величества<sup>20</sup>.

Владимирской губернией Судиенко управлял около 17 лет — «дольше всех остальных владимирских наместников и губернаторов за все время существования наместничества и губернии»<sup>21</sup> и «необыкновенно добросовестным исполнением своих обязанностей и своими личными качествами снискал себя общую симпатию и глубокое уваженис»<sup>22</sup>.

За это время во Владимире было открыто много общественных учреждений и благотворительных заведений: Братство святого благоверного великого князя Александра Невского, приют для престарелых лиц духовного звания, ремесленно-грамотная школа при Владимирском благотворительном обществе, ремесленное училище действительного тайного советника И. Мальцова, городская богадельня для престарелых бедных мещан г. Владимира в память 900-летия крещения Руси, Община сестер милосердия во имя святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича<sup>23</sup>, городское трехклассное училище, четырехклассная прогимназия<sup>24</sup> и т. д.

Вторая половина губернаторства Судиенка совпала с началом забастовочного движения в России. Его волна прокатилась и по Владимирской губернии. 7 января 1885 г. на текстильной фабрике Морозова в местечке Никольском вспыхнула забастовка, известная из истории как Морозовская стачка. Рабочие фабрики, неудовлетворенные объявлением праздника Крещения Господнего рабочим днем, непомерными штрафами и тяжелыми условиями труда, отказались выйти на работу. В ответ на это Судиенко лично отдал приказ войскам применить силу, арестовать наиболее активных участников стачки и выслать более 600 рабочих из Никольского по месту жительства<sup>25</sup>.

В другом случае, когда 24 февраля в 1887 г. около 600 рабочих Ковровских железнодорожных мастерских отказались взять введенные новым законом расчетные книжки, Иосиф Михайлович запретил допускать их к работе.

Действовал ли Судиенко в этих и других подобных случаях по своим личным убеждениям или его к тому принуждали обстоятельства, мы не знаем. Некоторые склонны считать, что за время управления Владимирской губернией его взгляды изменились, и он из либерального политика, каким был при вступлении на должность губернатора, превратился в реакционно настроенного царского чиновника. Такой точки зрения придерживался академик В.П. Безобразов, который лично знал Иосифа Михайловича и в своих воспоминаниях писал: «Судиенко стал решительно другим человеком, как я его знал шесть лет назад. Он стал отвратителен своим реакционным направлением, он даже фанфаронит своим деспотизмом, хвастается своими произвольными распоряжениями»<sup>26</sup>.

Иосиф Михайлович был крупным землевладельцем. При назначении на должность исполняющего обязанности Владимирского губернатора в его собственности было 6 тыс. десят. земли в Новгород-Северском уезде и 4300 десят. в Глуховском и Конотопском уездах Черниговской губернии<sup>27</sup>.

Главноуправляющим его именными был Прокоп Василенко <sup>28</sup>, отец известного государственного и общественного деятеля Украины, академика украинской академии наук Н.П. Василенко (1866—1935 гг.).

За время службы Иосиф Михайлович был награжден орденами: Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 1-й степени, Святой Анны 1-й степени, Святого Владимира 2-й степени со звездой, орденом Белого Орла, а также удостоен звания камергера, должности шталмейстера двора Его Императорского Величества и чина действительного статского советника <sup>29</sup> (по другим данным тайного советника) <sup>30</sup>.

Судиенко был женат на фрейлине императрицы Ю.М. Пашковой, дочери генерал-лейтенанта М.В. Пашкова и графини М.Т. Барановой <sup>31</sup>, однако детей не имел.

Ю.М. Судиенко была попечительницей Владимирской женской гимназии и много заботилась о ее нуждах. В память об этом 23 апреля 1890 г. император России учредил две стипендии ее имени, которые выплачивались дочерям малообеспеченных потомственных дворян Владимирской губернии <sup>32</sup>.

Иосиф Михайлович скончался 5 декабря 1892 г. в Москве после тяжелой болезни, и был похоронен на территории Новодевичьего монастыря <sup>33</sup>. Его могила до наших дней не сохранилась <sup>34</sup>. Не сохранилась и могила его жены, которая была похоронена рядом с ним.

В память о Судиенко Переславская городская дума на своем экстренном заседании, состоявшемся 13 декабря 1892 г., учредила три стипендии его имени: «в женской прогимназии с ежегодным взносом за обучение трех беднейших учениц из детей граждан, в городском трехклассном училище за обучение трех беднейших мальчиков граждан и в ремесленно-грамотном училище Владимирского благотворительного общества за обучение одного учащегося» <sup>35</sup>.

После смерти Судиенко остался ценный архив документов по истории Украины, который он унаследовал от своего отца.

Архив включал в себя около 100 номеров отдельных рукописей, сборников и связок архивных документов: официальную и частную переписку фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского; систематически подобранные копии жалованных грамот городам Киеву и Чернигову; собранные в хронологическом порядке и переплетенные в шесть томов копии грамот, статей, писем и других сочинений, касающихся малорусской истории 1650—1773 гг.; копии указов из генеральной войсковой канцелярии за 1722, 1723, 1724, 1726 и 1727 гг.; дневник П.Д. Апостола; записку известного защитника малорусского шляхетства Г.А. Полетики о привилегиях и вольностях, которые принадлежали шляхетству на основании «прав малороссийских»; летописи Самуила Величко и Грябинки и другие документы <sup>36</sup>. Судиенко завещал его университету святого Владимира в Киеве.

Через полтора года после смерти Иосифа Михайловича его жена выполнила волю своего покойного мужа и передала указанный архив в библиотеку университета святого Владимира в Киеве <sup>37</sup>, где его впоследствии описал профессор В.С. Иконников в своей книге «Опыт русской историографии» <sup>38</sup>.

У Иосифа Михайловича было два брата: Александр и Михаил и четыре сестры: Мария, Елизавета, Анастасия и Екатерина.

12 апреля 1882 г. Александр умер. Вскоре после него умерла и его жена О.В. Туманская (1847—1882 гг.), внучка декабриста А.Ф. Бриггена.

После их смерти осталось два сына: Евгений, ставший впоследствии депутатом IV Государственной Думы России, и Георгий, а также три дочери: Ольга, Мария и София.

Заботы о воспитании девочек, по преданиям старожилов села Очкино, Иосиф Михайлович взял на себя, а о воспитании мальчиков позаботилась его сестра Екатерина Михайловна, жена Киевского губернатора Н.П. Гессе.

Так ли это на самом деле, мы точно сказать не можем. Однако то, что дети Александра Михайловича бывали у своего дяди во Владимире, подтверждается воспоминаниями командира сотни конно-амурского полка Дмитрия Николаевича Пешкова, который во время своего путешествия из Благовещенска на Амуре до Санкт-Петербурга заезжал к губернатору Судиенко и тот представлял «его своей супруге и двумя племянницам» <sup>39</sup>.

Как выглядел Иосиф Михайлович мы, к сожалению, не знаем. В фонде фотографий отдела изобразительного искусства Государственного исторического музея России хранится три его фотоснимка (ГИМ 95171 ИВИ — 3557, ИВИ — 3556, ИВИ — 3558), однако для нас они оказались недоступны.

### Примечания

1. МОДЗАЛЕВСКИЙ Б.Л. Малороссийский родословник. Т. 4. Киев. 1914, с. 800.
2. Там же, с. 796—797.
3. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 1925, л. 167—168об.
4. МОДЗАЛЕВСКИЙ В.Л. Ук. соч., с. 798—799.
5. КОРНОУХОВ Е.А. Алфавитный список церквей Черниговской епархии. Труды Черниговской ученой архивной комиссии. Т. 7. Чернигов. 1908, с. 25.
6. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб. 1873, с. 266.
7. ПАВЛОВСКИЙ И.Ф. К истории Шведской могилы. Пожертвование И.С. Судненко и его духовное завешание. Полтава. 1914.
8. ФРЕЙМАН О.Р. Пажи за 185 лет: Биографии и портреты бывших пажей с 1711 г. по 1896 г. СПб. 1897, с. 247.
9. Формулярный список о службе Судненко М.О. Государственный архив Черниговской области (ГАЧО), ф. 127, оп. 17, д. 2294.
10. ГРЕЧ А. Н. Венок усадьбам. — Памятники Отечества. 1994—1995 гг., № 2.
11. Библиотека великих писателей под редакцией В.Н. Венгерова. Пушкин. Т. 6. Петроград. 1915, с. 107.
12. Воспоминания Иосифа Самчевского. — Киевская Старина. Киев. 1894, № 5, с. 227.
13. РОМАНОВИЧ-СЛАВАТИНСКИЙ А. Моя жизнь и академическая деятельность. 1832—1884 г. Т. 219. Вестник Европы. СПб. 1903, с. 624.
14. ГАЧО, ф. 127, оп. 20а, д. 25, с. 2.
15. Там же, с. 3—8.
16. Придворный календарь на 1888 г. СПб. 1888, с. 88.
17. ГАЧО, ф. 127, оп. 20а, д. 25, с. 5.
18. ХИЖНЯКОВ В. Народное образование в Черниговской губернии. Кн. 6. М. 1897, с. 27.
19. ГАЧО, ф. 127, оп. 20а, д. 25, с. 5.
20. Иосиф Михайлович Судненко. (Некролог). — Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. Владимир. 1892, № 50.
21. ФРОЛОВ Н.В., ФРОЛОВА Э.В. Владимирские наместники и губернаторы. 1778—1917 гг. Ковров. 1998, с. 106.
22. Иосиф Михайлович Судненко. (Некролог).
23. ФРОЛОВ Н.В., ФРОЛОВА Э.В. Ук. соч., с. 108.
24. Журнал Переславской городской думы экстренного заседания 13 декабря 1892 года.
25. ЗАСУЛИЧ В.И. Десятилетие Морозовской стачки. Женева. 1897, с. 18.
26. Дневник академика В.П. Безобразова. Русская старина. Кн. 1. СПб. 1910, с. 311.
27. ГАЧО, ф. 127, оп. 20а, д. 25, с. 2.
28. ВАСИЛЕНКО М.П. Вибрані твори у трьох томах. Т. 3. Київ. 2006, с. 218.
29. Иосиф Михайлович Судненко. (Некролог).
30. Черниговские губернские ведомости. Чернигов. 1892, № 102; МОДЗАЛЕВСКИЙ В.Л. Малороссийский родословник. Т. 4. Киев. 1914, с. 798—800.
31. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ А.Б. Русская родословная книга. Т. 1. СПб. 1873, с. 277.
32. Правительственные распоряжения. Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССЛХІХ. СПб. 1890, с. 29—30.
33. САИТОВ В.И., МОДЗАЛЕВСКИЙ Б.Л. Московский некрополь. Т. 3. СПб. 1907—1908, с. 171.
34. АРТАМОНОВ М.Д. Московский некрополь. М. 1995, с. 385.
35. Журнал Переславской городской думы экстренного заседания 13 декабря 1892 года.
36. МАСЛОВ С.И. Обзор рукописей библиотеки Императорского Университета святого Владимира. Киев. 1910, с. 1, 4.
37. Записка о состоянии и деятельности Императорского Университета св. Владимира в 1894 г. — Университетские известия. Киев. 1895, № 5, с. 24; Наши учебные заведения. — Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СССІ. СПб. 1895, с. 25
38. ИКОННИКОВ В.С. Опыт русской историографии. Т. 1, кн. 2. Киев. 1892, с. 1228; т. 2, кн. 2. Киев. 1908, с. 1625, 1635.
39. ПЕШКОВ Д.Н. Путевые заметки.

# Недовольство властью в «удмуртских» уездах Вятской губернии в начале XIX в.

Н.В. Пислегин

В конце XVIII в. в России разрабатывались проекты реформирования системы обеспечения заводов вспомогательной рабочей силой. Была задумана замена приписных крестьян непременными работниками. Она распространялась на весь Урал, в том числе на Ижевский и Воткинский заводы. Непременных работников предполагалось рекрутировать из ближайших к заводам волостей. На Воткинском заводе реализация этой задачи была вполне осуществимой. Другая ситуация сложилась в Ижевске, окруженном волостями, населенными по преимуществу удмуртами. Ранее они не считались способными к заводским работам.

Между представителями власти началась переписка. Начальник заводов А.Ф. Дерябин полагал, что удмуртов следует переводить в непременные работники. Вятский же губернатор П.С. Рунич считал, что они не способны к заводским работам, занимаются по преимуществу земледелием, не знают русского языка; даже возлагаемые на них «по адмиралтейству» работы исполняют посредством найма. На это Дерябин заметил, что «вотяки не затрудняются говорить по-русски на рынках, даже нанимаются вместо приписанных к заводам исполнять большую часть заводских работ». Наем на лашманские работы сторонних людей Дерябин справедливо объяснял отдаленностью таковых от места жительства удмуртов-лашманов (лашманами становились крестьяне, обязанные заготавливать лес для военно-морского судостроения). Победила точка зрения Дерябина. Выбор пал на Юскинскую и Завьяловскую волости, как самые близкие к Ижевскому заводу<sup>1</sup>.

Перспектива изменения строя жизни и выполнения новых обязанностей вызвала бунт. Неповиновение новым правительственным распоряжениям вначале проявилось в Юскинской волости.

В июне 1807 г. новый вятский губернатор В.И. Болгарский получил уведомление от Дерябина, что удмурты Юскинской волости численностью до 3000 человек объявили: «Пусть хоть головы им рубят, но они имен своих никому никогда не скажут и к заводам не пойдут»<sup>2</sup>. Губернатор выехал на место. В августе начались брожения в Завьяловской волости. Ходили слухи, что «якобы они (крестьяне. — Н.П.) от лашманских работ не изъемятся, а сверх того из них по приписке к заводу пошлются из своих селений на другие заводы». В волости были направлены казаки<sup>3</sup>. Волнение перекинулось в соседнюю русскую Кулюшевскую волость<sup>4</sup>.

Для пресечения слухов власти разрешили теперь уже бывшим крестьянам-лашманам выбрать двух ходоков, которые побывали в Адмиралтейской конторе (г. Ка-

*Пислегин Николай Викторович* — кандидат исторических наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы. Ижевск.

зань) «для личного там дознания, действительно ли они от работ адмиралтейских исключены и должны при заводах быть»<sup>5</sup>. Помимо этого земскому суду было вменено в обязанность зачитывать в волнующихся селениях особые листки с разъяснениями «законности» проводимых преобразований: упор делался на том, что зачисление произведено по царской воле и что оно предоставляет ряд льгот<sup>6</sup>.

Когда Болгарский приехал в Завьяловскую волость, удмурты на коленах просили помилования. Губернатор приказал арестовать наиболее «дерзких», которые впоследствии были сосланы на отдаленные заводы<sup>7</sup>. Некоторые скрылись в лесах. Саратовскому и глазовскому земским исправникам было вменено в обязанность следить за ситуацией: «Мы... положили правилом, не собирая их уже воедино, а порознь, где кто живет, вновь их урезонивать и, захватывая из них больше вольнодумных, отправлять Вашему превосходительству (губернатору. — *Н.П.*) в Вятку в полной уверенности, что прочие затем не захотят далее ослушаться и подвергать себя строгости». От своих должностей, якобы за поддержку волнений, были удалены два приходских священника Завьяловской и Юскинской волостей<sup>8</sup>. Никакой поддержки бунта со стороны священников не было и не могло быть в силу малого авторитета церковнослужителей среди новокрещеных удмуртов, но губернатор «нашел их такими невеждами, что нельзя ожидать от них ничего полезного, тем более что они крайне еще петресзвы»<sup>9</sup>.

Дерябин причины волнений видел в недостаточном информировании крестьян со стороны местного начальства. В письме к графу А.И. Васильеву он пишет о слабости разъяснительной работы, которую должны были провести земские исправники. Итогом стала такая ситуация, что «горное начальство в их (крестьян. — *Н.П.*) глазах выходит самозванцем». Другой причиной, по мнению Дерябина, выилось корыстолюбие чиновников, бравших деньги за непричисление в непременные работники и рисовавших их будущее самыми неприглядными красками. Например, когда уже состоялось причисление, командиру Ижевского завода была подкинута записка, прошившая освобождения от приписки за 3 тыс. рублей<sup>10</sup>.

Положение непременных работников, несмотря на все «даруемые» льготы, было тяжелее положения государственных крестьян, и удмурты, жившие недалеко от завода, понимали это. Другой, не менее значимой причиной волнений можно считать то, что любое серьезное изменение своего статуса крестьяне, предпочитавшие жить так, как жили их предки веками, воспринимали негативно.

В 1820-х гг. в связи с нехваткой вспомогательной рабочей силы начальство Ижевского оружейного завода попыталось выйти с предложением добрать «недостающее количество непременных работников» из очередных ближайших волостей. Но удмурты в марте 1823 г. послали министру финансов просьбу об освобождении от приписки, а через три месяца, не получив ответа, подали прошение Александру I. Они писали, что перевод в непременные работники принесет «крайнее отягощение и разорение», добавляя, что все подати и повинности оплачиваются ими всегда без недоимок. Переписка затянулась до 1829 г., когда было решено увеличить численность непременных работников на 300 человек, набранных из рекрутов. Все последующие просьбы заводской администрации о наборе среди государственных крестьян ближних волостей успеха не имели<sup>11</sup>.

В феврале 1828 г. произошли волнения в Качкинском приказе Елабужского уезда, вызванные мероприятиями по внедрению в жизнь положений реформы Л.А. Перовского. Началось все «недачей подписок» о принятии правил об общественной запашке<sup>12</sup>. Данное неповиновение явилось продолжением волнений в Мысово-челнинском приказе Оренбургской губернии, откуда приезжали двое «для расстройства и возмущения крестьян»<sup>13</sup>. Для подавления волнений правительство командировало в Вятскую губернию флигель-адъютанта Мантейфельда «с открытым письмом, по коему он может взять две роты, а будет надобность, потребует и более». В Качку с ним отправился и вятский губернатор А.И. Рыхлевский. Крестьяне потребовали сместить удельного голову, просили показать им подпись императора под указом о новом порядке сбора подати и введении общественной запашки.

Мантейфельд и Рыхлевский собрали сход, где потребовали составить «мировой» приговор о выполнении распоряжений. Понадобилась военная сила. В Качку прибыли три сотни 1-го тептярского казачьего полка. Прежде всего, были схвачены предво-

дители, после этого, несмотря на сильное сопротивление, порядок восстановился. Началась расправа. Двоих, «как главнейших бунтовщиков по возмущению народа к неповиновению», суд приговорил к шпицрутенам через 1000 солдат по два раза и к каторжным работам «навечно». Четверым определили 500 шпицрутенов по одному разу, а далее — арестантские роты (из них двое по старости лет были возвращены). Один был наказан 25 ударами плетью, после этого две недели был выдержан на хлебе и воде и оставлен на месте своего жительства. Десять сельских выборных, участвовавших в неповиновении, наказали 20 ударами плетей. Некоторые остались «в подозрении». Писавший для крестьян прошение отставной губернский секретарь А.А. Нехотяев особым военным судом «за возмущение и другие противозаконные поступки» был лишен чинов и дворянства и сослан на каторгу<sup>14</sup>.

Летом 1831 г. имело место еще одно мощное выступление: крестьяне пяти приказов — Галановского, Каракулинского, Козловского, Мостовинского и Нечкинского — отказались от уплаты поземельного сбора<sup>15</sup>. В начале 1831 г. в приказах под видом нищего побывал крестьянин Устиновского приказа Пермского имения, который утверждал, что сбор у них не приняли. Волна неповиновения усилилась, когда стали измерять земли и отрезать «излишние», объявлять новые платежи<sup>16</sup>. В начале июня в приказ был направлен помощник управляющего конторой Москвин. На основе его рапорта в Департамент уделов сообщалось: «Крестьяне по внушению злонамеренных людей, тщателью ими скрываемых, принимая за странное одно слово тяглы ... принимают введение поземельного сбора не за инос что, как за вид подписки их за барина». Наибольшее сопротивление оказывали малоземельные селения<sup>17</sup>. Доходило «до крайних пределов неповиновения», делания «самовольных и самых буйных сходок». На угрозы и уговоры повиноваться властям крестьяне отвечали: «Как мир посудит»<sup>18</sup>. Попытки «опереться на лучших людей» были безрезультатны, оказалось, что те попросту не явились на сход и «тем самым обличили себя в явном неповиновении». Помимо «упорства» во введении поземельного сбора, крестьяне возражали против общественной запашки, постройки запасных хлебных магазинов, платежей в пользу голов и старшин. В Мостовинском, Каракулинском и Галановском приказах также потребовали сменить голов<sup>19</sup>.

В конце июля 1831 г. чиновник Департамента уделов А.П. Найденов нашел, что «во всех имениях Сарапульского уезда мятеж возник до высочайшей степени, буйная чернь самовольно устраняет голов и писарей, составляют свое правление, уничтожают указы о поземельном сборе, не признавая над собой никакой власти». Рядом волновались пермские приказы. 6 августа в Сарапул приехал губернатор Е.Е. Ренкевич. Для усмирения крестьян им были собраны 500 башкир, 50 казаков, 20 урядников и 16 чиновников<sup>20</sup>. Губернатор, лично возглавив отряд, на сходке в Козлове наказал четырех крестьян. В результате собравшиеся «пали на колени и раскаялись»<sup>21</sup>. Началось следствие и экзекуции.

Завершило волнения удельных крестьян по поводу преобразований их ведомства выступление в Нечкинском приказе в мае — июне 1834 г. в форме «картофельного бунта». 10 марта 1834 г. Департамент уделов разослал предписание посадить картофель на казенных запашках как средство предотвращения голода в результате возможного неурожая зерновых<sup>22</sup>. В начале мая жители д. Дулесовой отказались исполнять указание о посадке. На сходке, собранной управляющим Мостовинским отделением Сергиевским, они заявили, что «на их земле, якобы неудобной, не будет родиться картофель, что посев одного для них обременителен, наконец, что должны сеять картофель только те, которые во время бывшего возмущения по введению поземельного сбора были покорны, а они решительно не хотят исполнять сего, не боясь никаких наказаний»<sup>23</sup>. Население приказа разделилось: крестьяне Докшанского и Паздеринского участков выделили часть своей общественной запашки и вспахали ее, а Лагуновский, Дулесовский и частично Нечкинский поддержали крестьян Дулесовой. Сергиевский доложил о волнениях управляющему удельной конторой и потребовал у Сарапульского земского суда «принятия надлежащих полицейских мер»<sup>24</sup>. Нечкинские поселяне «нарушили спокойствие» в Мостовинском, Галановском, Каракулинском, Козловском и Ершовском приказах<sup>25</sup>.

Среди крестьян ходили упорные слухи о том, что посеявшие картофель на общественном участке запишут «под барина Перовского»; в частности, их распростра-

нял мещанин Егор Вечтомов на рынке с. Каракулинского<sup>26</sup>. Крестьяне полагали, что правительство «ведет их под барина: сперва обложило тяглами, потом заставляет сеять картофель и травы, там заставит сеять мак, собирать холсты, лен и прочее». По мнению старообрядцев, а их было много, картофель «есть отрождение того заветного яблока, за которое лишился блаженства первоначальный человек, и то когда оно с проклятием было брошено на землю, то от него родилась картофель и, следовательно, семя сие есть антихристово»<sup>27</sup>.

30 мая Найденов обратился к оренбургскому генерал-губернатору с просьбой откомандировать 600 башкир. После карательной операции по указанию Николая I от 24 июня при Сарapulьском уезде была учреждена военно-судная комиссия. И здесь выяснились некоторые причины «картофельного бунта».

Сопrotивление возникло в результате указа о посадке на общественных запашках. Управляющий конторы, обвиняя главу Мостовинского отделения в неправильном предании многих крестьян военному суду, 19 августа распорядился освободить из тюрьмы 46 человек, 27 августа — 12 человек; затем военно-судная комиссия, рассматривая дела, освободила еще 17 человек. В сентябре Департамент уделов командировал особого чиновника, поручив ему произвести следствис «как об ослушании крестьян, так и действиях местного начальства, предшествовавших и сопровождавших сказанное происшествие». Выяснилось, например, что некоторые сельские начальники запретили крестьянам сажать картофель в огородах, грозя 25-рублевым штрафом, а в одной деревне смотритель общественной запашки вместе с десятником «ходя по селению, сами выдергивали посаженный картофель, вполне уверенные, что этим исполняют волю начальства»<sup>28</sup>.

Приговор комиссии военного суда был следующим: троих крестьян, «как главных виновников возмущения и обличенных в покушении на жизнь головы», наказать шпицрутенами и отдать в крепостные арстанты; 18 виновных «в распространении неблагодарных слухов» и одного, «обличаемого в произношении заочно угроз против удельных чиновников», наказать плетью; одного, «самовольно давшего крестьянам приказание не садить картофеля», наказать батогами; 31-го, «показанных виновными в возмущении без доказательств, из коих многие хорошего поведения, а другие сверх того оправдываются обстоятельствами, и одного, преданного суду за сопротивление при взятии под стражу, но в том необличенного, от суда и следствия освободить». Затраты государства на подавление выступления и проведение следствия по нему подлежали компенсации за счет волновавшихся сельских обществ<sup>29</sup>. Данный приговор был рассмотрен губернатором, а затем и выше. По положению Комитета министров, утвержденному 5 февраля 1835 г., двое крестьян были прогнаны через 500 человек по одному разу и посланы в крепостные арстанты, 18 человек наказаны плетью и двос — батогами по 20 ударов. Возникшее в ходе расследования дело о злоупотреблениях представителей сельской власти, бравших и взятки за освобождение от военной экзекуции и занесение в список бунтующих, разбиралось в уездном суде и уголовной палате, их наказание было мягче приговоров военного суда<sup>30</sup>.

В своих действиях удельные крестьяне опирались на мнение «мира», зачастую принимали решения и формулировали требования на общинных сходах. Выборные же органы в этих случаях занимали неоднозначную позицию: иногда они оставались с крестьянами, в других случаях поддерживали действия официальных властей, а иногда и старались получить собственную материальную выгоду от происходящих событий. Власти, спровоцировав волнения и упустив их развитие в зародыше, в дальнейшем вынуждены были прибегать к репрессивным мерам.

Подобно удельным воспринимали ведомственные преобразования и государственные крестьяне. Эпохальные реформы ведомства государственных имуществ под эгидой П.Д. Киселева вызвали волнения казенных крестьян и в Удмуртии.

В феврале — марте 1842 г. серьезное выступление произошло в трех обществах Верхосвятицкой волости Глазовского уезда. Здесь волостное начальство было вынуждено четыре раза собирать сходы для выбора «добросовестных» в волостную и сельские расправы и одобрения дополнительного общественного сбора. Крестьяне отказывались исполнять новые предписания, послали выборных в Вятку для подачи жалобы, считая, «что этот противозаконный и излишний общественный сбор и выбор добросовестных сделала одна казенная палата, а правительство о сем совсем не зна-

ст». По их мнению, «служащих лиц уже довольно, но даже и должно удалить от должностей заседателей волостного правления, а в сельских управлениях старшин и старост определять на 1 год без всякого им жалования». Волостной писарь Демид Наговицын, который «растолковывал о вышеозначенных предметах», был избит; крестьянина Савву Пестова, призванного на одном из сходов «подождать окружного начальника или какого-нибудь чиновника» для разъяснений, объявили «ябедником и засдинщиком с волостными начальниками» и также избили. Проявилось противостояние между крестьянами и их выборным волостным начальством, которому по новым положениям увеличивалось жалование. Только с прибытием окружного начальника, уездного стряпчего, станowego пристава и Глазовского протоиерея крестьяне были успокоены. Из 324 участников сходов, обвиненных в нарушении «тишины и спокойствия», 13 подверглись наказанию<sup>31</sup>. Это событие стало предвестником волнений лета 1842 года.

«Картофельные бунты» 1842 г. были вызваны весьма позитивными, на первый взгляд, мероприятиями государства. 18 июля 1840 г. в секретном комитете под председательством военного министра Чернышева обсуждался вопрос о мерах предотвращения голода. Одним из решений было в селениях государственных крестьян засеять поля картофелем. 28 августа 1840 г. Министерство государственных имуществ разослало на места циркуляр, в котором предписывалось отводить для этого специальные участки<sup>32</sup>. Дополнительно в октябре 1841 г. последовал новый циркуляр, в котором для особых мер по сохранению семян на будущие посевы с души предписывалось взysкивать по полторы четверти хлеба<sup>33</sup>.

Еще осенью 1840 г., когда начали отводить участки земли для посадки, появились первые признаки недовольства и сопротивления. Картофель в 1841 г. не уродился. Неурожай охватил и зерновые культуры. Тем временем Министерство государственных имуществ издало еще один циркуляр, в котором предписывалось разводить картофель не только при волостных правлениях, но и при каждом сельском обществе по одной десяatine. Если ранее пытались как-то убедить крестьян, то в 1842 г. упор был сделан на принудительные меры. В итоге в четырех уездах Вятской губернии, в том числе и Глазовском, разразились «картофельные бунты». 12 мая 1842 г. движение началось в Осиновской волости Нолинского уезда<sup>34</sup>, где появились и кровавые жертвы, которых не было в других местах.

В Глазовском уезде волнения происходили в семи сельских обществах четырех волостей. Начало было положено распространившимися из Нолинского и Слободского уездов слухами, «будто бы если в течение двух дней не разломана будет около посейного картофеля изгородь, то заключится контракт и казенные крестьяне будут барские или удельные». Пролог волнений можно представить по следующей схеме: после распространения слухов крестьяне собирали тайные сходы для их обсуждения, где намечали время выхода на картофельные участки. Обычно организаторами выступали деревенские десятники. Помимо отказа сажать картофель высказывались желания, «чтобы управление над ними (крестьянами. — *Н.П.*) было по-старому»<sup>35</sup>. В большинстве случаев для успокоения крестьян оказалось достаточно «увещаний» уездных и губернских чиновников и местных священников.

9 июня крестьяне Ветошкинского общества Тишинской волости сломали изгородь и выбросили картофель, а уже 12-го большинство ветошкинцев согласилось дать «подписку в покорности». То же повторилось в Дворищеском обществе. Небольшая часть крестьян, заперев дома, ушла в лес. Но скоро и они подчинились. В Поломском обществе Елганской волости одного упоминания о «нолинских мерах» оказалось достаточно, чтобы «уничтожить дух неповиновения и водворить дух кротости и покорности». В Забалуевском обществе Рябининской волости пришлось ждать воинской команды. Когда 19 июня команда прибыла, «бунтовщики» стояли в сборе и ожидали. К ним обратились с «увещанием». Тогда «повинуясь и убедившись в пользе мер правительства к разведению сего овоща», крестьяне пали на колени и просили прощения. «Употребивши над некоторыми исправительные меры» (то есть выпоров), крестьян отпустили по домам. На следующий день картофель был посажен. После проведения церковной службы власти отобрали подписки в покорности<sup>36</sup>. 18 июня незначительные волнения прошли в Барашковском обществе Комаровской волости, где «по малому количеству собравшихся людей (около 80 человек. — *Н.П.*) и по недо-



пушению к сломанию изгороди сельскими начальниками все расходились в свои хозяйства»<sup>37</sup>.

Наиболее активные участники бунтов были наказаны двухнедельными заключениями, ударами палок или розог и денежными возмещениями пострадавшим представителям местного самоуправления. Остальные отделались внушением, «что освобождаются они ныне от наказания единственно из уважения к их легкомыслию и невежеству». Как обычно, понесенные в ходе подавления выступлений расходы были списаны на счет самих крестьян<sup>38</sup>.

«Картофельные бунты», тем не менее, принесли положительный для государственных крестьян результат: 30 ноября 1843 г. принудительные общественные посевы картофеля были отменены. Вместе с тем, выступления были направлены в целом против реформ Кисслева, менявших привычные формы взаимоотношений крестьянства и власти и уже из-за этого казавшихся опасными. Когда правительство начало насаждать посевы картофеля, у крестьян возникло невольное опасение, что их передают уделам. Этот страх был основан на сходстве действий среди казенных крестьян с порядками, существовавшими в удельных имениях. Насаждавшиеся волостные и сельские уровни власти напоминали государственным крестьянам таковые же в удельных имениях; особенно это бросилось в глаза, когда волостного голову и других волостных и сельских начальников обрядили в «форменные кафтаны с позументами»<sup>39</sup>. Если ко всему этому добавить, что ранее государственных крестьян могли передавать в удельные имения, то выходило, что опасения имели реальную почву.

На территории Удмуртии первой половины XIX в. имели место случаи открытого неповиновения и крепостных крестьян<sup>40</sup>. Два наиболее крупных из них произошли в 1834 и 1855 годах.

В октябре 1834 г. крепостные крестьяне помещика Запольского (Елабужский уезд) «произвели шум и крик по всей деревне», заступаясь за старосту Михаила Яковлева, которого хотели наказать. Староста был отпущен, но в имение прибыли земский исправник, дворянский заседатель и стряпчий, которые выпороли 38 человек. Летом 1855 г. жители с. Старый Бурец Малмыжского уезда получили от дворовых людей в Петербурге весть о смерти помещицы Озеровой. Вскоре разошелся слух о возможности их перехода в государственные. В Петербург отправились ходоки с прошением к царю: крестьяне договорились не платить оброк в прежнем объеме и ходить на барщину в меньшем количестве. В вотчину на 10 дней была отправлена воинская команда. Суду были преданы два крестьянина, приговоренные к 60 ударам розог и отдаче под надзор полиции<sup>41</sup>.

По замечанию А.Н. Долгих, в предреформенные годы правительство проводило политику тщательного учета закрепощенного населения, что в ряде случаев приводило к освобождению крестьян по их жалобам. Кроме того, проводя политику сохранения дворянской монополии на владение крепостными, государство не допускало случаев владения ими разночинцами<sup>42</sup>. Все это и провоцировало так называемые «отыскания вольности». Чаще они носили форму обращений во властные структуры. Так боролась за причисление в сарапульское «мещанское общество» бывшая крепостная помещика Тарабеева Марья Иванова. С 1812 г. жители селца Аксарина Сарапульского уезда подавали жалобы в различные инстанции, стремясь освободиться от своего помещика Дельгольца, а после его смерти — от вдовы<sup>43</sup>.

В первой половине XIX в. продолжалась христианизация нерусских народов. Значительное место в крестьянских выступлениях занимало открытое и тайное сопротивление новокрещеных и язычников. Например, в 1830 г. удмурты Чутырского прихода Сарапульского уезда «между собой делают советы, дабы под видом каких-нибудь предлогов не можно ли будет учрежденное миссионерство уничтожить, дабы жить по старой вере», какового мнения держатся и часть Дебесского прихода, смежного с Чутырским»<sup>44</sup>. В 1850 г. удмурты Верхнепарзинского прихода Глазовского уезда собрались сжечь миссионера протоппопа Старанова за его намерение предать огню языческое мольбище и уже окружили его, но в это время послышался гром (начиналась гроза), и крестьяне в страхе разбежались. Воспользовавшись этим, Старанов скрылся<sup>45</sup>.

К выступлениям религиозного характера тесно примыкает борьба удмуртов за право варить обрядовый напиток — кумышку. Особенно она обострялась в периоды

сс законодательного запрета (до 1802 и в 1818—1827 гг.). Так, в январе 1798 г. в д. Качкашурской Омутнинской волости Глазовского уезда во время проводимого нижним земским судом расследования по поводу незаконного курения кумышки умер крестьянин Трефилов. Возмущенные общинники окружили избу, где находились следователи, и установили караул, заявляя, что «суд отлучать и лошадей давать обществом не велено», однако согласились сами отправить записку к глазовскому городничему П.Ф. Чайковскому (деду П.И. Чайковского). По прибытии в деревню городничего с шестью солдатами волнения прекратились. Слободской уездный суд, рассматривавший это дело, вынес компромиссное решение не наказывать ни бунтовавших крестьян, ни виновных в смерти Трефилова, так как «они в показуемых на них преступлениях не признались, ясных же достаточных и неоспоримых на обвинение их доводов не оказалось». Губернское правление вынесло земскому суду «строжайший» выговор «за собрание к допросу о винокурении вдруг многих крестьян»<sup>46</sup>.

Разрешение варить кумышку никогда не было полным: имелись ограничения по крепости продукта, что давало возможность обвинить удмуртов в «корчемстве». В результате возникали дела о сопротивлении крестьян производимым обыскам. Типичным, например, является случай в д. Верхняя Чура Глазовского уезда, где весной 1828 г. «из вотяков новокрещены прибили и прогнали поверенных» так сильно, что они должны были бежать из деревни, оставив лошадей и идти пешком до волостного правления 12 верст. В адрес органов крестьянского самоуправления постоянно звучат обвинения, что они обнаруживают «явную к умножению, а не к искоренению зла сего понаровку»<sup>47</sup>.

Конфликты с властью на религиозной почве были часты у старообрядцев. В значительной степени это связано с рядом законодательных актов, существенно ограничивавших их в правах. Преследуются проводимые обряды, браки «по расколу» с православными, «совращения» в свою веру. Сопротивление встречают некоторые акты государственного патернализма, например, прививание оспы. Особенно активным было противодействие раскольников попыткам склонить их в официальное православие или единоверие. Вместе с тем, несмотря на их убежденность в праве выразить протест против имеющегося государственного устройства, сохраняется подчинение власти как таковой, побеждает соглашательская линия поведения<sup>48</sup>. И власть тоже ограничивает себя: в сентябре 1861 г. управляющий Минюстом Д. Замятин запрещает судебным местам задавать вопросы, касающиеся «существа учения, в особенности же мнений их о государе императоре, об установленных властях и Православной церкви»<sup>49</sup>.

Русские крестьяне Удмуртии довольно часто могли уклоняться из официальных православия и единоверия в старообрядчество, соответственно, возникал конфликт со светскими и церковными властями, стремившимися вернуть заблудших. Наиболее упрямых можно было сослать, отдать в рекруты, наказать плетью, наконец, просто заключить под стражу, «дабы чрез сие в их жар противоборства мог погаснуть, а в других не могла далее поддерживаться надежда на выигрыш своего дела по упорству»<sup>50</sup>.

Первая половина XIX в. не отмечена масштабными крестьянскими восстаниями. Конфликт с властью, постоянно тлевший в крестьянской среде, выражался в большей степени в мягких формах. Намного проще, а зачастую и эффективнее было пассивное сопротивление.

Одной из наиболее распространенных форм борьбы была подача жалоб и прошений. Наиболее часты жалобы на несправедливую отдачу в рекруты, противозаконные или излишние сборы, вымогательство взятки за различные услуги или отмену каких-либо взысканий и наказаний, нарушения в решении земельных споров, нанесение побоев и т. д.<sup>51</sup>. Имели место и «рецидивы». Например, в конце 1830-х — 1850-е гг. жаловались на действия глазовского уездного землемера С. Филимонова (вымогательство взятки за дополнительное наделение земель, отрезка «излишних» наделов, притеснения при отбытии крестьянами натуральной повинности по постановке межевых признаков и т. д.). Последний продолжал оставаться в должности, не неся наказаний<sup>52</sup>. Поток прошений приходился на различные ревизии. Результаты их впечатляли. Так, во время сенаторской ревизии 1796 г. поста был лишен даже вятский губернатор. Один только Глазовский нижний земский суд тогда лишился земского исправника и дворянского заседателя. Помимо чиновников в незаконных

поборах и взятках, «чинимых в каждой волости», обличались до 3,9 тыс. «мирских начальников». Чтобы не перегружать суды, Екатериной II было отдано распоряжение по приговорам сходов лишать последних должностей со взысканием того, «что они незаконно употребили, несостоятельных же отдать без очереди за селения в рекруты»<sup>53</sup>. Ревизией 1824 г. выявилось, что с 14 волостей Сарapulьского уезда путем вымогательства собрали более 190 тыс. руб. По Глазовскому уезду такие сборы превысили 340 тыс. рублей<sup>54</sup>. В 1837 г. при ревизии государственных имуществ крестьяне жаловались на злоупотребления лесничих, на сборы за перемену дорожного участка, на наем подвод для проезда старост в уездный город для уплаты податей и т. д.<sup>55</sup>.

Другой формой проявления пассивного крестьянского недовольства были действия, нарушающие те или иные законодательные установки. Сюда можно причислить самовольные переселения, порубки и расчистку леса, перепашку межи, уничтожение межевых признаков<sup>56</sup>.

Дореволюционный исследователь Н. П. Бехтерев причины самовольных переселений видел в волоките. Государственные крестьяне, чтобы избежать ее, употребляли уловку: выбрав место и подав просьбу, они, не дождавшись официального разрешения, переселялись туда. Если переселение не разрешалось, следовало обращение в вышестоящее ведомство. Часто, «имя в виду, что просители обзавелись на новом месте хозяйством и чтоб не подвергнуть благосостояние их расстройству и совершенному разорению», шло предписание принять как данное факт переселения, но с условием, «чтобы впредь сего отнюдь допускаемо не было»<sup>57</sup>.

Тактикой «мелкого фола» можно считать попытки избежать рекрутчину (бегство, раздробление семейств и даже членовредительство), незаконную торговлю солью, табаком, спиртными напитками, самогонование, жжение извести, «непредставление» понятых и т. д. Имели место и открытые «бунты» отдельных крестьянских семей. Таково, например, дело 1828 г. об учинении жителем Гординской волости Глазовского уезда Прокопьем Ваулиным с детьми бунта по случаю взятия сыновей его в рекруты»<sup>58</sup>. Случаи словесных оскорблений, притом даже в адрес царствующих особ, не вызвали каких-либо практических действий, «по глупости и невежеству» крестьян прощали<sup>59</sup>.

В целом эти действия можно считать проявлением крестьянского консерватизма (всяческое сопротивление нововведениям, пусть даже не таким уж и недавним, к тому же ограничивающим крестьянскую свободу) и стремления выжить. Согласно изысканиям американского крестьяноведа Дж. Скотта, «крестьяне смиренно отдают часть своей продукции государству, арендодателям, но только до тех пор, пока не возникнет угроза самому существованию крестьянских семей»<sup>60</sup>.

Однако бунт — это достаточное редкое проявление крайнего недовольства. Взбунтовавшиеся часто угрожают обещанием голову сложить, но не подчиниться, но это «лишь осторожное сопротивление и просчитанный конформизм». Поэтому крестьяне предпочитают применять «оружие слабых», особую «систему этических и политико-экономических действий в противостоянии с властью имущими». В народной памяти долго держались воспоминания о жестоких репрессиях власти в случае проявления открытого протеста и несогласия<sup>61</sup>. Используя различные уловки, хитрость, молчаливые самовольные действия, оправдываемые собственной темнотой и невежеством, крестьяне зачастую добиваются своих целей, например, в освоении новых земель. Основным видом борьбы становилось использование вертикалей власти: жалобы вышестоящим на нижестоящих власть имущих. При этом главной формой является коллективное противодействие. Даже индивидуальные жалобы — в большей степени «форма заполнения бланка», но не суть конкретные прошения. Власть, в свою очередь, действуют весьма неоднозначно: с одной стороны, безусловно, эксплуатируют своих подданных, изымают их прибавочный продукт (в немалой степени в виде незаконных поборов) и подавляют любое явное сопротивление; с другой, — стараются заботиться о своих подопечных. Заслуживает также внимания утверждение Р. Пайпса, что «большинство так называемых крестьянских волнений не были сопряжены с насилием и представляли собою просто неповиновение». Поэтому они не могут служить «надежным барометром социального разлада или политического недовольства»<sup>62</sup>.

История Удмуртии первой половины XIX в. не знает случаев поддержанного самозванчества в том виде, как это было во время крестьянской войны 1773—1775 гг.

Случалось, что появлялись слухи о якобы живых и скрывающихся особах, принадлежащих к императорскому дому. Например, в 1825—1826 гг. в Гординской волости Глазовского уезда крестьяне Трифон и Илларион Некрасовы утверждали «единственно за чудо токмо» о живом императоре Павле<sup>63</sup>. В 1840 г. в Малмыжском уезде был задержан «бродяга Александр, который выдавал себя за цесаревича Константина Павловича, привлекал к себе простой народ ворожебою»<sup>64</sup>. К этому ряду причислим и слухи о якобы отмене того или иного непопулярного решения центральной властью, которое местные представители власти утаивают.

Крестьяне начинают поддерживать выступление лишь в случае своей заинтересованности в его успехе, когда оно направлено против пагубного именно для них мероприятия власти. Борьба новоявленных неприменных работников-удмуртов, выступления за свою религию и обычаи язычников, новокрещеных и старообрядцев, волнения государственных, удельных и крепостных крестьян носят узколокальный характер, зачастую даже не выходят за рамки отдельного «мира» — общины. Другой причиной локальности крестьянских волнений первой половины XIX в. можно считать отсутствие вождей. Согласно О.А. Суховой, стихийность аграрных выступлений «определяет глубину и укорененность в групповом сознании причин недовольства, но прежде всего это следствие массового сознания, проявляющегося в массовом поведении и выполняющим функцию регуляции сверхсильных эмоциональных переживаний, свойственных большинству участников процесса»<sup>65</sup>. В любом случае все это объясняет обиденность взаимоотношений власти и крестьянства Удмуртии в рассматриваемое время, как правило, исключаящую явную конфронтацию. В конечном же счете всегда можно заметить, что конфликтные отношения неизменно сопровождают социальную жизнь. Главное, не допускать чрезмерного усиления их дестабилизирующего потенциала. Явным признаком жизнеспособности социального тела Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в. является отсутствие ярко выраженного недовольства, о чем, к примеру, свидетельствуют удмуртские материалы.

#### Примечания

1. ЛУППОВ П.Н. Волнения вотяков Вятской губернии по поводу прикрепления их к горным заводам в 1807—1808 г. — Труды ВУАК. 1909. Вып. 2—3, отд. 3, с. 105—106.
2. Там же, с. 107—108.
3. Государственный архив Кировской области (ГАКО), ф. 582, оп. 140, д. 108, л. 260—261.
4. АЛЕКСАНДРОВ А.А. Ижевский завод. Ижевск. 1957, с. 85.
5. ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 108, л. 318.
6. ЛУППОВ П.Н. Ук. соч., с. 112.
7. Там же, с. 113.
8. ГАКО, ф. 582, оп. 140, д. 108, л. 318, 326.
9. ЛУППОВ П.Н. Ук. соч., с. 114.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 37, оп. 16, д. 156, л. 2, 4—5об.
11. Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Рукописный фонд (НОА УИИЯЛ), оп. 2-Н, д. 464, л. 14, 15, 17—22.
12. ГАКО, ф. 21, оп. 1, д. 910, л. 2.
13. Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сб. док. М. 1961, с. 113—114.
14. ГАКО, ф. 21, оп. 1, д. 910, л. 4—5, 7—9об., 13—14об., 17; НОА УИИЯЛ, оп. 2-Н, д. 8, л. 96—96об.; ПОЛОВИНКИН Н.С. Дворцовая (удельная) деревня Приуралья. Вторая половина XVI — первая половина XIX вв. Тюмень. 1996, с. 110.
15. Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг., с. 196.
16. ПОЛОВИНКИН Н.С. Ук. соч., с. 111.
17. Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР), ф. Р-534, оп. 1а, д. 133, л. 124—125.
18. Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг., с. 197.
19. ПОЛОВИНКИН Н.С. Ук. соч., с. 111—112; Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг., с. 202, 657.
20. НОА УИИЯЛ, оп. 2-Н, д. 63, л. 170.
21. ЦГА УР, ф. Р-534, оп. 1а, д. 133, л. 127.
22. ТОКАРЕВ С.В. Крестьянские картофельные бунты. Киров. 1939, с. 25.
23. Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг., с. 248.
24. ЦГА УР, ф. Р-534, оп. 1а, д. 133, л. 129, 130.

25. Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг., с. 250—254. Последний приказ находился в Пермской губернии.
26. Столетие Вятской губернии. Вятка 1881. Т. 2, с. 519—520.
27. Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг., с. 251.
28. Столетие Вятской губернии, с. 518—519.
29. ЦГА УР, ф. Р-534, оп. 1а, д. 133, л. 124.
30. Столетие Вятской губернии, с. 520—521.
31. ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 687, л. 3об., 4, 5об., 6, 7об., 84—85.
32. ТОКАРЕВ С.В. Ук. соч., с. 24—25.
33. Столетие Вятской губернии, с. 521.
34. ТОКАРЕВ С.В. Ук. соч., с. 55—56.
35. ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 679, л. 2об., 11об., 22.
36. Столетие Вятской губернии, с. 531—532; ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 679, л. 2—3об.
37. ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 679, л. 12.
38. Там же, л. 200. В случае «неоткрытия» виновных расходы списывались «на счет казны» (См., напр.: ГАКО, ф. 56, оп. 1, д. 517, л. 14об.).
39. ТОКАРЕВ С.В. Ук. соч., с. 73, 28—29.
40. По итогам X ревизии (1858 г.) крепостных в четырех «удмуртских» уездах Вятской губернии насчитывалось 2,8% от общего количества крестьян (См.: Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск. 2000, с. 562).
41. НОА УИИЯЛ, оп. 2-Н, д. 45, л. 71; Столетие Вятской губернии, с. 511—513, 532—534; Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. Сб. док. М. 1962, с. 520—523.
42. ДОЛГИХ А.Н. Крестьянский вопрос в политике самодержавия в середине 10-х — начале 30-х гг. XIX в. Дис. канд. ист. наук. М. 1984, с. 94.
43. ГАКО, ф. 21, оп. 1, д. 1911, л. 2об.—4, 10—10об.; оп. 45, д. 7, л. 1—1об., 23—25об., 64—64об., 72—92об., 114—114об.; ф. 21, оп. 1, д. 1259, л. 1—5.
44. ЛУПШОВ П.Н. Христианство у вотяков в 1-й половине XIX в. Вятка. 1911, с. 296.
45. Вятские епархиальные ведомости. 1879, № 20, с. 519.
46. ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 18, л. 60об.—61об., 94, 190об.—191.
47. ГАКО, ф. 21, оп. 1, д. 876, л. 6—6об.; ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 171, л. 2, 187.
48. ГУРЬЯНОВА Н.С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма. В кн.: Старообрядчество в России (XVII—XIX вв.). М. 1999, с. 129, 139, 144—145.
49. ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 401, л. 16.
50. Там же, д. 789, л. 342—342об.
51. См., напр.: ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 632, 681, 722; оп. 3, д. 109, 121, 122, 129а, 141, 151, 155, 159, 161, 181, 211, 225, 228, 233, 260, 188, 343, 429, 683; ф. 241, оп. 1, д. 4, 257, 322, 697, 698, 755, 784, 850.
52. ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 689, 714; оп. 3, д. 129а.
53. Там же, ф. 347, оп. 1, д. 126, л. 184, 312, 414—414об.
54. История Удмуртии: конец XV — начало XX века. Ижевск. 2004, с. 182—183.
55. ГАКО, ф. 575, оп. 24, д. 5, л. 38—69об.
56. См., напр.: ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 358, 629, 631, 734, 738; ф. 241, оп. 1, д. 3, 538, 576, 578, 579, 709, 766.
57. Столетие Вятской губернии, с. 435.
58. ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 573.
59. См., напр.: РГИА, ф. 1405, оп. 39, д. 1413, л. 22—22об., 23об.—25.
60. НИКУЛИН А. Сатурналии мощи. Искусство господства и сопротивления в концепции Джеймса Скотта. — Отечественные записки. 2003, № 3, с. 111; СКОТТ Д. Моральная экономика крестьянства как этика выживания. В кн.: Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М. 1992, с. 202—210.
61. НИКУЛИН А. Ук. соч., с. 113.
62. ПАЙПС Р. Россия при старом режиме. М. 1993, с. 205.
63. ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 659, л. 28—28об.
64. Цит. по: МАКАРОВ Ф.П. Феодално-крепостнические отношения и классовая борьба в Удмуртии в XIX в. Ижевск. 1935, с. 25.
65. СУХОВА О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М. 2008, с. 612.

## Проблема депортации карачаевцев и балкарцев в зарубежной историографии

Х.-М.А. Сабанчиев

Почти до конца 1980-х гг. депортация народов в СССР была одной из самых табуированных тем. Впервые о ней заговорили на Западе. Представители кавказского зарубежья в своих статьях и выступлениях, защищая права человека на свободу и независимость, не могли обойти молчанием проблему «наказанных народов», пытались рассказать об их судьбе. За короткий период (1951—1956 гг.) в Мюнхене, Анкаре и Стамбуле вышли работы М. Асланбека (Дудова), А. Авторханова, М. Бала, Вассан-Гирея, Б. Бейтугана, Р. Трахо и др. <sup>1</sup> Акт депортации одной трети населения Северного Кавказа в Среднюю Азию и Казахстан они оценивали как акт народоубийства, подпадающий под соответствующие параграфы конвенции о геноциде, принятой ООН.

Роль защитника карачаевского и балкарского народов в эмиграции взял на себя М. Дудов, опубликовавший в 1951 г. в Мюнхене сначала на английском, а затем на русском языке статью «Истребление Советами карачаевского народа», а в 1952 г. на турецком языке — книгу «Трагедия карачаевских и балкарских тюрок».

Среди зарубежных авторов было немало политэмигрантов из Советского Союза. Это обстоятельство накладывало определенный отпечаток на характер их трудов. В них сразу же обозначались приметы времени — разгар холодной войны и стремление актуализировать тему защиты прав обездоленных народов, которые отодвинули на второй план научно-историческое содержание проблемы депортации народов. Заметно было стремление дать ей соответствующее идеологическое объяснение, прочно вошедшее в арсенал зарубежной историографии. Сознательные противники тоталитарной системы дали во многом справедливую оценку сути сталинизма, отразили свое видение просчетов, допущенных при сталинской модернизации, причин, их породивших. Но все же, основой для построения теоретической базы проблемы послужил заведомо тенденциозный материал, что обедняло содержание и качество даже плодотворных наблюдений. «И как ни парадоксально, авторы своим желанием помочь, поддержать лишь усугубляли положение “наказанных народов”, подтверждая и усиливая огульные сталинские обвинения этих этносов в измене Родине, в антисоветских настроениях и действиях. За что могли быть так наказаны Сталиным целые народы — задавались вопросом зарубежные авторы и отвечали согласно своим интересам и нормальной логике: за антибольшевистское, антисоветское национально-освободительное движение», — пишет С.У. Алиева <sup>2</sup>.

Подобный идейно-политический стандарт в подходе к проблеме депортации народов во многом утвердился благодаря Дудову и Авторханову. Большую часть своей долгой жизни Дудов посвятил

---

*Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич* — доктор исторических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. Нальчик.

ознакомлению мировой общественности с историей и практикой национальной политики советского государства на Северном Кавказе. Его единомышленник Авторханов в эмиграции интенсивно занимался изучением современного ему положения в Советском Союзе и по праву считался признанным аналитиком пороков тоталитарной системы и культа личности в СССР.

Интересные факты приводит в своих воспоминаниях бывший нарком внутренних дел Северо-Осетинский АССР, комиссар госбезопасности Г. Такоев (Текаев). Он, будучи наркомом, был участником выселения народов из соседних республик. В конце 1940-х гг. Такоев бежал из СССР и работал в Лондонском университете. На страницах журнала «Социалистический вестник» он пишет по каким рецептам и кем готовилась акция по выселению народов Северного Кавказа: «Генштаб СССР в начале 1940 г. пришел к письменному выводу, что в случае войны в южном направлении народы Кавказа могут стать занозой в чувствительном месте военной машины, и что поэтому было бы стратегически целесообразно принять своевременные «особые» меры. ... Так было положено фактическое начало того, что произошло в 1943—1944 гг. А обвинение в сотрудничестве с немецкими фашистами выдумали уже позже для оправдания этой акции»<sup>3</sup>.

Заслугой названных авторов следует признать постановку проблемы, конкретные действия, направленные на разоблачение сталинской политики массового террора, что позволило привлечь мировое общественное внимание к трагической судьбе депортированных народов. В целом же эти работы носят скорее публицистический, нежели строго научный характер.

Любопытно, что перемены в судьбах репрессированных народов после XX-го съезда КПСС сразу же привлекли внимание иностранцев. 6 сентября 1957 г. к заместителю Председателя Совета Министров КБАССР обратился первый секретарь английского посольства в Москве господин Орчард и заявил: что он желает побеседовать о том, как проходит обустройство возвращающихся балкарцев. В ходе беседы с Ч.Б. Уянаевым Орчард выяснял, как происходит расселение балкарцев, полностью ли они реабилитированы, много ли их работает в государственных учреждениях, какие недостатки имеются в организации переселения<sup>4</sup>. Подробности беседы он опубликовал в печати и рассказал о посещении г. Нальчика корреспондентам английских газет.

Проблемы обустройства возвращающихся балкарцев нашли отражение и в отчете английских альпинистов об экспедиции 1958 г. в Приэльбрусье<sup>5</sup>.

Эти материалы были использованы английским ученым политологом Р. Конквестом. Собранные и обобщенные им имевшиеся на Западе материалы легли в основу книги «Советские депортации народов»<sup>6</sup>, изданной в 1960 г. в Лондоне. Этнические депортации военного времени в СССР он рассматривал как естественное продолжение колониальной политики царской России. Несмотря на скудость источников, Конквест сумел дать набросок хронологии депортации и статистику смертности в ходе ее осуществления. Книга Конквеста существенно дополняла то, чем располагала европейская наука к середине прошлого века. Он же составил первую карту депортации народов в СССР.

Сам автор не считал свою работу итоговой. Он тщательно изучил Справочный отдел Британской библиотеки и Гуверовский архив при Стенфордском университете в Калифорнии — хранилища самых полных и авторитетных собраний документов о советской стране. Ровно через десять лет история «наказанных народов» получила более развернутое описание в изданной в Нью-Йорке книге Конквеста «Народоубийцы: советская депортация национальностей»<sup>7</sup>.

Специалисты по национальным отношениям в СССР не спешили откликнуться на «грубое пограние национальной политики советского государства». Тем больший интерес представляли публикации Х. Хазера<sup>8</sup>, И. Лютфи и Д. Хасана<sup>9</sup>, изданные за рубежом. Статьи написаны в целом традиционно, с повторением ряда утвердившихся в предшествующей литературе положений. Но факт их постоянного присутствия в зарубежной историографии говорит о широком и устойчивом интересе к данной проблеме за границей.

Турецкие авторы Ш. Мурат и С. Ёзбай особое внимание уделяли истории репрессивной политики сталинизма в отношении карачаевцев и балкарцев<sup>10</sup> в значительной степени из-за принадлежности этих народов к тюркскому миру. Эти публикации появились, когда сама депортация воспринималась пережитой и частично «исправленной» историей, когда карачаевцы, балкарцы и другие депортированные народы Северного Кавказа вернулись на Родину. Однако авторы не преминули указать, что руководство Советского Союза ничего не сделало для того, чтобы возместить народам тяжелый моральный и материальный ущерб, который был нанесен им в период ссылки.

По мере освоения темы исследовательская задача усложняется и укрупняется. В 1970-е гг. западные историки стремятся к более широкой ее интерпретации. В этом смысле показательно исследование А. Некрича «Наказанные народы», опубликованное сначала на русском, а затем на английском языке<sup>11</sup>. Интерес к проблеме со стороны автора не был случаен, а отражал сферу его научных интересов. Ко времени издания своей книги Некричу принадлежало несколько работ по истории Великой Отечественной войны, написанных еще в СССР. Важнейшей частью данного издания является раскрытие политической сущности проблемы, описание депортации из Северного Кавказа, Калмыкии и Крыма, отдельно рассматривается пребывание наказанных народов в статусе спецпоселенцев, детализируются трудности при их возвращении на родину. Некрич отнюдь не скрывал своих источниковедческих слабостей, выразившихся прежде всего в основательном использовании материалов, содержащихся в работе Х.И. Хутуева<sup>12</sup>, которому он отвел почетное место в историографии проблемы.

Автор уловил существование связи между тоталитарным обществом и таким явлением, как насильственное выселение народов, — обстоятельство, которое длительное время оставалось непонятым многими советским историкам. Независимо от натянутости некоторых положений, по научности и меткости суждений книга Некрича наиболее интересна и является одним из первых серьезных опытов в освещении данной темы в зарубежной историографии. Точнее было бы считать ее плодом неподцензурной отечественной исторической мысли.

Общее состояние и направленность зарубежной историографии до 1980-х годов отразил норвежский профессор Альф Граннес<sup>13</sup>.

После некоторого перерыва за рубежом вышел новый цикл работ по истории депортации. В Турции их появление было связано с созданием обобщающих трудов по истории карачаевцев и балкарцев, проживающих в этой стране. Их авторами выступили потомки мухаджиров, которые побывали на родине своих предков, собрали интересный историко-этнографический и литературный материал. Среди них можно отметить книгу Хаят Бидже «Переселение из Кавказа в Анатолию»<sup>14</sup>. Как видно из заглавия книги, Х. Бидже большое внимание уделяет вопросу мухаджирства карачаевцев и балкарцев, но не только ему. В ней есть также специальный раздел, где подробно описывается сам процесс депортаций 1943—1944 гг., трудности и лишения, которые пришлось пережить карачаевцам и балкарцам на спецпоселении. Отмечается, что десятки тысяч людей — особенно стариков, женщин и детей — погибли от голода, холода и болезней в пути следования и в местах ссылки, климатически непривычных для уроженцев Кавказа. Демографические потери балкарцев и карачаевцев оцениваются в 40—50%, то есть автор придерживается распространенных среди представителей этих народов цифр<sup>15</sup>.

В небольшой, но содержательной статье Уфук Таукул рассматривает проблему на общем фоне политики советского государства на Северном Кавказе в предвоенные и военные годы<sup>16</sup>. Отмечает патриотизм большинства карачаевцев и балкарцев, их героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, подчеркивает, что многие погибли в боях с врагом. Причин, которыми обуславливалось выселение карачаевцев и балкарцев, он называет несколько: властвовавший режим Сталина и деформации в сфере национальных отношений; неприятие горцами преобразований, подобных коллективизации, в ходе которой крестьян насильно загоняли в колхозы и обобществлялся частный скот; недееспособность местных органов советской власти накануне и политический паралич власти в период оккупации; действия, направленные на объединение Карачая и Балкарии, которые ломали сложившиеся формы национально-государственных образований в регионе.

Известный французский историк Н. Верт ошибочно трактует суть событий на Северном Кавказе в 1942—1943 гг. и пишет об антисоветских восстаниях «трех горных мусульманских народов: карачаевцев, кабардинцев и балкарцев»<sup>17</sup>. Автор отождествляет вооруженные вылазки отдельных групп бандитов с целыми народами.

Неверное обобщение сделал и австрийский историк немецкого происхождения А. Каппелер, который отнес балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей к числу тех народов, которые в ходе Кавказской войны оказали России наибольшее сопротивление. Экстраполируя этот тезис на советскую эпоху, он увязывает его со сталинской депортацией<sup>18</sup>.

В 1991 г. специальный заказ Хельсинкской группы по правам человека был выполнен научным сотрудником Русского исследовательского центра Гарвардского университета Дж. Критчлоу<sup>19</sup>. Пе-



ред ним стояла задача охарактеризовать современное положение десяти тотально депортированных народов. В основу отчета легла информация, полученная от представителей этих этносов. О социально-экономическом положении балкарского народа и трудностях осуществления реабилитационных мер исследователю поведал Х.И. Хутуев.

Среди зарубежных ученых отметим и Д. Дитмара, который в статье, посвященной основным аспектам депортации российских немцев, упоминает все подвергшиеся насильственному выселению народы в СССР, в том числе карачаевцев и балкарцев<sup>20</sup>.

Попытка дать обобщенный очерк советских депортаций предпринята в книге французского историка Ж.-Ж. Мари «Депортированные народы Советского Союза»<sup>21</sup>. Здесь хронологически даны основные депортационные операции в СССР, кратко освещены вопросы пребывания народов на спецпоселении, их полуреабилитации и полурепатриации. Французский ученый заключает, что трагические последствия сталинских депортаций до сих пор тревожат национальную память репрессированных в СССР народов, порождая немало проблем в национальных отношениях и современной политике.

Данная концептуальная установка в более широких хронологических рамках развита в монографии Александра Григорьянца «Проклятые Россией. Выселение народов как метод правления»<sup>22</sup>. В книге повествуется о том, как сперва царизм, а затем советская власть организовывали переселение целых народов, начиная с эпохи Ивана Грозного до сталинских времен. Автор утверждает: как бы не менялся режим, российская власть пренебрегала элементарными правами человека, а с целыми народами обращалась как с врагами, изгоняя с родных мест и создавая им невообразимые условия существования.

В последние годы наблюдается активизация интереса к теме принудительных миграций на различных научных форумах зарубежных общественников. Проблема стала предметом дискуссионного обсуждения на семинаре в Австрии (1994 г.), международных конференциях в Германии (1995 г.), Турции и Англии (2006 г.). Ученые из Австрии, Англии, Германии, Польши, России, Турции и других стран особое внимание уделили выявлению и характеристике мер по наказанию народов со стороны режимов, функционировавших в разных странах в 30—40-е годы прошлого столетия.

Зарубежная литература интересна не столько с информативной, сколько с аналитической точки зрения. Западным исследователям удалось сформулировать довольно точные модели «этнических кристаллизаций» населения восточно-европейских стран.

Подводя итоги, следует отметить, что зарубежные соотечественники первыми по свежим следам выступили в западной печати с разоблачением сталинской депортации. В результате их усилий мир был информирован о постигшей народы Северного Кавказа трагедии. Следует также признать не только нравственный, но и научный приоритет зарубежных исследователей в постановке проблемы. Не имея в своем распоряжении первоисточников, они порой путем эмпирических рассуждений пришли к принципиальным выводам в выявлении причин репрессивных акций против целых народов. Отмечая содержащиеся в зарубежной историографии материалы, наблюдения и выводы, приходится, однако, признать, что интерес авторов к депортированным народам первоначально сочетался с идеологическими мотивами. И в советской историографии изучение вопроса происходило под прямым партийно-идеологическим воздействием, надолго законсервировавшим сложный сюжет национальной политики советского государства. В течение длительного периода рассматриваемая тема изучалась односторонне и недостаточно полно.

#### *Примечания*

1. ASLANBEK M. (ДУДОБ М.) The Extermination by the Soviets of the Karachay people. *Caucasian Review*. Munich. 1951, s. 9—15; EUJSD. *Karaçay ve Malkar Türklerinin Faciasi*. Ankara. 1952; УРАЛОВ А. (АВТОРХАНОВ А.). Убийство чечено-ингушского народа. Народоубийство в СССР. Мюнхен. 1952; М. 1991; BALA M. *Karaçay ve Balkarlar*. *İslam Ansiklopedisi*. İstanbul. 1952, s. 217—221; БАССАН-ГИРЕЙ. Советская национальная политика. Мюнхен. 1955; БЕЙТУГАН Б. Первые вести о судьбе карачаевцев и балкарцев. Мюнхен. 1956; KARZA R. *Simali Kafkasya da tehcir ve Katliam*. — *Dergi*. 1956, № 2, s. 35—50; TRAHO R. *Gildinlik kurbani*. — *Kafkasya*. № 13, Munich. 1956.

2. АЛИЕВА С.У. От составителя. Так это было. Т. 1. М. 1993, с. 9.
3. ТАКОЕВ Г. К проблемам национальной политики в СССР. — Социалистический вестник. Париж. 1951, № 3, с. 66.
4. Час испытаний. Документы и материалы. Нальчик. 2001, с. 541—546.
5. JONES R. Climbing wit the Russians. — Geographical Magazine. 1959, June.
6. CONQUEST R. The Soviet Deportation of Nationalities. — L. 1960.
7. EJUSD. The Nation Killers. Soviet Deportation of Nationalities. N.Y. 1970.
8. HIZAL AHMED HAZER. Kuzey Kafkasya: Hürriyet ve İstiklal Davası. Ankara. 1961, s. 123—126.
9. Сб. статей Kuzey Kafkasya' da Sovyet. Rusvahşeti 1944 yılı Faciasi. Ankara. 1964, s. 17—27; 29—30.
10. MURAT S. Drau Katliami. Kuzey Kafkasya. Haziran – Temmuz. 1972, № 3, s. 20—23; OZBAY C. Alman ordularinin Kafkasya ya Saldırısı. Kuzey Kafkasya. Nisan-Mayıs. 1979, s. 8—10.
11. НЕКРИЧ А. Наказанные народы. Нью-Йорк. 1978.
12. Речь идет о кандидатской диссертации Х.И. Хугуева Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Ростов-на-Дону. 1965.
13. GRANNES A. A note on publishing in a small soviet minority language-Karacaj: A quantitative analysis. — Nordic Journal of Soviet-East European Studies. 4. cild. 2. say. 1987, s. 43—54.
14. BICE H. Kafkasya' dan Anadolu' ya göçler. Ankara. 1991, s. 88—107.
15. По данным НКВД СССР, потери составили 26,5%. По подсчетам демографа Д.М. Эдиева, прямые и косвенные потери составляют 48%.
16. ТАУКУЛ У. Karacay halkinin surgun ve soykiriminin. — Basbakanlik arisivi. Ankara. 1994, № 1, s. 149—156.
17. ВЕРТ Н. История советского государства. 1990—1991. М. 1994, с. 316.
18. КАПЛЕПЕР А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М. 1996, с. 153.
19. Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций. Отчет Хельсинской группы по правам человека. Хельсинки. 1991, с. 91—95.
20. DITMAR D. Operation erfolgreich durchgefuehrt die deportation der Wolga deutschen 1941. Flucht und Vertreibung. Picus Verlag. Wien. 1994.
21. MARIE J.-J. Les peuples déportés d'Union Sovietique. Editions. Complexe. 1995.
22. GRIGORIAN TZ A. Les Damnes de La Russie. Le deplacement de populations comme methode de gouvernement. Paris. 2002.

**Е.Е. ЩЕКОТИХИН.** *«Нормандия» — полет в бессмертие: Орёл, Смоленск, Минск, Кёнигсберг.* Орёл. Издательство ГОУ ВПО «Орловский государственный университет». 2010. 512 с., ил.

**Е.Е. СHTЧЕКОТИKHINE.** *«Normandie» — un vol vers l'éternité : Orel, Smolensk, Minsk, Königsberg.* Orel. Presses Universitaires de l'Université d'Etat d'Orel. 2010. 512 pages avec illustrations.

Истребительный авиаполк «Нормандия», пожалуй, самое известное воинское подразделение организации «Сражающаяся Франция», которая была основана генералом де Голлем в Лондоне в июне 1940 г. в противовес официальному профашистскому французскому правительству Виши и вначале называлась «Свободная Франция». Де Голль ставил перед ней политические задачи и позиционировал ее как французскую власть в изгнании, не покоровшуюся врагу и продолжающую борьбу против него. Генерал придавал большое значение и вооруженным силам «Свободной Франции».

Французские войска принимали участие в военных операциях на стороне союзников на Ближнем Востоке и в Африке. Именно это дало

основания де Голлю летом 1942 г. переименовать возглавляемую им организацию в «Сражающуюся Францию». Генерал очень хотел, чтобы его солдаты и офицеры участвовали в боях и на Восточном фронте. Осенью он получил разрешение на отправку в СССР с последующей переброской на фронт воздушной эскадрильи «Нормандия». Французы прибыли в начале 1943 г. в составе 1-го отдельного истребительного авиационного полка «Сражающейся Франции», который включили в состав 303-й авиационной дивизии 1-й воздушной армии СССР. Так началась легендарная история полка «Нормандия», которому после участия в освобождении Литвы и форсировании реки Неман было присвоено почетное наименование «неманский». С 1944 г. и

по сей день он и в России, и во Франции известен как «Нормандия-Неман».

Рецензируемая книга написана известным историком, профессором Орловского государственного университета, доктором исторических наук Е.Е. Щекотихиным. Она вышла в свет в Орле на двух языках — русском и французском. Именно на орловщине начал свою боевую историю легендарный французский авиаполк. Орловская область стала побратимом французского региона Шампань-Арденны со столицей в Реймсе. И в России, и во Франции по сей день существуют авиаполки, носящие имя «Нормандия-Неман». Во Франции такой полк базируется в Реймсе. И в Орле и в Реймсе есть музеи, посвященные истории «Нормандии-Неман». Именно поэтому книга опубликована параллельно на двух языках. Совершенно очевидно, что она вызовет интерес в двух странах. На французский ее перевели замечательные орловские переводчики и преподаватели А.П. и Е.А. Чечиль.

В основе книги лежат архивные материалы, прежде всего боевые донесения, а также отчеты о деятельности эскадрильи «Нормандия», выписки из наградных листов, приказы верховного главнокомандующего И. Сталина, отечественная и французская литература и, что самое главное, воспоминания очевидцев событий. Е.Е. Щекотихин объехал несколько российских областей, за освобождение которых сражалась «Нормандия», нашел людей, в домах которых когда-то были расквартированы французские летчики. Разыскал он и тех, на чьих глазах их самолеты были сбиты врагом. Автору книги рассказали и о том, как уже после войны отряды добровольцев-подростков разыскивали сбитые истребители и погибших французских летчиков. В книге впервые представлен полный пофамильный список бойцов «Нормандии». Их было 99. Из них 42 человека героически погибли в боях за освобождение Европы от нацизма.

Книга разбита на пять частей, которые оригинально названы не главами, а кампаниями. Первые четыре посвящены главным битвам, в которых участвовали французские летчики — за Орёл (операция «Кутузов»), Смоленск (операция «Суворов»), Белоруссию (операция «Багратион») и операции по освобождению Восточной Пруссии. Последняя часть посвящена итогам сражений французских летчиков на фронтах второй мировой войны. Материал книги изложен в научно-художественном жанре. Исследовательские разделы перемежаются в ней с архивными

материалами, а также рассказами очевидцев событий. Перед читателем по существу предстает картина повседневной жизни летчиков авиаполка «Нормандия» с обыденными заботами, радостями, боевыми вылетами, горем потерь.

Первая часть книги самая объемная и, на наш взгляд, самая интересная. Она содержит донные неизвестный в отечественной историографии материал, касающийся формирования военных, и в первую очередь, авиационных подразделений «Свободной Франции». Автор начинает свое повествование с трагических дней поражения Франции в мае-июне 1940 года. Во многих советских и российских изданиях указывалось, что французы почти без сопротивления сдали свою страну нацистам. Щекотихин, основываясь на архивных материалах, опровергает такое утверждение. Он отмечает, что за пять недель боевых действий истребители французских ВВС «совершили около 10 тысяч самолетовылетов» (с.53) и что всего «ВВС Франции с 10 мая по 31 июня 1940 года сбили 684 самолета люфтваффе... И речь идет именно о подтвержденных потерях, а не о заявленных» (с.54).

1941 г. стал временем становления авиационных частей «Свободной Франции». Летом де Голль подписал приказ о формировании эскадрильи «Эльзас». Ее командиром стал майор Пуликен, а тактическое руководство принял на себя выдающийся французский летчик Жан-Луи Тюлян. Эскадрилья сражалась на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Ливийской пустыне, где англичане самоотверженно оказывали сопротивление бронетанковым войскам генерала Роммеля. Французы целый год в условиях испепеляющего зноя днем и пустынного холода ночью прикрывали союзников с воздуха (с.66). Свой день рождения эскадрилья отпраздновала 1 сентября 1942 года. Первоначально в нее вошли 15 человек во главе с Тюляном. 16 сентября генерал де Голль, теперь уже глава «Сражающейся Франции», присвоил ей название «Нормандия». В конце года французы изостерегеран прибыли в СССР. Для обучения пилотированию советских самолетов они приехали в Иваново.

Французы вступили в бой летом 1943 г. на самом тяжелом участке Орловской дуги. Они сражались отчаянно и понесли большие потери. Из первых 15 летчиков эскадрильи погибло 9, в том числе командир Тюлян. Его личности в книге посвящены отдельные разделы. Этот командир легендарной эскадрильи одним из пер-

вых пал смертью храбрых за освобождение орловщины от фашистов. Автор книги смог разыскать очевидцев падения его подбитого самолета и кончины летчика.

Вторая часть книги повествует о битве за Смоленск, проходившей в августе-сентябре 1943 года. За участие в воздушных боях в операции «Суворов» офицеры первого истребительного авиационного полка «Нормандия» были награждены орденом Отечественной войны первой степени. Именно в этой части книги Шекотихин делает акцент на опубликованных и неопубликованных источниках. Суровая военная жизнь французов предстает перед читателем сквозь призму документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО РФ) — награжденных листов и боевых донесений. Повседневная жизнь авиаторов описана по воспоминаниям, в частности, советского летчика, участвовавшего в боях за освобождение Смоленска, гвардии капитана Н.Г. Пинчука. В заключении к этой главе автор пишет: «Подводя итоги боевой деятельности “Нормандии” и в операции “Суворов” и оценивая результаты воздушной работы по уничтожению летчиков элитных немецких авиасоединений, как то “Мельдерс”, “Зеленое сердце” и других, менее именитых, следует отметить, что на 1 ноября 1943 года счет полка достиг отметки в 75 сбитых самолетов» (с.237).

Третья часть посвящена участию «Нормандии» в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. Она открывается подробным описанием награждения французских летчиков советскими и французскими орденами. Для этого события французы в феврале 1944 г. прибыли на аэродром в окрестностях Тулы, куда прибыли генерал Шиманов и военный представитель Французского комитета национального освобождения (преемника «Сражающейся Франции») при советском правительстве генерал Эрнест Пети. Церемония вручения французских наград проводилась с полным соблюдением национальных обычаев. «Стоявший перед строем офицер, — пишет автор, — традиционным взмахом шпаги подавал знак о произведении награжденного в кавалеры ордена Почетного легиона. Генерал Пети прикалывал крест к груди награжденного и целовал его. Орден Почетного легиона был вручен ветеранам полка: капитану Бегену, старшему лейтенанту Лефевру, старшему лейтенанту Альберу, лейтенантам де ля Пуапу и Риссо» (с.242).

«Через месяц после награждения в полк “Нормандия” прибыла группа летчиков-истреби-

телей во главе с капитаном Луи Дельфино. Она должна была составить второй истребительный авиационный полк под названием “Париж”. Предполагалось сформировать его в начале 1944 года. Однако из-за недостаточного числа летчиков для нормандия полка все прибывшие влились в полк “Нормандия”. Теперь он имел в своем составе 61 летчика в четырех эскадрильях: “Руан”, “Гавр”, “Шербур” и “Кан”, имевших на вооружении 55 самолетов Як-9. Их обслуживали 249 человек советского инженерно-технического состава» (с.244). А потом опять начались обычные военные будни. Учебные полеты, подготовка к боям. Не обходилось и без грустных событий. В марте 1944 г. произошла катастрофа, когда два французских летчика Жюль Куар и Морис Бурдые поднялись в воздух в паре для тренировки и рассекая облако столкнулись (с.248—249).

Главным событием операции «Багратион» стало продвижение войск 3-го Белорусского фронта под командованием генерала Черняховского к берегам реки Неман. «Гитлеровцы решили использовать этот водный рубеж, чтобы выиграть время для создания линии обороны под названием “Дайме”, опоясывающей границы Восточной Пруссии. Но наши армии, не снижая темпа наступления, с ходу форсировали Неман на широком фронте и захватили несколько плацдармов... Яростно сопротивляясь, противник временами переходил в контратаки. Летчики 303-й истребительной авиационной дивизии и полка “Нормандия”, действовавшие в составе 1-й воздушной армии, надежно прикрывали наступающие соединения от налетов бомбардировщиков противника» (с.291—292). После проведения операции «Багратион» летчикам был дан кратковременный отпуск. Они направились в Москву, где в декабре 1944 г. проходило знаменательное событие. В столицу СССР прибыл с официальным визитом генерал де Голль, теперь уже в качестве председателя Временного правительства Французской республики. В доме французской миссии на Якиманке (ныне основное здание посольства Франции в России) он в торжественной обстановке наградил своих соотечественников, отличившихся в боях. В этом разделе автор книги цитирует мемуары бойца «Нормандии» Франсуа де Жоффра — единственного летчика-француза, оставившего свои воспоминания (переведены на русский язык и изданы в 1982 году).

В четвертой части книги речь идет об участии «Нормандии» в Восточно-Прусской опера-

ции, начавшейся в январе 1945 года. В ней французские летчики совершили 454 самолето-вылета, во время которых сбили 49 и повредили 15 немецких самолетов. В этой части книги, помимо обильного цитирования боевых донесений и наградных листов, автор дал краткие биографии всех членов авиаполка. Отличились французы и во время взятия Кенигсберга.

Знаменательно название последней части книги — «Полет в бессмертие», в которой Щекотихин подводит итоги сражений французов на советских фронтах. Автор совершенно справедливо сожалеет о том, что французских летчиков не задержали в Москве до торжественного парада Победы, прошедшего в столице СССР 24 июня 1945 года. В середине июня французы из Эльбинга через Познань прилетели в Штутгарт, где присоединились к стоявшим там французским войскам. 20 июня они поднялись в небо и взяли курс на столицу Франции. Как писал, цитируемый автором Франсуа де Жоффер, «в парадном строю могучая, овеянная славой эскадрилья проносится над Елисейскими полями на высоте 500 метров. Над памятником неизвестному солдату самолеты рассыпаются в небо, словно гигантский веер, прикрывающий Париж с воздуха» (с.471).

В конце книги автор напоминает, что почти половина летчиков «Нормандии» не вернулась в родную Францию. Они остались в памяти не только их родных и близких, но и советских людей, которые в течение многих послевоенных лет разыскивали места крушения самолетов и гибели летчиков, а затем способствовали тому, чтобы перезахоронить французов на Введенском кладбище в Москве в Лефортово.

Приложение к книге содержит полный список французских авиаторов — 99 летчиков эскадрильи авиаполка «Нормандия» 22 марта 1943 г. — 4 июня 1945 г. с указанием их званий, наград, а у погибших — даты и места гибели (с.480—507).

Почти половину книги составляют иллюстрации. На них представлены, скорее всего, все имеющиеся фотографии французов, индивидуальные и групповые. Автор даже разыскал билеты французской государственной лотереи с портретами погибших летчиков «Нормандии».

В целом рецензируемая книга представляет собой настоящую энциклопедию, посвященную военным подвигам легендарной эскадрильи «Нормандия».

М.Ц. АРЗАКАНЯН

М.Е. ЕРИН. *Генрих Брюнинг. Канцлер и политик: биография.* Ярославль. ЯрГУ. 2010. 319 с.

Появление данной монографии известного германиста, доктора исторических наук М.Е. Ерина — значительное событие в отечественной историографии. Это первое глубокое исследование жизни и деятельности Генриха Брюнинга. В советской и российской историографии не было принято писать о личностях, закрепившихся в сознании историков, политиков и политологов исключительно как отрицательные государственные деятели. Автор проявил определенную научную смелость, обратившись к биографии канцлера, считающегося одним из главных виновников возвышения Адольфа Гитлера.

Монография выполнена на основе разнообразных источников. Прежде всего это материалы Потсдамского архива, мемуары Брюнинга, двухтомное издание писем (1934—1960), речи, а также официальные документы имперской канцелярии, материалы парламентских дебатов,

документы внешней политики СССР, мемуары и дневники непосредственных участников событий, а также пресса тех лет. За рубежом о Брюнинге написано много книг, содержащих полярные оценки его деятельности и личных качеств. В монографии используются новейшие публикации проф. Дортмундского университета Х. Хёмига и немецкого историка П.О. Фольмана.

В своей монографии автор охватил жизненный и политический путь Генриха Брюнинга, активного участника и свидетеля двух мировых войн, революций, зарождения нацизма и раскола Германии.

В центре исследования находится период жизни Брюнинга, связанный с его назначением канцлером и с его отношениями с Нобелем Дункером и нацистским режимом в период оккупации. Автор убедительно показывает, вопреки утверждениям сторонником британской конститу-

ционной монархии, либеральной демократии. Развитие партии Центра под его руководством шло в направлении «сильного авторитаризма». Еще в начале 1920-х гг. он был связан с консервативным «июньским клубом», враждебно настроенным против республики. С избранием Гинденбурга президентом страны (1925г.) судьба Брюнинга тесно переплелась с его судьбой, поскольку он относился к войне как «аристократическому переживанию», и считал, что только из участников войны должна формироваться «элита» в человеческом и духовном смысле (с. 39).

Гинденбург назначил Брюнинга канцлером 28 марта 1930 г., когда тому было 44 года. Ерин утверждает, что он занял этот пост уже сложившимся человеком и политиком, будучи «ставленником армии», стремившимся преобразовать парламентскую демократию в авторитарную монархию под регентством Гинденбурга, «оставаясь консерватором, а не реакционером» (с. 65, 66). Исследователь опровергает самого себя, заявляя, что испытывает трудности в определении четкой позиции Брюнинга, ввиду необъяснимой противоречивости и парадоксальности его намерений, не поддающихся анализу. На наш взгляд, автор напрасно ссылается по каждому поводу на мнения немецких историков, избегая собственных оценок. Например, остается неясной такая характеристика канцлера: «Он не был ни нацистом, ни демократом, ни республиканцем» (с. 86). Естественно, возникает вопрос, кем же он был: «махровым реакционером или несостоявшимся радикальным консерватором»?

Ерин уделяет большое внимание взаимоотношениям Брюнинга с НСДАП и лично с Гитлером, приводит массу неизвестных отечественному читателю фактов. Именно с помощью Брюнинга Гитлер превращается с 1931 г. в признанного политика. Канцлер был согласен даже на создание двухпартийного правительства НСДАП и Центра. Перед политической общественностью Германии канцлер выглядел союзником Гитлера, при нем нацист Геринг стал председателем рейхстага. Приход Гитлера к власти Брюнинг прокомментировал так: «Это хорошо, что Гитлер стал канцлером». Не без оснований исследователь заявляет, что канцлер мог решать экономические, финансовые вопросы и главную национальную проблему — упразднение Версальского договора и репарационных платежей только с опорой на национал-социалистов и лично Гитлера, что являлось проявлением «не только политической беспомощности, но и махровой реакционности».

Автор считает, что консерватор и интеллектуал Брюнинг не нашел исторически правильного вектора в бурном политическом море конца 1920 — начала 1930-х гг., предал своих партнеров по парламентской коалиции — социалистов и либеральных демократов — и перешел на сторону правого радикализма (националистов и нацистов), пусть не без колебаний и тяжелых сомнений.

Присоединяясь к современным трактовкам немецких историков, автор заключает, что Брюнинг представлял «консервативную альтернативу» нацизму, а его канцлерство могло стать последним шагом в спасении демократической республики. С такой оценкой можно согласиться, тем более, что не один Брюнинг недооценил Гитлера, предполагая, что если тому будет предоставлен высокий пост, например канцлера, то он обанкротится через три недели. Но все-таки оценка «политическая беспомощность или близорукость» является не совсем исчерпывающей характеристикой позиции Брюнинга, если исследователь рисует его интеллектуалом, честным и порядочным человеком, настоящим патриотом Германии. Необходимо было привлечь психологические, личные факторы для более обстоятельного и убедительного ответа на главный вопрос: почему интеллектуал Брюнинг не разглядел в несостоявшемся художнике, ефрейторе проигравшей армии опасного и амбициозного авантюриста Гитлера.

Симптомом политической близорукости Брюнинга другого рода, по мнению Ерина, было желание восстановить монархию, которое не нашло поддержки у президента Гинденбурга, и попытка формирования собственного внешнеполитического курса с опорой на США. Канцлер недипломатично смешал «факторы, связанные между собой, — рост влияния НСДАП и надежды на постепенную готовность союзников ревизовать Версальский договор», озвучил требование «дооружения» и «военного равноправия» и, естественно, потерпел поражение. Активный правый консерватизм Брюнинга не помог ему удержаться в кресле канцлера. Гинденбург уволил его, невзирая на преданность, и в 1934 г. он вынужден был эмигрировать.

Переосмыслил ли Брюнинг в годы вынужденной эмиграции свое отношение к Веймарской республике, демократии, институту монархии и нацизму — вот те вопросы, которые ставит автор монографии. Ответ исследователя убедителен: «консервативное государственно-правовое

мышление Брюнинга не принимало плебисцитарную демократию», он оставался на позиции монархии, «истинной демократии», то есть «демократии в христианском смысле» (с. 224). Экс-канцлер повторял: «Веймарская демократия не справилась с проблемой самодисциплины и взаимного доверия, ей не хватало хорошей монархической традиции». Ликвидацию нацистского режима в 1830-е гг. Брюнинг возлагал на генералов. Человек, живший в Англии, США, Брюнинг из-за страха за свою жизнь и отчасти из ложного патриотизма не выступал против нацистской власти, а ответственность за стабилизацию нацистского режима возложил на США, Англию и СССР.

Во время войны Брюнинг боролся против тезиса о единоличной ответственности Германии за развязывание второй мировой войны, выступая против всех планов расчленения (план Моргантау) и безоговорочной капитуляции Германии. После войны Брюнинг возложил всю вину за приход Гитлера к власти на НСДАП, Версальский договор, то есть на западных союзников и коммунистов. Ерин делает вывод, что Брюнинг — национал-консерватор — не изменил своим убеждениям ни в годы пребывания у власти (на посту канцлера), ни в годы изгнания, ни в годы раскола Германии, что не поддается рациональному объяснению. Автор подчеркивает «непоследовательность и неестественность критики»

Брюнингом британских политиков и их отношения к Германии, интеграции Европы, его враждебность к Франции, критику внешнеполитического курса ФРГ, что дало повод развязать против него кампанию разоблачений и дискредитации в Германии. В результате, после кратковременного преподавания в ФРГ (1952—1955 гг.), Брюнинг снова покинул родину и последние 15 лет, вплоть до своей смерти, жил в США.

Читатели получили интересное, полемичное исследование биографии государственного деятеля, сыгравшего роковую роль в истории Германии, но не раскравшегося в своей политике.

Как всякое серьезное исследование, книга не свободна от некоторой недосказанности. Так, скрупулезный анализ перипетий политической борьбы, исторической ситуации, гибели республики и установления нацистской диктатуры: несколько заслонил фигуру самого героя, которого трудно, практически невозможно вставить в традиционные идейно-политические или партийные рамки.

В целом монография профессора Ерина является значительным вкладом в изучение острых актуальных проблем современности, таких как роль правого радикализма и консерватизма в развитии массового общества.

Г.М. САДОВАЯ

# Contents

The political archives of the Twentieth century: At the threshold of complete schism. Contradictions and conflicts in Russian social-democracy, 1908—1912. Articles: **A.S. Smykalin**. Ideological control and the 5<sup>th</sup> department of the KGB in 1967—1989. Historical profiles: **P.A. Iskenderov**. Ismail Kemali. Letters from the Past: V.M. Molotov's letter to the CC CPSU, 1964. Contributions: **A.I. Chvikalov**. Town self-government and the public banks in the 2<sup>nd</sup> half of the 19<sup>th</sup> century; **A.A. Sindeev**. West-European integration, 1947—1957; **O.I. Makarchuk**. International factor in the Chinese revolution of 1911; **M.Iu. Polovnikova**. European religious-political organisations in Palestine in the 2<sup>nd</sup> half of the 19<sup>th</sup> century. History and fates: **M.M. Gasanaliev**. General I.V. Gudovich's activity in the Caucasus in early 19<sup>th</sup> century. People. Events. Facts: **Iu.M. Ablaev**. The formation of the Soviet-Finland frontier in 1917—1922; **M.V. Os'kin**. The problem of reserves for the general offensive of the Russian army in 1917; **V.E. Chukhno**. The Vladimir governor I.M. Sudienko; **I.V. Pislegin**. Discontent of the regime in the "Udmurt" districts of the Viatka province in early 19<sup>th</sup> century. Historiography: **Kh.-M.A. Sabanchiev**. The problem of deportation of the Karachaev and Balkar peoples in foreign historiography. *Reviews on Books*: *E. Shchekotikhin*. "Normandy" — the flight to undying glory (by M.Ts. Arzakanian); *M.E. Erin*. Heinrich Brüning, the chancellor and politician. A biography (by G.M. Sadovaia).

---

Учредители: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»  
Российская академия наук

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.  
Регистрационный № 894

Главный редактор АА. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

В.И. Кузищин, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, И.В. Созин, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

---

«Вопросы истории» № 8, 2011

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».  
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.  
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции  
Художественное и техническое оформление — **Е.П. Лебедева**

Подписано в печать 25.07.2011. Формат 70x108<sup>1/16</sup>. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 2600. Заказ 3594 Индекс 70145.

---

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Отпечатано с готовых диапозитивов ОАО «Издательский дом «Красная звезда».  
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.